

COUNCIL OF EUROPE CONSEIL DE L'EUROPE

INTERIGHTS

Запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (Статья 3)

INTERIGHTS РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЮРИСТОВ | ТЕКУЩЕЕ ИЗДАНИЕ ПО СОСТОЯНИЮ НА ДЕКАБРЬ 2008 Г.

Издание подготовилиШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/
АВТОРЫДина Ведерникова
Кевин Китчинг
Весселина ВандоваВНЕШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/
АВТОРЫМаксим Ферштман,
Шин Льюис-ЭнтониПОМОЩНИК РЕДАКТОРА/
КООРДИНАТОР СЕРИИБет Фернандез
(Английская версия)
Арпине Аветисян
(Русская версия)

Юристы INTERIGHTS

СТАРШИЕ ЮРИСТЫ

Иан Бёрн
Весселина Вандова

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР Питер Ашман

ЮРИСТЫ

Дина Ведерникова
Константин Кожокариу
Сибонгиле Ндаше
Джудит А. Одер
Соломон Сакко
Дойна Иоана Страйстеану

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР Хелен Даффи

ДИРЕКТОР ПО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ Андреа КумберЮРИДИЧЕСКИЕ
КООРДИНАТОРЫАрпине Аветисян
Мони Шреста

Совет директоров INTERIGHTSЛорд Лестер оф Хёрн Хилл QC,
ПОЧЁТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Профессор Джереми Макбрайд, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Присцилла Ашун-Сарпи, КАЗНАЧЕЙ
Тим Айк
Доктор Чалока Беяни
Майкл ГриффинДоктор Линн Велчман
Хелена Кук
Джонатан Купер, OBE
Анн Лаппинг
Доктор Невилл Линтон
Александра Маркс
Профессор Рейчел Мюррей
Профессор Кристин Чинкин

Международный консультативный совет INTERIGHTSПрофессор Филип Алстон
Флоренс Бутегва
Сурия Викремасинге
Профессор Яш П. Гай
Профессор Джерард Квинн
Профессор Гарольд Кох
Вивиана КрстичевичМарек А. Новицки
Соня Пикадо
Доктор Мэри Робинсон
Асма Хадер
Профессор Мартин Шейнин
Роджер Эррера

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ РУКОВОДСТВОМ

Настоящее руководство разработано региональной программой INTERIGHTS по Европе для использования в рамках образовательных проектов на территории Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР. Цель данного руководства - служить справочным пособием для юристов по Европейской конвенции о защите прав человека. Формат руководства позволяет периодически обновлять его на вебсайте INTERIGHTS.

В настоящее руководство включены решения Европейского Суда по правам человека, принятые вплоть до декабря 2008 года. Названия дел указаны в их английском написании для того, чтобы пользователи имели возможность находить эти дела в других источниках и системе HUDOC Европейского суда по правам человека. Ответственность за возможные ошибки, упущения и недоработки лежит на авторах.

Руководство в альтернативном формате можно получить, обратившись в нашу организацию.

БЛАГОДАРНОСТЬ

INTERIGHTS выражает признательность всем, кто принял участие в подготовке настоящего руководства. **Максим Ферштман и Шэн Льюис-Энтони** являлись внештатными редакторами и соавторами настоящего руководства. **Кевин Китчинг, Дина Ведерникова и Весселина Вандова**, юристы Interights являлись штатными редакторами и соавторами настоящего руководства. INTERIGHTS благодарит своих многочисленных стажёров и волонтеров, принимавших участие в исследованиях и подготовке текста настоящего руководства, в частности **Элеонору Давидян**.

INTERIGHTS выражает признательность Институту «Открытое общество» за финансовую и иную поддержку в опубликовании данного руководства на английском языке. Перевод данной публикации на русский язык осуществился при поддержке Совета Европы. INTERIGHTS выражает благодарность обоим учреждениям за сотрудничество.

Опубликовано

Организацией INTERIGHTS
Lancaster House
33 Islington High Street
London N1 9LN
UK

Тел.: +44 (0)20 7278 3230
Факс: +44 (0)20 7278 4334
Эл. почта: ir@interights.org
www.interights.org

© INTERIGHTS 2009 г.

© Council of Europe 2009 г.

Все права защищены. Ни одна часть настоящей публикации не может быть воспроизведена без получения предварительного разрешения издателей. Настоящая публикация является совместной интеллектуальной собственностью Interights и Совета Европы. Оригинал данной публикации на английском языке является интеллектуальной собственностью INTERIGHTS. Настоящая публикация может частично или полностью передаваться в любой форме и любым способом – с помощью электронных и механических средств, ксерокопий, записей или любыми другими средствами без предварительного разрешения издателей.

Содержание

1	ВВЕДЕНИЕ	1
	1.1 Значение и важность запрещения пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения	1
	1.2 Абсолютная природа права	2
2	ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ПОНЯТИЯ И СТАНДАРТЫ ПО СТАТЬЕ 3	3
	2.1 Минимальный уровень жестокости	3
	2.1.1 Имеют ли значение конкретные характеристики жертвы	3
	2.1.2 Дела, в которых не была достигнута минимальная степень жестокости	5
	2.1.2.1 <i>Связь с другими статьями Конвенции</i>	7
	2.2 Пытка	8
	2.2.1 Степень жестокости	8
	2.2.2 Преднамеренное и преследующее определенную цель обращение	9
	2.2.3 Примеры пыток из дел Суда	10
	2.3 Бесчеловечное обращение или наказание	14
	2.3.1 «Обращение» и «наказание»	14
	2.3.2 Проведение различия между пыткой, бесчеловечным обращением и унижающим достоинство обращением	15
	2.3.3 Примеры бесчеловечного обращения	15
	2.3.3.1 <i>Арест и задержание</i>	15
	2.3.3.2 <i>Несоответствующая/недостаточная медицинская помощь</i>	17
	2.3.3.3 <i>Медицинское вмешательство с целью получения доказательств</i>	19
	2.3.3.4 <i>Задержание детей</i>	19
	2.3.3.5 <i>Душевные страдания</i>	20
	2.3.3.6 <i>Страх и тревожность как результат насильственного исчезновения или других видов жестокого обращения в отношении членов семьи</i>	20
	2.3.3.7 <i>Разрушение деревень и домов</i>	23
	2.3.3.8 <i>Другие примеры</i>	23
	2.4 Унижающее достоинство обращение или наказание	23
	2.4.1 Унижающее достоинство наказание	24
	2.4.2 Унижающее достоинство обращение	24
	2.4.2.1 <i>Арест и задержание</i>	24
	2.4.2.2 <i>Физическая сила, применяемая к людям во время ареста и в период содержания под стражей</i>	25
	2.4.2.3 <i>Условия содержания лиц, находящихся под стражей</i>	26
	2.4.2.4 <i>Применение наручников</i>	30
	2.4.2.5 <i>Несоответствующая/недостаточная медицинская помощь</i>	32
	2.4.2.6 <i>Лечение душевнобольных</i>	35
	2.4.2.7 <i>Содержание под стражей людей-инвалидов</i>	36
	2.4.2.8 <i>Личный досмотр заключенных</i>	38
	2.4.2.9 <i>Обезображивание трупов</i>	39
	2.4.2.10 <i>Другие примеры</i>	39
	2.4.3 Дискриминация	40
	2.4.4 Смертная казнь: Взаимосвязь со Статьей 2.	42

3	ВРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ И КРИТЕРИЙ ДОКАЗАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 3	44
	3.1 Бремя доказывания	44
	3.2 Критерий доказанности	47
	3.2.1 Международные критерии и доклады по делам о содержании под стражей	49
	3.2.2 Доклады международных и неправительственных организаций в делах о высылке / экстрадиции	49
4	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА	51
	4.1 Негативные обязательства	51
	4.1.1 Под прямым контролем государства	51
	4.1.2 Территориальные споры	51
	4.1.3 Риск жестокого обращения за пределами государства ('принцип невыдворения')	52
	4.1.3.1 Установление риска жестокого обращения	53
	4.1.3.2 Безоговорочное запрещение принудительной высылки при наличии риска жестокого обращения	56
	4.1.3.3 Борьба против терроризма, экстрадиция/высылка	57
	4.1.3.4 Процессуальные требования законодательства о предоставлении убежища.	58
	4.1.3.5 Риск жестокого обращения со стороны негосударственных субъектов	59
	4.1.3.6 Ненадлежащее медицинское обслуживание после высылки из страны	59
	4.1.3.7 Недостаточность признаков, указывающих на серьезные лишения при возвращении	61
	4.1.3.8 Прошение о приостановке депортации (Правило 39)	61
	4.2 Позитивные обязательства	62
	4.2.1 Обязательство обеспечить наличие эффективной законодательной основы, которая бы предотвращала и защищала от жестокого обращения в нарушение Статьи 3.	62
	4.2.2 Обязательства по защите физической неприкосновенности заключенных	63
	4.2.3 Процессуальные обязательства	64
	4.2.3.1 Обязанность проводить действенное официальное расследование	64
	4.2.3.2 Эффективное, независимое, незамедлительное и прозрачное расследование	66
	4.3 Соотношение между процессуальными обязательствами Статьи 3 и Статьей 13 (право на эффективное средство судебной защиты)	69
	4.3.1 Сфера применения Статьи 13	69
	4.3.2 Процессуальные обязательства по Статье 3 и Статье 13	70
	4.3.3 Суть требований Статьи 13	71
5	ИЗБРАННЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ	73
	5.1 Значение и важность запрета применения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения	73
	5.1.1 Безоговорочная сущность права	73

5.2 Определения, понятия и принципы Статьи 3	74
5.2.1 Минимальный уровень жестокости	74
5.2.2 Пытка	74
5.2.3 Бесчеловечное обращение или наказание	77
5.2.3.1 Душевные страдания	78
5.2.3.2 Страх и страдания в результате насильственного исчезновения или другого ненадлежащего обращения по отношению к члену семьи	79
5.2.4 Унижающее достоинство обращение или наказание	79
5.3 Бремя доказывания и критерий доказанности	80
5.4 Ответственность государства	82
5.4.1 Негативные обязательства	82
5.4.1.1 Под прямым контролем государства	82
5.4.2 Спорные/оккупированные территории	83
5.4.3 Подвержение обращению в нарушение Статьи 3 при высылке или экстрадиции	84
5.4.5 Позитивные обязательства	88
5.4.5.1 Общие обязательства	88
5.4.5.2 Обязательство обеспечить эффективную законодательную базу	88
5.4.6 Процессуальные обязательства	89
5.4.6.1 Обязательство проведения эффективного официального расследования	89
5.5 Типичные ситуации, когда происходит нарушение Статьи 3	92
5.5.1 Содержание под стражей	92
5.5.1.1 Применение физической силы в отношении лиц, содержащихся под стражей	92
5.5.1.2 Общие условия содержания под стражей	92
5.5.1.3 Медицинское вмешательство с целью получения доказательств	92
5.5.1.4 Отсутствие соответствующей медицинской помощи	93
5.5.1.5 Приспособления для инвалидов	94
5.5.1.6 Личный досмотр лиц, содержащихся под стражей	95
5.5.2 Дискриминация как форма унижающего достоинство обращения	95
5.5.3 Разрушение деревень и домов	97
5.5.4 Смертная казнь	97
5.5.5 Изнасилование (и/или угроза изнасилования)	99
УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ	101

1 ВВЕДЕНИЕ

СТАТЬЯ 3 – ЗАПРЕЩЕНИЕ ПЫТОК

«НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ПОДВЕРГАТЬСЯ НИ ПЫТКАМ, НИ БЕСЧЕЛОВЕЧНОМУ И УНИЖАЮЩЕМУ ДОСТОИНСТВУ ОБРАЩЕНИЮ ИЛИ НАКАЗАНИЮ».

1.1 Значение и важность запрещения пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения

Статья 3 Европейской Конвенции по правам человека (далее «Конвенция») запрещает пытки, а также любые другие виды бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Статья 3, как неоднократно отмечал Европейский суд по правам человека (далее «Суд»), «воплощает в себе одну из фундаментальных ценностей демократического общества». Даже в самых трудных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом или организованной преступностью, Конвенция полностью запрещает такое жестокое обращение.

Статья 3 призвана в первую очередь защищать физическую неприкосновенность личности. Кроме того, Суд истолковал положение, касающееся защиты от причинения боли или любых других действий, вызывающих тяжкие душевные страдания. Статья 3 требует, чтобы Государство воздерживалось от применения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (т.е. негативное обязательство). В этом отношении, Государство несет ответственность за действия всех своих агентов, таких как полиция, спецслужбы и другие правоохранительные органы, а также любые другие государственные органы, осуществляющие контроль над тем или иным лицом, независимо от того, выполняют ли те приказ или действуют по своему усмотрению.

В определенных обстоятельствах Статья 3 налагает позитивные обязательства на Государство по обеспечению защиты от причинения со стороны других лиц обращения, противоречащего Статье 3. В сочетании со Статьей 1 Конвенции, Суд истолковал Статью 3 как требующую от Государств принятие позитивных мер по обеспечению такой защиты, особенно в отношении уязвимых лиц. Так, например, если частная школа практикует наказания, достигающие уровня жестокости, предусмотренного Статьей 3, возникает ответственность Государства за такие действия, поскольку Государство в конечном счете несет ответственность за обеспечение права на образование. См. в этом контексте, например, дело **Costello-Roberts v United Kingdom (1993 г.)**. Кроме того, обязательства Государства распространяются на ситуации, в которых частные лица, такие как члены семьи, причиняют боль и травмы детям, находящимся на их попечении. Суд однозначно постановил, что на Государстве лежит ответственность за создание правовой базы, которая позволяла бы наказывать как государственных, так и частных лиц за обращение с другими лицами, противоречащее Статье 3, либо предупреждать такие нарушения. См. дела **A. v United Kingdom (1998 г.)** и **Z. v United Kingdom (2001 г.)**.

Чтобы удовлетворять требованиям Статьи 3, Государство должно применять соответствующие санкции в отношении применяющих недопустимое обращение или наказание лиц. Так, в тех случаях, когда тот или иной индивидуум представил жалобу о жестоком обращении, противоречащем Статье 3, Государство несет «процессуальное» обязательство по проведению расследования и, после такого расследования, лица, ответственные за такие действия, должны предстать перед судом, и в случае, если они признаны виновными, должны быть наказаны в соответствии с законом. Суд разъяснил, что гарантии Статьи 3, обеспечивающие защиту от пыток, будут неэффективными, если власти не будут проводить их должного расследования. Аналогично праву на жизнь, это обязательство означает, что Государство не только должно обеспечить доступную процедуру подачи жалоб и проведения расследования, но и эффективную систему уголовного правосудия. Важность таких «процессуальных обязательств» изложена более подробно в изданном Interights Пособии для юристов по Статье 2 Конвенции.

1.2 Абсолютная природа права

Фундаментальную важность Статьи 3 подчеркивает тот факт, что она представляет собой абсолютный запрет, т.е. она не подлежит никаким исключениям. В отличие от других прав, закрепленных Конвенцией, Статья 3 не может являться предметом частичной отмены (оговорки) в случае войны или иной чрезвычайной ситуации, угрожающей национальной безопасности; Статья 15 (2) ясно исключает возможность какой бы то ни было частичной отмены или умаления Статьи 3 в рамках Конвенции.

Суд подчеркнул, что Статья 3 является абсолютно независимой от (i) поведения или обстоятельств жертвы, как и характера преступления, или (ii) характера какой бы то ни было угрозы безопасности Государства. Суд неоднократно подчеркивал этот принцип, например, недавно в деле **Ramirez Sanchez v France (2005 г.)**, пар. 96 и **Labita v Italy (2000 г.)** пар. 119 и многих других. Нижеследующие дела служат конкретными примерами этого:

- В деле **Aksoy v Turkey (1996 г.)** заявитель был арестован в ходе операции против Курдской рабочей партии (ПКК), курдской сепаратистской организации в юго-восточной Турции. Находясь под стражей, заявитель подвергался пыткам. При рассмотрении применения Статьи 3, Суд заявил в пар. 62, что «даже в самых трудных обстоятельствах, таких как борьба с организованным терроризмом и преступностью, Конвенция полностью запрещает применение пыток или бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания».
- В деле **Saadi v Italy (2008 г.)** заявителю грозила депортация в Тунис на основании того, что он представлял угрозу национальной безопасности. Суд отметил, что «в наше время все государства стоят перед огромными трудностями в деле защиты общества от терроризма. Поэтому сегодня нельзя не недооценивать опасность терроризма, а также ту опасность, которую он представляет для общества. Тем не менее, это не должно ставить под сомнение абсолютную природу Статьи 3».

В ряде дел, касающихся высылки нежелательных иностранцев (**Chahal v United Kingdom (1996 г.)** пар.79-80 и **N. v Finland (2005 г.)** пар. 59 и др.), Суд ясно заявил, что также и в отношении дел, касающихся депортации (см. ниже раздел 5.5.3), запрет, предусматриваемый Статьей 3 против пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство наказания, абсолютен, и действия какого бы то ни было индивидуума в прошлом или, возможно, в будущем, как бы нежелательны или опасны они ни были, не могут быть существенным доводом.

- В деле **D. v United Kingdom (1997 г.)** Суд заявил (пар.47), что Статья 3 абсолютно запрещает применение пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, причем установленные ею гарантии применимы независимо от предвзятого поведения данного лица.

2 ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ПОНЯТИЯ И СТАНДАРТЫ ПО СТАТЬЕ 3

2.1 Минимальный уровень жестокости

Статья 3 охватывает широкий диапазон различных видов обращения и наказания. При этом, как отмечалось в деле **Greek case (1969 г.)** не все виды жестокого обращения или наказания запрещены. Чтобы подпасть под применение Статьи 3, обращение должно достичь «минимального уровня жестокости». В деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** Суд отметил, что плохое обращение должно достичь минимального уровня жестокости. Оценка того, что можно считать таким минимумом, по своей природе относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, в том числе от длительности плохого обращения, его физических и психологических последствий, а в некоторых случаях - от пола, возраста и состояния здоровья жертвы.

Хотя некоторые виды обращения и могут быть достойны осуждения с морально-этических позиций, такие как телесное наказание детей, или с позиций общеуголовного права, например, когда в результате применения силы полицейским у задержанного образуется синяк, это тем не менее может быть не запрещено Статьей 3. Аналогично, обращение, допускаемое Статьей 3, может тем не менее вызвать у человека смущение или чувство стыда, например, применение судебных санкций. См., например **Tyler v United Kingdom (1978 г.)**.

Одна из трудностей, связанных со Статьей 3, состоит в том, что Суд воздержался от предоставления общих и абстрактных стандартов, которыми можно было бы измерить конкретное обращение или наказание. Более того, представления общества о жестоком обращении со временем меняются. Отсюда, каждое дело следует рассматривать, исходя из конкретных фактов и обстоятельств, с учетом личных характеристик предполагаемой жертвы (см. раздел 2.1.1 ниже). Тем не менее, на основе практики Суда, сформирован ряд принципов, которые помогают установить, применялись ли пытки или какие-либо другие виды жестокого обращения в том или ином конкретном деле.

В то время как Статья 3 не требует, чтобы Суд проводил различие между формами оспариваемого обращения (т.е. пытка, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание), поскольку любое такое обращение превышает минимальный уровень жестокости, Суд обычно четко указывает на характер жестокого обращения, которому подвергся заявитель. Граница между пыткой и другими формами запрещенных действий важна для установления компенсации, которая может быть присуждена по Статье 41 Конвенции. Более того, как изложено ниже, применение пыток - это своего рода позорное клеймо: если выяснится, что Государство применяет пытки, последствия будут более серьезными, и в большей степени пострадает репутация Государства на международном уровне.

Там, где Суд не проводит в своих решениях четкого различия между разными видами обращения, как правило, из жалобы заявителя обычно ясно, о чем идет речь. Например, в деле **Kurt v Turkey (1998 г.)** заявительница утверждала, что подверглась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению из-за исчезновения ее сына по вине властей. Хотя суд определил, что Государство нарушило Статью 3, он не дал четкого указания, за какого рода обращение несет ответственность Государство, но из рассмотрения Судом жалобы заявительницы было ясно, что он принял к сведению ее собственное утверждение о том, что она подверглась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

2.1.1 Имеют ли значение конкретные характеристики жертвы

С самых первых рассмотренных дел, предполагающих нарушение Статьи 3, Суд постоянно подчеркивает, что оценка минимального уровня жестокости зависит от ряда факторов, связанных с конкретной жертвой, проанализированных в контексте обращения, которому он или она были

подвергнуты. Так, Суд ссылается на возраст, пол, состояние здоровья, длительность обращения, его физические или психологические последствия, и все же в большинстве случаев на практике трудно определить, которая из характеристик жертвы является решающей. Суд дает оценку кумулятивному эффекту оспариваемого обращения в отношении конкретной жертвы.

Суд нередко ссылается на возраст жертвы в делах, когда речь идет о маленьких детях. Так, в деле **Costello-Roberts v United Kingdom (1993 г.)** заявителем был семилетний мальчик, посещавший частную школу, где непослушных учеников подвергали телесным наказаниям. Суд с озабоченностью отметил тот факт, что заявителю было всего лишь семь лет, когда учитель шлепнул его три раза по ягодицам через шорты кроссовками на резиновой подошве. Суд также с озабоченностью отметил, что это наказание применялось автоматически и что заявитель провел 3 дня в ожидании его исполнения. Несмотря на эти факторы, Суд определил, что в данном случае не был превышен минимальный уровень жестокости.

Возраст может быть важным фактором при оценке того, является ли определенный приговор, вынесенный в отношении того или иного лица, по степени его тяжести, нарушением Статьи 3.

- В деле **Weeks v United Kingdom (1987 г.)** заявитель был приговорен к пожизненному заключению за вооруженное ограбление. Признав его виновным, национальный суд оправдал вынесение пожизненного приговора на основании того, что заявитель был очень опасным молодым человеком, освобождение которого должно было быть обусловлено тем, насколько в тюрьме он сумеет исправиться и стать ответственным человеком. Суд постановил, с учетом его возраста в момент совершения преступления и конкретных обстоятельств преступления, что если бы не были приведены особые причины вынесения такого приговора, были бы серьезные основания считать его нарушением Статьи 3.
- В деле **Soering v United Kingdom (1989 г.)** Суд принял во внимание ряд личностных факторов в своем решении о том, что экстрадиция заявителя была бы нарушением Статьи 3. Среди этих факторов было то, что заявителю было только 18 лет и что он страдал психическим заболеванием.
- В деле **Toteva v Bulgaria (2004 г.)** заявительница, 67-летняя женщина, при взятии под стражу полицией получила травмы. Суд вынес решение о том, что ее травмы, с учетом преклонного возраста заявительницы, были достаточно серьезны и приравниваются к жестокому обращению, в значении Статьи 3 Конвенции. Сравните это с делом **Popov v Moldova (2005 г.)**, в котором заявитель, со ссылкой на Статью 3 Конвенции, жаловался, что неисполнение судебного решения в течение многих лет приравнивается к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Он утверждал, что будучи пожилым человеком, подвергся сильному унижению тем, что был вынужден обращаться к властям с неоднократными просьбами об исполнении решения. Суд определил, что страдания, которые он мог испытывать из-за неисполнения решения, не достигали достаточного уровня жестокости, приравниваемого к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению по Статье 3, таким образом признав жалобу неприемлемой.

В других делах возраст может быть не более чем отягчающим фактором, влияющим на оценку Судом степени жестокого обращения, но отнюдь не определяющим установление нарушения Статьи 3.

- В деле **Aydin v Turkey (1997 г.)** заявительницей была 17-летняя девушка, которая подверглась неоднократному изнасилованию и унижению. Суд постановил, что изнасилование задержанной государственным агентом считается особо серьезной и отвратительной формой жестокого обращения, учитывая, как легко преступнику воспользоваться незащищенностью жертвы и ее неспособностью оказать сопротивление.

В других случаях близость отношений между лицом, подающим жалобу и жертвой обращения, противоречащего Статье 3, принималась во внимание как важный фактор при определении того, подвергся ли сам заявитель жестокому обращению по Статье 3. Рассмотрение вопроса близости отношений особенно важно в делах об исчезновении. См. также дело **Rivas v France (2004 г.)**.

Суд также учитывает и другие факторы, относящиеся к жертве, например, физическую силу жертвы по сравнению с лицом, производящим арест.

- В деле **Berlinski v Poland (2002 г.)** Суд принял во внимание тот факт, что заявители, оказавшие сопротивление законным действиям полиции, были тренированными бодибилдерами. Аналогично, см. дело **Rivas v France (2004 г.)** (приведенное выше), в котором заявителю, несовершеннолетнему, во время допроса в полиции, был нанесен удар в половые органы, что вызвало разрыв яичка, требующий хирургической операции. Суд, в частности, особо отметил возраст и подростковое телосложение заявителя в своем решении о том, что имело место нарушение Статьи 3.

Суд ясно заявляет, что конкретные обстоятельства дела, в особенности факторы, относящиеся к жертве и иногда к ее/его близким родственникам, всегда должны приниматься во внимание. Вопрос о том, насколько большой вес придается таким факторам, как правило, зависит от характера жалобы и от других сопутствующих обстоятельств. Так, национальный суд обязан принять во внимание все относящиеся к делу факторы и тщательно их взвесить, прежде чем прийти к выводу, что лицо подверглось пытке или другим видам незаконного жестокого обращения.

2.1.2 Дела, в которых не была достигнута минимальная степень жестокости

Суд, а в прошлом Комиссия, выносили решения по целому ряду дел, в которых были жалобы на обращение, нарушающее Статью 3, но во многих случаях не была продемонстрирована минимальная степень жестокости, несмотря на наличие фактов о плохом обращении или унижении. Приведенные ниже случаи являются примерами обстоятельств, которые не были признаны нарушениями Статьи 3 и которые будет полезно сравнить с другими рассматриваемыми случаями.

- В деле **Lopez Ostra v Spain (1994 г.)** заявительница жаловалась на ухудшение здоровья, равносильное обращению, противоречащему Статье 3, поскольку вблизи ее дома находилось предприятие по переработке отходов, которое выделяло вредные испарения и создавало сильный шум. Признавая, что заявительница и ее семья пострадали в результате этой ситуации, Суд постановил, что нарушения Статьи 3 не было.
- В деле **Smith and Grady v United Kingdom (1999 г.)** заявители были служащими вооруженных сил. Когда стали известны факты, что заявители являются гомосексуалистами, по этому поводу было проведено расследование, в ходе которого заявителям задавали подробные вопросы об их половой жизни, предпочтениях и привычках. После того, как факты подтвердились, заявители были уволены из вооруженных сил, в соответствии с действовавшими в то время правилами. Суд постановил, что хотя эти правила, а также расследование и последующее увольнение безусловно были «болезненными и унижительными для обоих заявителей», он не считает, что обращение достигало минимального уровня жестокости, которое подпадало бы под действие Статьи 3 (см. также следующий подпараграф).
- В деле **Kudla v Poland (2000 г.)** заявитель содержался под стражей до суда за различные правонарушения. Во время этого предварительного заключения у него было обнаружено психическое заболевание, и он был переведен в психиатрическую палату тюремной больницы. Затем его вернули в тюрьму предварительного заключения. Рассматривая его содержание под стражей, Суд отметил, что для установления нарушения Статьи 3 перенесенные страдания и унижения

должны превышать те, что являются неизбежной частью страданий и унижения, связанных с данной формой законного обращения или наказания. Хотя лишение свободы часто включает в себя такой элемент, нельзя сказать, что само по себе заключение под стражу до суда дает основание утверждать о нарушении Статьи 3; равно как и нельзя толковать Статью 3 в том смысле, как если бы она налагала общее обязательство освободить заключенного по состоянию здоровья или поместить его в гражданскую больницу для прохождения определенного курса лечения (см. ниже в этой связи дело **Rivière v France (2006 г.)**).

- В деле **Yurtas v Turkey (2004 г.)** заявитель утверждал, что, находясь под стражей, подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Суд отметил, что заявитель, находясь под стражей, не пребывал в полной сенсорной или социальной изоляции. Хотя ему и была запрещена всякая связь с внешним миром, он все же имел контакт с тюремным персоналом и другими заключенными. Поэтому Суд нашел, что его обращение не достигло минимального уровня жестокости, составляющего бесчеловечное и унижающее достоинство, в определении Статьи 3.
- В деле **Gelfmann v France (2004 г.)** мнение врачей разделилось по поводу того, следовало ли освободить заявителя, страдающего СПИДом (инфицированного до его заключения). Суд постановил, что предоставленное ему медицинское лечение было сопоставимого стандарта, предоставляемого вне тюрьмы, и заключил, что ни его состояние здоровья, ни перенесенные, по его утверждению, страдания, не достигали степени жестокости, необходимой для составления бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.
- В деле **Matencio v France (2004 г.)** Суд определил, что продолжение содержания под стражей человека-инвалида не достигло уровня жестокости, необходимого для рассмотрения дела по Статье 3.
- В деле **Narcisio v Netherlands (2005 г.)** заявителя содержали в полицейской камере, где у него не было таких элементарных вещей, как проточная вода, или были бы обеспечены надлежащие санитарные условия. Суд определил, что данная ситуация не квалифицируется как составляющая минимальный уровень жестокости по Статье 3.
- В деле **Georgiev v Bulgaria (2005 г.)** при рассмотрении условий содержания заявителя под стражей, Суд нашел, что его держали одного в камере площадью 8 кв.м, что ему не позволяли физические упражнения или какой-либо другой вид физической деятельности вне камеры, у него не было доступа к естественному свету, и у него был только ограниченный доступ к санитарному обслуживанию. Тем не менее, Суд, приняв во внимание состояние здоровья заявителя, определил (четырьмя голосами против трех), что эти условия не достигают минимального уровня жестокости, т.к. их длительность была относительно короткой - 1.5 месяца. (См. ниже дело **Becciev v Moldova (2005 г.)**, в котором заявитель также провел относительно короткий период времени под стражей (37 дней), но тем не менее Суд нашел, что условия его содержания нарушали Статью 3).
- В деле **Ntumba Kabongo v Belgium (2005 г.)** заявительницу содержали под стражей более 10 месяцев в ожидании высылки из страны, т.к. ее заявление о предоставлении убежища было отклонено. Суд определил, что душевные страдания, перенесенные заявительницей в результате ее содержания под стражей свыше 10 месяцев, не достигали минимального порога жестокости, чтобы составить бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. В продлении ее содержания под стражей на срок более 10 месяцев не было намерения унижить или попортить личность, таким образом ее права не были ущемлены в нарушение Статьи 3.

- В деле **Reggiani Martinelli v Italy (2005 г.)** заявителя содержали под стражей, хотя он страдал церебральным заболеванием, причинявшем ему физические и психологические страдания, и до заключения он перенес операцию по удалению опухоли мозга. Суд отметил, что в заключении заявителю был оказан соответствующий медицинский уход и что ухудшение состояния его здоровья было обусловлено не содержанием под стражей как таковым, а скорее развитием заболевания, от которого он страдал еще до заключения. Суд не нашел факта нарушения Статьи 3.
- В деле **Ramirez Sanchez v France (2005 г.)** заявителя содержали в одиночном заключении в течение восьми лет и 2 месяцев - в одиночной камере, без контакта с другими заключенными или тюремными служащими, без позволения выходить из камеры, кроме как на двухчасовую ежедневную прогулку; его права на посещения родственников также были очень ограничены. Но ему разрешалось читать газеты и смотреть телевизор. Суд отметил, что он не подвергся полной сенсорной депривации - кроме телевидения и газет, у него было 57 встреч с адвокатом, а также регулярные визиты врачей. Суд заключил, что общие и индивидуальные условия содержания заявителя, равно как и длительность его содержания, не достигли минимальной степени жестокости, составляющей бесчеловечное обращение, при этом особенно учитывая личностные характеристики заявителя, а также исключительный уровень опасности, который он представлял (см. дело **Mathew v Netherlands (2005 г.)**, в котором одиночное заключение заявителя на излишне продолжительный период было квалифицировано как нарушение Статьи 3).
- В деле **Stefan Iliev v Bulgaria (2007 г.)** заявитель, в возрасте 72 лет, был взят под стражу двумя полицейскими за нарушение общественного порядка. Заявитель утверждал, что будучи доставленным полицейскими в комнату дежурной охраны, он подвергся неоднократному избиению дубинкой, хотя и признал оказание сопротивления. Господин Илиев, в нетрезвом состоянии, был переведен в софийский вытрезвительный пункт и отпущен на следующий день с предупреждением. Суд отметил, что травмы, полученные заявителем, были совместимы с ударами, нанесенными дубинками. В отсутствие какого-либо другого убедительного или удовлетворительного объяснения, каким образом появились эти травмы, Суд заключил, что они явились результатом обращения, за которое несут ответственность болгарские власти. Однако Суд отметил, что заявитель был в нетрезвом состоянии и оказал сопротивление полицейским. Принимая во внимание тот факт, что травмы имелись только на руках и не особенной тяжести, Суд не посчитал их достаточно серьезными, чтобы приравнять к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Соответственно, Суд определил, четырьмя голосами против трех, что нарушения Статьи 3 не было.

2.1.2.1 *Связь с другими статьями Конвенции*

В тех случаях, когда заявитель не может доказать жалобу в рамках Статьи 3, он или она может тем не менее доказать нарушение Статьи 8, обеспечивающей защиту права на уважение частной и семейной жизни. Так, в деле **Smith and Grady v United Kingdom (1999 г.)** признав, что в то время как унижение, перенесенное ими во время допроса относительно их сексуальной ориентации, не приравнивается к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, Суд решил, что оно приравнивается к неоправданному вмешательству в право на частную жизнь по Статье 8 Конвенции. В деле **Lopez Ostra v Spain (1994 г.)** Суд определил, что неудобства, вызванные эксплуатацией отходоперерабатывающего предприятия, составляли неоправданное вмешательство в право на уважение частной жизни заявителя, противоречащее Статье 8.

В деле **Wainwright v United Kingdom (2006 г.)** Суд определил, что хотя во время проведения обыска заявителей тюремные служащие, к сожалению, и не проявили вежливости, но отсутствовали словесные оскорбления и, что важно, не было касания заявителей. По мнению Суда, обращение

вызвало угнетенное состояние заявителей, но оно не достигло минимального уровня жестокости, запрещенного Статьей 3. Скорее Суд нашел факт нарушения Статьи 8.

В деле **L. v Lithuania (2007 г.)** заявитель, после операции по изменению пола, не смог изменить личный код своего нового свидетельства о рождении и паспорта, которые все еще указывали его пол как женский. Отметив, что заявитель по вполне понятной причине испытал боль и разочарование, Суд однако нашел, что обстоятельства данного дела не квалифицировали его жалобу для рассмотрения по положениям Статьи 3. Суд нашел, что анализ этого аспекта жалобы заявителя более приемлем в рамках Статьи 8.

Когда Суд заключает, что ряд обстоятельств нарушают Статью 3, часто он считает необходимым рассмотреть вопрос о том, имеет ли место нарушение других положений Конвенции. Приоритет дается рассмотрению нарушения наиболее важного и весомого положения, которое, как отмечалось выше, абсолютно по своей природе и не допускает каких бы то ни было отступлений от него или оговорок. В случае, если Суд не может убедительно установить, имело ли место нарушение Статьи 3, он рассматривает относительно «менее весомое нарушение». Однако, в деле **Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v Belgium (2006 г.)** Суд рассмотрел последствия задержания маленькой девочки – одной, без сопровождающего – в транзитном центре, предназначенном для содержания взрослых, в рамках как Статьи 3, так и Статьи 8.

2.2 Пытка

2.2.1 Степень жестокости

В деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** Суд определил, что «пытка» состоит из «преднамеренного бесчеловечного обращения, вызывающего очень серьезное и жестокое страдание», которое несет особое клеймо позора. Различие между пыткой и другими видами запрещенного обращения или наказания в рамках по Статье 3 состоит в степени и интенсивности и зависит, как отмечалось выше, от индивидуальных обстоятельств жертвы. Поэтому невозможно категорически заявить, что определенный тип обращения всегда подпадает под ту или иную категорию.

Более того, Суд указал, что степень страдания, необходимая для квалификации его как пытка, не закреплена во времени. Конвенция – это живой инструмент, который следует толковать «в свете современных условий». Это означает, что некоторые действия, которые в прошлом квалифицировались как «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение», а не «пытка», в будущем могут быть квалифицированы иначе: «Поскольку в области прав человека и фундаментальных свобод требуется соблюдение все более высоких стандартов, соответственно и неизбежно это повлечет за собой более строгую оценку нарушений фундаментальных ценностей демократического общества». См. дело **Elci and Others v Turkey (2003 г.)** пар. 634 и также дело **Selmouni v France (1999 г.)**. В этом отношении примечательно то, что в деле **Aydin v Turkey (1997 г.)** Суд определил, что изнасилование женщины задержавшими ее лицами приравнивается к пытке. Решение Суда в деле **Aydin** отражает то, с какой серьезностью международное уголовное право относится к фактам изнасилования агентами государства; изнасилования, совершаемые в контексте широкомасштабных или систематических агрессивных действий против мирного населения, считаются теперь преступлением против человечества.

В последнее время Суд еще более расширил сферу применения ситуаций, которые приравниваются к пытке. В деле **Nevmerzhitsky v Ukraine (2005 г.)** он определил, что манера, в которой заявитель, объявивший голодовку, подвергался принудительному кормлению, составляла пытку (см. более подробно раздел 2.2.3 ниже).

До сих пор в делах, по которым Суд постановил, что жертва подверглась пытке, присутствовало физическое насилие или сочетание физического насилия и душевных страданий. Впрочем, из практики Суда можно понять, что Суд в принципе готов согласиться с тем, что одни лишь психические страдания могут быть приравнены к пытке, если они достаточно тяжелы. Примером, когда можно доказать, что психические страдания равносильны пытке, является ситуация, когда какое-то лицо на длительное время лишают свободы, при этом ему/ей говорят, что если он/или она не признает свою вину, его/ее родственников будут пытать или убьют. Могут потребоваться дополнительные доказательства того, что это была реальная и прямая угроза, например, что в камеру к заключенному привели его ребенка и продемонстрировали, какому наказанию может быть подвергнут ребенок.

Определение пытки можно найти в **Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984)**. Статья 1 заявляет:

1. Для целей настоящей Конвенции определение «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль и страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

Хотя это определение не имеет обязательной силы для Суда, оно помогает дать правильное толкование слова «пытка» в рамках Статьи 3; практика Суда в целом соответствует этому определению. Оно было приведено в ряде дел, включая **Aydin, Soering** и **Selmouni** (см. указатель дел).

2.2.2 Преднамеренное и преследующее определенную цель обращение

Когда речь идет о пытке, должен быть достигнут не только определенный уровень жестокости, но должно быть и показано, что жестокость эта целенаправленна - причинить жестокие страдания либо добиться какой-либо определенной цели. Это соответствует определению пытки, данной в Конвенции ООН против пыток, как указано выше.

- В деле **Greek case (1969 г.)** Комиссия постановила, что политзаключенные подверглись пытке и жестокому обращению со стороны административных властей. Комиссия установила, что пытка была «особо тяжелой формой бесчеловечного обращения, предпринимаемого с определенной целью, такой как получение информации или признания или наказания».
- В деле **Aksoy v Turkey (1996 г.)** Суд определил, что жестокое обращение в отношении заявителя было преднамеренным. Он подчеркнул, что для применения такого обращения требовалась определенная подготовка и усилия. Представляется, что это обращение было применено с целью получения признаний или информации от заявителя.
- В деле **Salman v Turkey (2000 г.)** Суд заявил, что кроме необходимости показать, что обращение являлось преднамеренным, также должно быть показано наличие элемента целенаправленности в пытке, например, принуждение к даче признания или наказание, как это определено в Конвенции ООН против пыток. Суд постановил, что заявитель подвергался очень серьезному и жестокому страданию, приравняемому к пытке, как и нашел, исходя из характера и степени жестокости обращения и фактов указывающих на то, что страдания причинялись во время

допроса о предполагаемом участии заявителя в деятельности ПКК, что жертве были причинены очень серьезные и жестокие страдания.

Требование наличия элемента преднамеренности и целенаправленности обращения очень важно в понятии пытки. Соответственно, жестокое обращение, которое достигает минимального уровня жестокости, рассматриваемое Статьей 3, запрещается как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, даже в тех случаях, когда оно является недостаточно целенаправленным для запрещения как пытка.

В деле **Labzov v Russia (2005 г.)** Суд вновь повторил (пар. 48), что хотя вопрос о том, имело ли такое обращение своей целью унижение или оскорбление жертвы, это еще один фактор, который следует учесть, но отсутствие такой цели не может однозначно исключать нарушение Статьи 3 (См. также **Kalashnikov v Russia (2002 г.)** ниже).

2.2.3 Примеры пыток из дел Суда

Нижеследующие дела приводят примеры жестокого обращения, которое Суд приравнивает к пытке.

«Палестинское подвешивание»

- В деле **Aksoy v Turkey (1996 г.)** заявитель был арестован и содержался под стражей в ходе борьбы Государства против ПКК на юго-востоке Турции. Его подвергли «палестинскому подвешиванию»: обнаженного подвешивали за руки, связанные за спиной. Суд отметил, что такое обращение было применено преднамеренно и что оно может быть осуществлено только при условии определенной подготовки и усилий, с целью получения признаний или информации от заявителя. Суд также отметил, что к добавлению сильной боли, испытанной заявителем в то время, медицинское свидетельство показало, что это обращение привело к параличу обеих рук, который продолжался длительное время. Суд решил, что обращение носило такой серьезный и жестокий характер, что оно квалифицируется как пытка.

Электрошок

- В деле **Çakici v Turkey (1999 г.)** пострадавший был задержан силами безопасности на юго-востоке Турции, после чего исчез. Суд постановил, что существуют факты, свидетельствующие о том, что жертву подвергли действию электрошока; свидетели видели, что он весь в крови; им сказали, что его избивали, у него было сломано ребро и проломлена голова. Суд заключил, что такое обращение равносильно пытке.
- В деле **Mikheyev v Russia (2006 г.)** заявитель был арестован и допрошен в связи с исчезновением молодой девушки. Он утверждал, что подвергался пыткам с тем, чтобы заставить его подтвердить признание другого подозреваемого, и что полицейские применяли электрошок, пропуская ток через уши посредством металлических зажимов, подсоединенных проводом к муфте кабеля. Ему также угрожали тяжелыми избиениями и пропуском тока через гениталии. Не выдержив пыток, г-н Михеев заявил, что он вырвался и выпрыгнул из окна третьего этажа, пытаясь покончить жизнь самоубийством. Суд признал, что, находясь под стражей, г-н Михеев подвергся жестокому обращению со стороны государственных агентов с целью получения признания или информации в отношении преступления, в совершении которого он подозревался. Примененное к нему жестокое обращение вызвало такие тяжкие физические и душевные страдания, которые заставили его предпринять попытку к самоубийству, что привело к постоянной общей инвалидности. Суд постановил, что степень жестокого обращения приравнивается к пытке, в нарушение Статьи 3.

Сочетание методов пыток

- В деле **Abdulsamet Yaman v Turkey (2004 г.)** заявитель утверждал, что, находясь под стражей полиции, ему завязывали глаза, полностью раздевали и погружали в холодную воду. Он заявлял, что его подвешивали за руки к трубам на потолке, ставили на стул с прикрепленными к телу электропроводами, в частности, к гениталиям. Он утверждал, что затем полицейские, убрав из-под него стул, оставляли его висеть, подвергая действию электрошока; время от времени они прекращали применение электрошока и сдавливали ему яички. Заявитель приводил два медицинских заключения. Суд постановил, что учитывая характер и степень жестокого обращения, а также убедительные выводы, сделанные из приведенных доказательств, это обращение было применено с целью получения от него информации о его подозреваемых связях с ПКК; жестокое обращение причинило заявителю тяжкие страдания, которое можно охарактеризовать только как пытка.

Избиения, угрозы против жизни и семьи, сексуальное запугивание и унижение

- В деле **Selmouni v France (1999 г.)** заявитель утверждал, что подвергался пыткам в период предварительного заключения. Суд отметил, что заявитель был подвергнут многочисленным ударам, следы которых покрывали его тело. Суд также заявил, что каким бы ни было состояние здоровья человека, можно предположить, что удары такой интенсивности причиняют сильную боль, даже если не оставляют заметных следов на теле. Кроме того, были свидетельства, что заявителя тащили за волосы; что его заставляли бежать по коридору, а стоящие вдоль стен полицейские ставили ему подножки, чтобы он упал; что его заставили встать на колени перед молодой женщиной, которой сказали: «Ну, смотри, как сейчас кто-то запоёт!»; что затем один из полицейских показал ему свой пенис со словами: «На, соси!» и стал мочиться на него; что ему угрожали паяльной лампой, а затем шприцем. Помимо насильственного характера названных действий, Суд отметил, что они были бы гнусны и унижительны для любого человека, независимо от его состояния. Заявитель пережил многократные и длительные эпизоды насилия в течение нескольких дней допроса. Вследствие этого Суд постановил, что физическое и психологическое насилие, вместе взятые, совершенные в отношении к заявителю, вызвали тяжкую боль и страдания и носили особо серьезный и жестокий характер, будучи равносильны пытке в значении Статьи 3 Конвенции.
- В деле **Ilhan v Turkey (2000 г.)** заявитель, находясь под стражей в полиции, подвергся избиению кулаками и ногами, а также удару по голове прикладом. Это привело к образованию гематомы и церебральным нарушениям, повлекшим за собой долгосрочное снижение функций мозга. Также была 36-часовая задержка в оказании медицинской помощи заявителю. Принимая во внимание тяжесть травм, а также значительный период времени, прежде чем ему была оказана медицинская помощь, Суд заключил, что заявитель является жертвой пытки.
- В деле **Elci and Others v Turkey (2003 г.)** шестнадцать заявителей были взяты под стражу по подозрению в причастности к деятельности ПКК. Находясь под стражей, они подвергались пыткам и жестокому обращению. Они содержались в холоде, темноте и сырости, в плохих санитарных условиях, не хватало постельного белья, а также питания. Некоторые заявители подвергались оскорблениям, унижениям, их били по лицу и запугивали к подписанию признаний. В критические моменты заявителям завязывали глаза. Суд заключил, что принимая во внимание обстоятельства дела в целом, четверо из заявителей подвергались со стороны полиции физическому и психологическому насилию особенно жестокого и серьезного характера, что приравнивается к пытке.
- В деле **Bati and Others v Turkey (2004 г.)** Суд нашел, что все тринадцать заявителей, четверо из которых в возрасте 18 лет или моложе, и одна из которых была беременна, находясь под

стражей в полиции, пребывали в состоянии постоянной физической боли и тревожности из-за неуверенности в том, что с ними будет, а также вследствие той степени насилия, которому они подвергались. По мнению Суда, это обращение было применено государственными агентами в ходе выполнения своих обязанностей преднамеренно, с целью получения признаний или информации. Примененное к ним насилие, его цель и продолжительность, носило особенно жестокий и серьезный характер, было способно вызвать «тяжкую» боль и страдания и таким образом приравнивается к пытке.

- В деле **Bursuc v Romania (2004 г.)** заявитель был остановлен двумя автодорожными полицейскими, обратившимися к нему в невежливой форме. Когда он ответил им в той же манере, они ударили его по голове резиновой дубинкой, сковали наручниками, били его на пути к полицейской машине, затем доставили в полицейский участок. Там, лицом вниз, его тащили за руки по земле, в то время как другие шестеро полицейских били и пинали его. В два часа ночи его взяли в больницу, где ему был поставлен диагноз «острая черепно-мозговая травма и повреждение сетчатки». Через десять дней его перевели в другую больницу, где ему была оказана медицинская помощь по поводу «набухания мозга, последствий стенокардии, усугубленной полученной травмой, а также разрыв анального отверстия». Суд нашел, что насилие, которому подвергся заявитель, носило особо жестокий и серьезный характер, способное вызвать тяжкую боль и страдания; как таковое, оно должно рассматриваться как пытка в рамках Статьи 3. Суд постановил, что также имело место нарушение Конвенции.
- В деле **Corsacov v Moldova (2006 г.)** заявитель, которому в то время было 17 лет, был арестован по обвинению в краже. На него надели наручники, и по пути и по прибытии в полицейский участок он подвергся избиению, в частности, его били ногами, кулаками и дубинками по всему телу и по подошвам ног; затем в течение длительного периода времени он был подвешен к металлическому бруску. Вечером следующего дня его отпустили, и позже уголовное преследование было остановлено. В результате полученных травм, он провел, в разные периоды времени, примерно 70 дней в больнице. Его состояние здоровья ухудшилось до такой степени, что он был зарегистрирован как инвалид второй степени, что, по молдавскому законодательству, соответствует потере работоспособности на 50-75%. Суд придал большое значение факту юного возраста заявителя. Суд также нашел, что решающим элементом в определении вида жестокого обращения была примененная практика «фалака» (битье по подошвам ног), что есть особенно предосудительная форма жестокого обращения, предполагающая в себе умысел получения информации, нанесение наказания или запугивание, что приравнивается к пытке.
- В деле **Dedovskiy and Others v Russia (2008 г.)** заявители утверждали, что отбывая тюремное заключение в исправительно-трудовой колонии в Чепце (Россия), они подверглись жестокому обращению со стороны отряда «Варяг», спецподразделения, созданного для поддержания порядка в местах заключения. Отряд был вызван в колонию, по заявлениям, для запугивания заключенных, которых лидер уголовной банды подстрекал к неповиновению. Отряд был проинструктирован навести порядок путем проведения личного досмотра заключенных, а также обыска всех помещений колонии. Вооруженные резиновыми дубинками, все члены отряда, за исключением их командира, были в масках и маскировочной одежде, без всяких указаний их ранга. Отряд подверг заявителей избиениям дубинками, а также неоднократным досмотрам с полным раздеванием. Избиения производились произвольно: во время побудки, когда они возвращались с работы, в столовой во время еды, в камерах, в карцере. Некоторых заявителей заставляли присесть на корточки и ковылять в столовую; другие подвергались избиению, если отвечали слишком тихо на вопрос офицера. Суд нашел, что применение отрядом дубинок не имело законного обоснования. Не было доказательств, что заявители нападали на тюремных служащих или других заключенных; избиения были, по характеру, индивидуальные, нежели коллективные, и хотя некоторые заявители якобы не повиновались или оказывали сопротивление приказам тюремного персонала, не было предпринято никаких попыток к их аресту.

Суд признал, что офицеры могли иметь необходимость прибегнуть к физической силе, чтобы заставить заявителей выйти из камер или для производства обыска, но что эта сила - избивание дубинками - была несоразмерной и неэффективной. В подобной ситуации, удар дубинкой был формой возмездия или телесного наказания. Поэтому Суд заключил, что отряд прибегнул к преднамеренному и необоснованному насилию с намерением вызвать у заявителей чувство страха и унижения, что сломало бы их физическое и моральное сопротивление. Целью подобного обращения было попрание достоинства заявителей и принуждение их к повиновению. Избиение дубинкой должно было вызвать в них сильные душевные и физические страдания, и учитывая обстоятельства дела, Суд нашел, что заявители были подвергнуты пытке в нарушение Статьи 3.

Совокупность обстоятельств:

страх казни, условия содержания, отсутствие медицинского лечения

- В деле **Pascu and Others v Moldova and Russia (2004 г.)** четверо заявителей были арестованы по обвинению в антисоветской деятельности, применении незаконных средств борьбы против Приднестровья, а также в совершении других преступлений, включая убийство. Находясь под стражей, они подвергались жестокому обращению. Трое из них были взяты в гарнизон российской армии, где, по их заявлениям, они подвергались пыткам со стороны солдат. Они были лишены связи с внешним миром, содержались в камерах без туалета, воды и естественного света, им давалось только 15 минут в день на прогулку. Позже заявители содержались в полицейском управлении, в камерах без естественного света. Заявителям не было разрешено отправлять и получать корреспонденцию, они были лишены связи с адвокатом, свидания с семьей были только по усмотрению. По осуждению, заявители содержались в одиночных камерах без естественного света. Условия их содержания привели к ухудшению состояния здоровья, но они не получили надлежащей медицинской помощи. Суд отметил, что заявители жили в постоянном страхе казни, не имели возможности использования какого-либо средства судебной защиты, и их страдания были усугублены тем фактом, что их приговор не имел правовой базы или легитимности ввиду явно произвольного характера обстоятельств процесса, на котором слушалось их дело. Условия, в которых находился первый заявитель, оказали пагубное влияние на его здоровье, но он не получил надлежащей медицинской помощи или питания. Более того, дискреционное право в отношении корреспонденции и свиданий носило произвольный характер, еще более ужесточив условия содержания. Имело место нарушение требований Статьи 3, равно как и обращение, которому был подвергнут первый заявитель, составляло пытку. Обращение в отношении третьего заявителя, также как и условия его содержания, а именно лишение его надлежащего питания и медицинской помощи, приравнивается к пытке.

Насильственное кормление в особо принудительной и унижающей достоинство форме

- В деле **Nevmerzhitsky v Ukraine (2005 г.)** заявитель, находясь под стражей и объявив голодовку, был подвергнут принудительному кормлению, которое, по его заявлениям, вызвало сильные физические и душевные страдания. Его часто приковывали наручниками к стулу или обогревателю и силой заставляли глотать резиновую трубку, подсоединенную к ведру со специальной питательной смесью. Суд решил, что хотя власти производили насильственное кормление, предусмотренное соответствующим указом, примененные усмирительные средства - наручники, роторасширитель, особая трубка для вставки в пищевод, с применением силы и несмотря на сопротивление заявителя, составляло обращение такого жестокого характера, что квалифицирует его как пытку.

Изнасилование (и/или угроза изнасилования)

- В деле **Aydin v Turkey (1997 г.)** заявительница была арестована вместе с ее отцом и золовкой. Полицейские взяли их в штаб-квартиру жандармерии; ей завязали глаза, она подверглась избиению; обнаженной, ее посадили в шину и поливали из шланга нагнетаемой под давлением водой. Затем ее взяли в другую комнату, где она была полностью раздета и изнасилована солдатом войск безопасности. Через три дня ее, вместе с другими членами ее семьи, отпустили. Согласно Государству, заявительница и другие члены ее семьи никогда и не были взяты под стражу. Заявительнице было 17 лет; она подверглась также и другим видам физических и душевных страданий. Эти ужасающие и унижительные переживания, как и совокупность актов насилия, особенно акт изнасилования, были квалифицированы Судом как пытка.
- В деле **Maslova and Nalbandov v Russia (2008 г.)** девятнадцатилетняя Маслова, проходившая в качестве свидетеля по делу об убийстве, была вызвана на допрос в милицейский участок. Сначала ее допрашивали в отношении предполагаемого хранения ею вещей, принадлежавших убитому. Маслова отрицала какую-либо причастность к убийству, и полицейские, применяя угрозы, ее избили ее же футбольным шарфом. Позже они надели на нее наручники для больших пальцев, избили ее, изнасиловали и далее принудили ее к оральному сексу. Оба полицейских неоднократно били ее в живот, затем они надели ей на лицо противогаз, перекрывая доступ воздуха и вызывая удушье, а также они применяли электрошок через провода, прикрепленные к ее серьгам. В конце концов Маслова дала признание. Далее ее передали властям прокуратуры, в том же милицейском участке, для дальнейшего допроса. Все просьбы Масловой о том, чтобы ее отпустили, были проигнорированы. Когда ей разрешили пойти в туалет, она попыталась перерезать себе вены на запястьях. После допроса, она была неоднократно изнасилована работниками прокуратуры. В конце концов Маслова была отпущена в 10 часов вечера. Суд нашел, что физическое насилие, особенно жестокие акты неоднократного изнасилования, которым подвергалась Маслова, составляло пытку.
- В деле **Menesheva v Russia (2006 г.)** заявительница, 19-летняя женщина, была арестована полицейскими в ходе расследования убийства, в котором, как они полагали, подозревался ее предполагаемый друг Л. Во время ареста они грубо с ней обращались, как и угрожали ей и членам ее семьи. Заявительница утверждала, что в полицейском участке она подвергалась жестокому обращению со стороны нескольких полицейских, в частности, удушению и избиению палками. Они также оскорбляли ее, угрожали ей изнасилованием и применением насилия в отношении ее семьи. Позже ее отправили домой, но затем арестовали ее снова, и она подверглась дальнейшему жестокому обращению. Суд отметил, что боль и страдания были причинены ей преднамеренно, в частности, с целью получения от нее информации. Суд отметил, что заявительнице было только 19 лет, что делало ее особенно уязвимой при столкновении с несколькими полицейскими-мужчинами. Суд далее отметил, что жестокое обращение длилось несколько часов, когда она была дважды подвергнута избиению, а также и другим видам физического и психологического насилия. Суд заключил, что дело, взятое в целом, а также принимая во внимание цель и степень жестокости, примененное к ней обращение составляло пытку в рамках Статьи 3 Конвенции.

2.3 Бесчеловечное обращение или наказание

2.3.1 «Обращение» и «наказание»

«Обращение» и «наказание» различаются в соответствии с обычным значением этих слов. Практика Суда в отношении наказаний незначительна; в большинстве дел, переданных в Суд, речь шла об обращении с лицами, содержащимися под стражей. Впрочем, имеется ряд дел, подобных **Tyler v United Kingdom (1978 г.)**, где говорится о наказании. Обычно бывает ясно, что речь идет о наказании.

- В деле **Chember v Russia (2008 г.)** заявитель, во время прохождения военной службы, страдал от периодических болей в коленях, ранее неоднократно получая по этому поводу медицинскую помощь в медпункте своей части. В частности, по этой причине заявитель был освобожден от физической и строевой подготовки. Несмотря на это, в качестве наказания за плохую уборку казармы, ему было приказано сделать 350 приседаний, что его оставило инвалидом. Суд подчеркнул, что хотя тяжелая физическая подготовка неотъемлемо входит в военную дисциплину, она не должна угрожать здоровью и благосостоянию военнослужащих, равно как и унижать их человеческое достоинство. Суд отметил, что несмотря на то, что командирам было хорошо известно о его проблемах со здоровьем, они заставили заявителя делать именно тот вид упражнений, который поставил его колени и позвоночник под огромное напряжение. Суровость такого наказания нельзя объяснить какой-либо дисциплинарной или военной необходимостью. Поэтому Суд постановил, что такое наказание было преднамеренно рассчитано на причинение заявителю сильных физических страданий. Соответственно Суд нашел, что заявитель был подвергнут бесчеловечному виду наказания в нарушение Статьи 3.

2.3.2 Проведение различия между пыткой, бесчеловечным обращением и унижающим достоинство обращением

Различие между пыткой и бесчеловечным обращением, в основном, исходит из разницы в степени жестокости причиненного страдания. (См. дело **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** (приведенное выше) пар. 167. Кроме того, в то время как пытка, с одной стороны, обычно требует доказательства той или иной конкретной цели, как изложено выше, другие виды жестокого обращения этого не требуют.

Часто Суд заключает, что жертва подвергалась как бесчеловечному, так и унижающему достоинство обращению. Однако, в практике Суда проводится разграничение между этими двумя видами обращения.

Суд считает обращение «бесчеловечным», поскольку, среди прочего оно применялось умышленно и в течение многих часов подряд, вызывая либо телесные повреждения, либо сильные физические или психические страдания. Суд считает обращение «унижающим достоинство», поскольку оно могло вызвать у жертвы чувства страха, мучений или неполноценности, достаточных, чтобы унижить ее и попортить ее человеческое достоинство. При рассмотрении того, является ли конкретный вид обращения «унижающим достоинство» в толковании Статьи 3, Суд принимает во внимание, является ли оно предметом унижения человека и касательно последствий влияет ли негативно на ее или его личность в манере, несовместимой со Статьей 3. Тем не менее снова, как отмечено выше, отсутствие какой-либо такой цели не может однозначно исключить решение о наличии нарушения Статьи 3. См., среди других, дело **Becciev v Moldova (2005 г.)**; **I.I. v Bulgaria (2005 г.)**, пар. 67.

Ниже излагаются конкретные дела практики Суда с тем, чтобы показать, в каких ситуациях и как Суд приходит к заключению об установлении бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

2.3.3 Примеры бесчеловечного обращения

2.3.3.1 Арест и задержание

Применение физического насилия может не приравниваться к пытке в том или ином конкретном случае, но Суд может установить нарушение Статьи 3 на основании того, что обращение приравнивается к бесчеловечному. Применение бесчеловечного обращения имеет место чаще всего в отношении лиц, содержащихся под стражей. Например, избиения со стороны полицейских определяются как бесчеловечное обращение.

- В деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** некоторые из задержанных жаловались, что сотрудники сил безопасности били их ногами и кулаками. Медицинские свидетельства подтвердили наличие у них кровоподтеков и ссадин, нанесенных во время их содержания под стражей. Суд пришел к выводу, что избиение привело к сильным страданиям и физическим травмам, которые временами были очень серьезными; таким образом, данный случай подпадает под категорию бесчеловечного обращения.
- В деле **Tomasi v France (1992 г.)** медицинские свидетельства подтвердили наличие на теле заявителя кровоподтеков и ссадин, как и то, что они были получены в период времени, когда он содержался в полицейском участке. Суд отметил, что медицинские свидетельства говорят об интенсивности и множественности нанесенных г-ну Томази ударов. Суд пришел к выводу, что налицо два достаточно серьезных элемента, которые придают этому обращению с ним бесчеловечный и унижающий достоинство характер.
- В деле **Hulki Gunes v Turkey (2003 г.)** заявитель жаловался на то, что он подвергался жестокому обращению. Медицинский осмотр, проведенный, когда он находился под стражей, обнаружил множественные ссадины, синяки и кровоподтеки. Суд заявил, что заявленные акты, продолжавшиеся в течение 15 дней, были достаточно серьезны. Это обращение было квалифицировано как бесчеловечное и унижающее достоинство.
- В деле **Balogh v Hungary (2004 г.)** в ходе допроса один из допрашивающих офицеров неоднократно бил заявителя в лицо и левое ухо. Через два дня после своего освобождения, заявитель перенес операцию по восстановлению барабанной перепонки. Суд постановил, что причиненная травма являлась достаточно серьезной и, таким образом, составляла жестокое обращение по Статье 3.
- В деле **R.L. and M.-J.D. v France (2004 г.)** полицейские, не применяя преднамеренного избиения заявителей, использовали силу для подчинения их своему контролю. В ответ на это заявители оказали сопротивление. Суд заключил, что кровоподтеки и отеки, которые имели заявители, были слишком множественны и слишком обширны, равно как и слишком продолжительны периоды их последовавшей нетрудоспособности для того, чтобы они были бы соразмерны применению силы, вызванной с абсолютной необходимостью поведением заявителей. Суд решил, что действия полицейских составляют нарушение Статьи 3. См. также **Krastanov v Bulgaria (2004 г.)** и **Barbu Anghelescu v Romania (2004 г.)**.
- В деле **Rivas v France (2004 г.)** полицейский, во время допроса, не допустил побега находящегося под стражей заявителя, ударив его коленом в пах. В результате у заявителя было разорвано яичко, что потребовало операции, вызвав временную нетрудоспособность в течение 5 дней. Суд постановил, что принимая во внимание причиненное заявителю страдание, а также его возраст, обращение с ним было бесчеловечным и унижающим достоинство.
- В деле **Kucheruk v Ukraine (2007 г.)** заявитель, страдающий хронической шизофренией, содержался под стражей в медчасти СИЗО. Когда он пришел в особенно возбужденное состояние, медперсонал вызвал троих тюремных охранников, которые приказали ему заложить руки за спину и стать лицом к стене. Он не послушался, и охранники стали избивать его дубинками, повалили его на пол и сковали наручниками. В тот же день двое тюремных сотрудников и врач, по осмотру заявителя, обнаружили у него на плечах и ягодицах признаки телесных повреждений, нанесенных дубинками. Тем не менее, по приказу директора тюрьмы его признали годным к одиночному заключению. Там он провел девять дней, запертым в стенах камеры по крайней мере 23 часа в день. Семь из тех девяти дней он постоянно был в наручниках. При осмотре его психиатром, ему не предписывалось никаких лекарств, так как он отказывался их принимать. В его медицинской карте, тюремный доктор отметил, что заявитель неоднократно пытался

освободиться от наручников: бился головой об стену, катался по полу, пытался просунуть ноги между скованными наручниками руками. Суд отметил, что применение дубинок в этом случае являлось неоправданным и составляло бесчеловечное обращение, так как трое охранников были против одного заявителя, причем последний и не пытался нападать на них, и что его поведение ни в коей мере не представляло опасность ни для охранников, ни для других заключенных.

- В деле **Gafgen v Germany (2008 г.)** во время допроса заявителю угрожали применением физического насилия, которое причинило бы ему значительную боль, с тем, чтобы заставить его раскрыть местонахождение мальчика, которого он похитил. Суд отметил, что обращение, примененное к заявителю, должно было причинить ему сильные душевные страдания, что и было проиллюстрировано тем фактом, что если ранее он неоднократно отказывался от дачи правдивых показаний, то при применении угроз, он признался, где спрятал мальчика. Поэтому Суд нашел, что обращение, применением которого угрожали заявителю, в случае его применения приравнивалось бы к пытке. Однако, так как допрос длился только 10 минут и проводился в атмосфере повышенного напряжения и эмоций вследствие того, что полицейские, совершенно изнуренные, под огромным давлением, полагали, что в их распоряжении было только несколько часов, чтобы спасти жизнь мальчика, Суд определил, что заявитель подвергся во время допроса обращению, которое он рассматривает как бесчеловечное в нарушение Статьи 3.

2.3.3.2 Несоответствующая/недостаточная медицинская помощь

- В деле **Mouisel v France (2002 г.)** у заявителя, осужденного к лишению свободы, развилась прогрессирующая лейкемия. В заключении врачей говорилось, что ему требуется лечение с госпитализацией в стационаре. Французские власти не приняли мер в ответ на это сообщение. Суд постановил, что если бы заявителя положили в больницу и обеспечили охрану, особенно в ночное время, требования Статьи 3 были бы удовлетворены. Суд отметил, что национальные власти не обеспечили получение заявителем соответствующей медицинской помощи. Суд заключил, что заявитель подвергся бесчеловечному обращению в нарушение Статьи 3.
- В деле **McGlinchey v United Kingdom (2003 г.)** дочь заявителя была отправлена в тюрьму 7 декабря 1998 года, будучи больна. Она получала лечение по поводу астмы и героинового абстинентного синдрома. При поступлении в тюрьму ее взвесили - ее вес составлял 50 кг. Почти непрерывно в период содержания под стражей у жертвы продолжалась рвота, она потеряла в весе почти 10 кг веса за первые пять дней заключения. Из-за постоянной рвоты в ее организме не удерживалась пища и почти не удерживалась жидкость. В течение первых пяти дней жертву часто осматривали врачи. Однако, в первые выходные – субботу и воскресенье – после ее поступления в тюрьму врач не осматривал ее ни разу. Утром в понедельник 14 декабря ее посетил врач; у нее был диагностирован коллапс, и она была госпитализирована. Улучшения не наступило, и примерно через две недели она умерла. Во время дознания было обнаружено, что тюремные весы неточны, вследствие чего один из врачей полагался не столько на показания весов, сколько на свою клиническую оценку состояния жертвы. Суд постановил, что стандарты, установленные Статьей 3 Конвенции соблюдены не были. Суд особо отметил тот факт, что тюремные власти не обеспечили возможность с точностью установить вес жертвы – фактор, который мог бы указать на серьезность состояния жертвы, но не был принят во внимание из-за неточности весов. Кроме того, Суд отметил факт перерыва во врачебном наблюдении в выходные дни, когда произошла очередная потеря веса, а также непринятие тюремными властями более эффективных мер медицинской помощи жертве, таких как, например, помещение ее в больницу, где она могла бы получать лекарства и жидкости внутривенно, или пригласить более квалифицированного специалиста, который помог бы остановить у нее рвоту. Таким образом, обращение тюремных властей с жертвой противоречило Статье 3, которая налагает запрет на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

- В деле **Tekin v Turkey (1998 г.)** заявитель, у которого была только одна почка, содержался в течение четырех дней в камере с температурой ниже нуля, без кровати и одеял, без пищи и жидкости. В течение нескольких дней заявителю негде было прилечь. Суд решил, что такое обращение является бесчеловечным и унижающим достоинство.
- В деле **Istratii and Others v Moldova (2007 г.)** г-н Истратий, находясь в СИЗО, перенес острый приступ парапроктита с ректальным кровоизлиянием. По его заявлению, в это время не было никакого медицинского персонала и что он был вынужден ждать три часа, прежде чем его взяли в больницу. По прибытии в больницу, его приковали наручниками к обогревателю и, в ожидании операции, он постоянно находился под наблюдением двух офицеров СФЕСС. Через четыре часа после операции, полицейские потребовали перевод г-на Истратия в тюремную больницу, расположенной в двух с половиной часах езды, несмотря на то, что он был не в состоянии самостоятельно передвигаться из-за испытываемой им боли и риска кровотечения, а также несмотря на рекомендованный врачами одномесячный период выздоровления после такой операции. По мнению Суда, непредоставление немедленной медицинской помощи в чрезвычайной ситуации, а также его перевод в другую больницу, не дожидаясь его выздоровления, в совокупности с унижением ношения наручников в больнице, составляло бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.
- В деле **Gorodnichev v Russia (2007 г.)** Суд отметил, что заявитель, несмотря на то, что страдал туберкулезом, содержался в штрафном изоляторе в течение 25 дней. Такая мера была во многих отношениях одним из самых суровых видов наказания, которое могло быть применено к нему во время задержания, так как оно означало, что ему запрещалась покупка пищевых продуктов, как и получение пищевых посылок, которые иначе присылал бы ему его отец. Ввиду пищевых ограничений в результате его помещения в штрафной изолятор, а также учитывая тот факт, что заявителя лишили диетного стола № 5Б, что, по мнению врачей, являлось необходимым условием для улучшения его здоровья, Суд определил, что его заявление о том, что он страдал от сильного недоедания в тюрьме, не были необоснованными. Суд определил, что власти заслуживали особую критику ввиду того, что питание часто является важной составляющей лечения, как правило, предоставляемого страдающим туберкулезом. В заключение, Суд определил, что власти наложили на заявителя особо острые лишения, вызвав степень страданий сверх той меры, которая неизбежно ассоциируется с отбыванием тюремного наказания. Поэтому Суд определил, что в течение соответствующего периода заявитель был подвергнут условиям содержания, приравненным к бесчеловечному обращению.
- В деле **Mechenkov v Russia (2008 г.)** заявителю, во время отбывания тюремного заключения, регулярно предписывали курс лечения гепатотоксичными противотуберкулезными средствами, известными тем, что они повреждают печень. Предоставленные Суду свидетельства не устанавливали точную дату постановки заявителю диагноза хронического гепатита С. Между датой, когда диагноз гепатита отмечен в первый раз в медицинской карте заявителя в 2003 году и датой, когда был взят первый анализ крови, подтвердивший этот диагноз в 2004 году, прошло более 11 месяцев. Поэтому Суд не мог заключить, что заявителю был быстро поставлен диагноз хронического гепатита С. Ввиду непредставления государством копий относящихся медицинских документов, Суд заключил, что заявитель, во время тюремного заключения, не получал надлежащей медицинской помощи по поводу хронического гепатита С после 25 октября 2005 года. Отсюда Суд определил, что заявителю не был предоставлен минимальный уровень медицинского наблюдения в отношении своевременного диагноза и лечения гепатита С, что составляет бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в нарушение Статьи 3.

2.3.3.3 Медицинское вмешательство с целью получения доказательств

Суд разбирает дела, в которых заявитель должен был подвергаться определенному медицинскому вмешательству. Заявители в таких делах утверждают, что насильственное вмешательство в их физическую неприкосновенность составляет нарушение Статьи 3. Суд не всегда принимал, что такая интервенция была достаточна для удовлетворения стандарта минимального уровня жестокости. Суд также определил, что Конвенция, в принципе, не запрещает применение насильственного медицинского вмешательства, которое помогло бы в расследовании преступления (см. **X. v Netherlands (1978 г.)** и, при необходимости, предоставления (срочной) медицинской помощи. С учетом этого, любое вмешательство в физическую неприкосновенность какого-либо лица, произведенное с целью получения доказательств, должно быть предметом самого тщательного разбирательства.

- В деле **Jalloh v Germany (2006 г.)** заявитель, арестованный по подозрению в хранении наркотиков, проглотил крошечный пакетик, который он держал во рту. Так как никаких наркотиков не обнаружили, компетентный прокурор дал указание, чтобы ему дали вызывающее рвоту средство с тем, чтобы он срыгнул пакетик. Заявитель отказался принять этот препарат, и тогда с помощью четверых полицейских, державших его, врач – силой, через нос – вставил трубку с солевым раствором и сиропом Ипекакуанха. Врач также сделал инъекцию апоморфина, производного от морфина. В результате, заявитель срыгнул маленький пакетик, в котором содержалось 0.2182 г кокаина. Суд не был удовлетворен, что насильственное применение рвотного средства было необходимым для получения доказательств. Работники прокуратуры могли бы просто подождать, пока наркотики прошли бы через систему заявителя естественным путем, т.е. применить метод, используемый многими другими государствами-членами Совета Европы при расследовании преступлений с наркотиками. Что касается манеры, в которой были применены рвотные средства, Суд отметил, что была применена сила, граничащая с жестокостью: трубка проходила через нос заявителя в живот с целью преодоления его физического и психологического сопротивления. Это вызвало у него боль и мучения. Затем его подвергли дальнейшему вмешательству, против его воли, а именно инъекции другого рвотного средства. Суд заявил, что необходимо принять во внимание психологическое страдание заявителя, пока он ждал, когда начнет действовать рвотное средство, а также тот факт, что все это время он находился под наблюдением. Быть принужденным к срыгиванию при таких условиях должно было быть унижительным для него несомненно гораздо более, чем было бы ожидание выхода наркотиков из его организма естественным образом. В заключение Суд нашел, что немецкие власти подвергли заявителя серьезному вмешательству в его физическую и психологическую неприкосновенность против его воли.

2.3.3.4 Задержание детей

Задержание детей заслуживает особого внимания и тщательного рассмотрения. Необходимо наличие очень серьезных оснований для помещения несовершеннолетнего под стражу. Более чем в каких-либо других случаях это должно быть *ultimum remedium*. Более того, должны быть созданы особые условия с учетом всех нужд несовершеннолетних, включая образовательные. Содержание детей вместе со взрослыми, особенно несопровождаемых, составляет бесчеловечное обращение.

- В деле **Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v Belgium (2006 г.)** пятилетняя девочка прибыла из Демократической Республики Конго в Бельгию в сопровождении своего дяди по пути в Канаду, где ему был предоставлен статус беженца. Ввиду отсутствия документов на въезд в страну, она была остановлена и помещена, одна, в транзитный центр аэропорта для взрослых иностранцев. Там она содержалась в таких же условиях, как и взрослые. Ее держали там почти два месяца, хотя она была без родителей, и никто за ней не присматривал. Не были предприняты никакие меры по обеспечению присутствия квалифицированного лица, которое оказывало бы ей помощь или занималось бы ее воспитанием. Бельгийское правительство признало, что

транзитный центр не был приспособлен к ее нуждам, как и то, что не были обеспечены необходимые структуры. Суд отметил, что ввиду ее малолетнего возраста, тот факт, что девочка была нежелательной иностранкой в чужой стране, несопровождаяемая ее родственниками, оставленная предоставленной самой себе, она оказалась в очень уязвимой ситуации. Предпринятые бельгийскими властями меры явились далеко не адекватными в свете их обязательства взять на себя заботу о ребенке, а также имевшихся в их распоряжении возможностей. Условия содержания причинили Табите значительное угнетение. Задержавшие ее власти не могли не осознавать возможность для девочки серьезных психологических последствий ее содержания в таких условиях. По мнению Суда, ее задержание продемонстрировало отсутствие гуманности до степени, граничащей с бесчеловечным обращением.

В других делах, где были созданы надлежащие условия для удовлетворения нужд детей и более того, условия, направленные на их защиту/воспитание, Суд нашел, что необходимый уровень жестокости достигнут не был (см., например, **Aerts v Belgium (1998 г.)** и **D.G. v Ireland (2002 г.)**).

2.3.3.5 Душевные страдания

Обращение, которое вызывает душевные, нежели физические страдания, может при определенных обстоятельствах приравниваться к бесчеловечному обращению.

- В деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** подозреваемых в терроризме несколько часов держали под стражей с применением к ним так называемых «пять методов» допроса. В частности, их заставляли стоять, держа руки и ноги врозь, поднимая руки над головой, лишали пищи, сна, подвергали воздействию постоянного шума и заставляли носить на голове черный колпак, закрывающий лицо. Суд постановил, что эти «пять методов», которые применялись в сочетании, преднамеренно и на протяжении многих часов подряд, причинили этим лицам, если и не телесные повреждения, то по крайней мере сильные физические и психологические страдания, а также вызвали у них острые нарушения психики в ходе допросов. Таким образом, данный случай подпадал под категорию бесчеловечного обращения по Статье 3.

Угроза применения пыток по отношению к жертве может рассматриваться как бесчеловечное обращение в случаях, когда эта угроза достаточно реальна и непосредственна. Чтобы угроза была приравнена к такому обращению, необходимо показать, что она вызвала уровень страданий, который обычно ассоциируется с бесчеловечным обращением. Согласно Суду, в деле **Campbell and Cosans v United Kingdom (1982 г.)** пар. 26, угроза пытки, произведенная в отношении лица, находящегося под стражей, может составлять бесчеловечное обращение, когда такая угроза реальная и непосредственная и вызывает сильные душевные страдания (см., в отличие, **Tekin v Turkey (1998 г.)**, где утверждения заявителя, касающиеся применения угроз пыткой, по мнению Суда, не были достаточными для установления нарушения Статьи 3).

2.3.3.6 Страх и тревожность как результат насильственного исчезновения или других видов жестокого обращения в отношении членов семьи

Суд постановил, что там, где Государство ответственно за исчезновение лица, находящегося под стражей, в нарушение Статьи 2, Государство также может нести ответственность за душевные страдания, причиненные семье жертве исчезновения. Заявитель должен суметь показать, что он или она перенесли жестокую тревогу в результате исчезновения, а также неспособности властей к проведению серьезного расследования по выяснению местонахождения исчезнувшего человека.

- В деле **Kurt v Turkey (1998 г.)** заявительницей была мать молодого человека, который был взят под стражу в юго-восточной Турции и впоследствии исчез. Заявительница утверждала, помимо прочего, что она была жертвой нарушения Статьи 3 вследствие страданий, которые она пережила, не зная, что случилось с ее сыном. Суд отметил, что заявительница видела, как ее сына забрали под стражу, и предпринимала многократные попытки выяснить его дальнейшую судьбу, столкнувшись при этом с бездействием властей. Суд постановил, что заявительница была жертвой нарушения Статьи 3 и подверглась бесчеловечному обращению.

Однако, в деле **Çakici v Turkey (1999 г.)** Суд определил, что дело Kurt не устанавливает общего принципа, согласно которому члена семьи «исчезнувшего лица» следует автоматически признавать жертвой обращения, противоречащего Статье 3. Подчеркнув целый ряд факторов, Суд заявил, что установление того, является ли член семьи такой жертвой, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя измерение и характер, отличающие их от эмоционального расстройства, причиненного родственникам жертвы серьезных нарушений прав человека, которое можно считать неизбежным.

Суд определил, что такие существенные факторы включают близость семейных уз. В этом контексте определенный вес будет придаваться связям между родителями и детьми – конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, но даже в большей степени в том, какова реакция и позиция властей, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действия властей. В деле **Çakici** заявитель был братом исчезнувшего лица. Он не видел, как его брата брали под стражу и не нес основную тяжесть выяснения его местонахождения. Суд заключил, что при таких обстоятельствах заявитель не может рассматриваться как жертва обращения, противоречащего Статье 3.

- В деле **Tanis v Turkey (2005 г.)** Суд рассмотрел вопрос о том, приравнивается ли эмоциональное расстройство заявителей, вызванное насильственным исчезновением их родственников, к нарушению Статьи 3. Суд принял во внимание тот факт, что тревога заявителей была подтверждена многочисленными шагами, предпринятыми с целью выяснения, что случилось с их родственниками. Отметив, что страдания заявителей в связи с неизвестностью дальнейшей судьбы их родственников ничем не были облегчены, Суд определил, что их исчезновение приравнивается к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и в отношении самих заявителей. См. также дела **Ipek v Turkey (2004 г.)**, **Koku v Turkey (2005 г.)**, **Tanli v Turkey (2001 г.)** и **Tahsin Acar v Turkey (2004 г.)**
- В деле **Bazorkina v Russian Federation (2006 г.)** Суд рассмотрел жалобу заявительницы в отношении перенесенных ею страданий в связи с исчезновением ее сына. Суд отметил, что заявительница была матерью жертвы, она видела на видеозаписи, как ее сына допрашивали и как его увели солдаты под замечания, что его казнят. Более того, несмотря на ее запросы, заявительница не получила какого-либо правдоподобного объяснения или информации в отношении того, что случилось с ее сыном после задержания. Суд нашел, что все эти факты причинили ей страдания и боль. Суд определил, что та манера, в которой власти рассматривали ее жалобы, может быть истолкована как бесчеловечное обращение.

В будущих делах, не включающих исчезновение, для родителей, дети которых подвергались жестокому обращению, противоречащему Статье 3, практика решений за последнее время показывает, что они могут заявлять, что и они сами также испытали душевные страдания, тяжесть которых

позволяет рассматривать их в нарушение Статьи 3, в результате страданий и боли, причиненной им властями.

- В деле **Berktaş v Turkey (2001 г.)** заявителем был отец молодого человека, упавшего с балкона во время ареста. Заявитель утверждал, что пережил душевную боль в результате того, что его заставили подписать заявление, в котором говорилось, что его сын сам выпал с балкона и полиция тут не причем, прежде чем позволили забрать находящегося в коме сына из больницы общего профиля и перевезти в специализированную больницу. В этом случае Суд не обнаружил нарушения Статьи 3 в отношении заявителя. Суд отметил, что его сын все же получил необходимое лечение, хотя это и произошло после того, как заявитель подписал документ против своей воли. Из этого Суд заключил, что заявитель не был подвергнут бесчеловечному обращению. Далее Суд рассмотрел вопрос о том, подвергся ли заявитель унижающему достоинство обращению и на основе фактов постановил, что не был достигнут минимальный уровень жестокости. Однако Суд не исключил возможности, что родитель может при аналогичных обстоятельствах быть признан жертвой по Статье 3.
- В деле **Musayev and Others v Russia (2007 г.)** Суд отметил, что применение Статьи 3, как правило, не распространяется на родственников лиц, убитых властями в нарушение Статьи 2, или на дела, касающиеся неоправданного применения силы государственными агентами, в отличие от родственников жертв насильственного исчезновения. Однако, Суд нашел, что ситуация заявителя идет дальше ситуации родственника жертвы нарушения Статьи 2. В тот день, о котором идет речь, заявитель был свидетелем внесудебной казни некоторых из своих родственников и соседей. Виновные в преступлении подвергли его угрозам, под дулом пистолета они заставили его лечь на землю, и он опасался за свою собственную жизнь. Суд не сомневается в том, что шок, пережитый им в тот день, вместе с совершенно неадекватной и бездейственной реакцией властей, причинил заявителю страдания, превышающие уровень бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, запрещенного Статьей 3.
- В деле **Sultan Oner and Others v Turkey (2006 г.)** первый заявитель, в сопровождении ее двух несовершеннолетних детей (второй и третий заявители), подверглись произвольному аресту силами безопасности, а также избиению в ходе ареста. Кроме установления нарушения Статьи 3 в отношении первого заявителя, Суд, приняв во внимание обстоятельства дела в целом, пришел к такому же заключению в отношении второго и третьего заявителей, ставших свидетелями унижения их матери. Суд определил, что они оказались без родительской заботы и неоспоримо пострадали как физически, так и психологически, в непосредственной связи с условиями, в которые была поставлена их мать.
- В деле **Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v Belgium (2006 г.)** (см. выше «задержание детей») Касательно прав матери, Суд постановил, что судя по представленным фактам, единственное, что предприняли бельгийские власти в отношении Мубиланзилы Майека – это сообщить ей, что ее дочь была задержана, а также дать ей контактный номер телефона. Соответственно, Суд отметил, что он не сомневается в том, что, как мать, Мубиланзила Майека пережила дистресс и тревогу из-за задержания ее дочери. Далее Суд отметил, что бельгийские власти не потрудились сообщить Мубиланзиле Майека о депортации ее дочери, и что ей стало известно об этом, только когда она пыталась связаться с ней по телефону, уже после того, как она была депортирована. Суд не сомневается в том, что это причинило Мубиланзиле Майека глубокую тревогу. Суд нашел, что такое поведение явилось проявлением неуважения к ее чувствам, а также учитывая другие доказательства этого дела, Суд постановил, что был достигнут необходимый уровень жестокости. Суд заключил, что права матери были нарушены в рамках Статьи 3 на основании задержания и депортации ее дочери.

2.3.3.7 Разрушение деревень и домов

Борьба Турции против PKK на юго-востоке Турции привела к серии дел, в которых было установлено, что Государство несет ответственность за разрушение деревень. Заявления базировались на том, что силы безопасности входили в конкретные деревни и сжигали дома и все их содержимое. В ряде таких случаев Суд признал нарушение Статьи 3 на основании того, что эти действия составляли бесчеловечное обращение.

- В деле **Bilgin v Turkey (2000 г.)** заявитель утверждал, что силы безопасности разрушили его дом, уничтожили имущество и урожай табачного листа, тем самым лишив его средств к существованию. Разрушены были и все остальные дома в деревне, где он жил. В результате разрушения дома заявителя он и его семья вынуждены были покинуть деревню и поселиться в другом месте. Он утверждал, что такое вмешательство в его личную и семейную жизнь было равносильно нарушению Статьи 3. Суд отметил, что Комиссия не обнаружила никаких мотивов разрушения дома и уничтожения имущества заявителя. Суд постановил, что даже если эти действия были совершены без намерения наказать заявителя, но как предупреждение другим или как способ помешать террористам воспользоваться его домом, это не служит оправданием жестокого обращения. Он пришел к заключению, что учитывая обстоятельства, при которых были уничтожены дом и имущество заявителя, а также его личную ситуацию, это должно было причинить заявителю страдания достаточно сильные, чтобы действия сил безопасности можно было назвать бесчеловечным обращением.
- В деле **Dulas v Turkey (2001 г.)** жандармы вошли в деревню заявительницы и приказали всем жителям собраться в определенных местах. После этого жандармы стали поджигать все дома. Дом заявителя, запасы продовольствия, урожай пшеницы, а также мебель и все домашнее имущество были уничтожены. В деревне было сожжено около пятидесяти домов. После отъезда жандармов деревня осталась в руинах и жители вынуждены были уйти. Заявительнице во время этих событий было более 70-ти лет, она лишилась крова и средств к существованию. Власти не приняли никаких мер по оказанию ей помощи. Суд постановил, что это должно было причинить заявителю страдания достаточно сильные, чтобы действия войск безопасности можно было назвать бесчеловечным обращением в значении Статьи 3.

По вопросу разрушения деревень см. также **Mentese and Others v Turkey (2005 г.)** и **Hasan Ilhan v Turkey (2004 г.)**.

2.3.3.8 Другие примеры

Бесчеловечное обращение может иметь место и вне контекста нахождения под стражей. Так например, в деле **D. v United Kingdom (1997 г.)** высылка смертельно больного человека в страну, где он или она не сможет получить надлежащего медицинского обслуживания, определяется Судом как бесчеловечное обращение (см. также раздел 4.1.3 по Статье 3 в разделе о делах, касающихся высылки/экстрадиции).

2.4 Унижающее достоинство обращение или наказание

В деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** Суд определил (пар. 167), что обращение может быть классифицировано как унижающее достоинство, когда оно таково, что вызывает у его жертвы чувства страха, мучений или неполноценности, способные унижить ее и, возможно, сломать ее физическое и психологическое сопротивление.

Эта формула (или ее аналогичные формы) была использована во многих последующих делах, например, дело **Bekos and Koutropoulos v Greece (2005 г.)**.

Как и другие виды жестокого обращения, унижающее достоинство обращение или наказание должно достичь определенного уровня жестокости, запрещенного Статьей 3. При рассмотрении того, является ли тот или иной конкретный вид обращения «унижающим достоинство» в значении Статьи 3, Суд принимает во внимание, имело ли такое обращение своей целью унижение или оскорбление жертвы и, что касается последствий этого обращения, повлияло ли оно негативно на ее или его личность в манере, несовместимой со Статьей 3. Тем не менее, как отмечено выше, отсутствие такой цели не может однозначно исключать нарушение Статьи 3.

2.4.1 Унижающее достоинство наказание

Например, лицо, наказанное по приговору суда, может утверждать, что обращение унижает его достоинство, только когда уровень унижения превышает присущий любому наказанию. (см. дело **Tyrer** ниже пар.30). Согласно Статье 3, унижающее достоинство обращение и наказание должно выражаться не столько в вынесенном приговоре, сколько в том, как этот приговор приводится в исполнение. При этом достаточно того, что жертва чувствует себя униженной в собственных глазах.

- В деле **Tyrer v United Kingdom (1978 г.)** после признания виновным в совершении нападения, повлекшего телесные повреждения, несовершеннолетний заявитель был подвергнут телесному наказанию по решению суда. Наказание было исполнено полицейским, который наносил заявителю удары по обнаженным ягодицам, при этом с обеих сторон его удерживали еще двое полицейских; это произошло спустя почти два месяца после вынесения приговора. Заявитель утверждал, что исполнение этого наказания было, среди прочего, унижающим его достоинство. Суд счел, что по своей природе телесное наказание по решению суда предполагает применение одним человеком физического насилия в отношении другого. Кроме того, оно является институциональным насилием, т.е. насилием, которое допускает закон, назначает суд Государства и исполняет полиция Государства. Поэтому, хотя заявитель не перенес тяжелых или долгосрочных последствий, наказание явилось посягательством на то, что защищает Статья 3, а именно, на человеческое достоинство и физическую неприкосновенность. Суд постановил, что заявитель стал жертвой унижающего достоинство обращения.

2.4.2 Унижающее достоинство обращение

2.4.2.1 Арест и задержание

Чтобы арест или взятие под стражу в рамках судебного разбирательства можно было считать унижающим обращением в значении Статьи 3, унижение или оскорбление, которое оно повлекло, должно достигать особой степени и в любом случае должно отличаться от того уровня унижения, который присущ любому аресту или взятию под стражу. Поэтому использование наручников при аресте подозреваемого и конвоировании его/ее по дороге до места содержания и обратно обычно не составляют нарушение Статьи 3. Однако, необоснованный обыск с полным раздеванием может составлять унижающее достоинство обращение.

- В деле **Wieser v Austria (2007 г.)** ввиду жалоб жены заявителя, обвинявшей своего мужа в агрессивном поведении, сексуальном насилии и хранении оружия, шестеро вооруженных членов особого полицейского подразделения, все в скрывающих лица масках, ворвались в дом заявителя. Полицейские повалили заявителя на землю и сковали его наручниками. После этого они положили его, раздетого донага, на стол, в поисках оружия, потом одели его, затем заставили его лечь на землю, где примерно в течение 15 минут он чувствовал, как ему в затылок

упирался коленом один из полицейских, пока другие полицейские производили обыск в его доме. Суд отметил, что г-н Визер оказался особенно незащитным, когда полицейские его раздели. Суд нашел, что вся эта процедура была насильственной и потенциально унижительной и не должна была бы применяться без уважительной на то причины. Суд нашел, что допрос с полным раздеванием не был необходимым или оправданным, в частности, отметив, что г-н Визер, будучи в наручниках, уже был обыскан на предмет хранения оружия, а не наркотиков или других мелких предметов. Поэтому Суд постановил, что при конкретных обстоятельствах дела заявителя, обыск с его полным раздеванием во время вторжения полиции в его дом составлял неоправданное обращение достаточной степени тяжести, чтобы классифицировать его как «унижительное и таким образом признать наличие нарушения Статьи 3.

2.4.2.2 Физическая сила, применяемая к людям во время ареста и в период содержания под стражей

Суд указал, что в случае лишения свободы использование физической силы, которое не было совершено необходимым в силу поведения взятого под стражу лица, унижает человеческое достоинство и в принципе составляет нарушение Статьи 3. См., например, приведенные здесь дело **Labita v Italy (2000 г.)** и дело **Selmouni v France (1999 г.)**. Поэтому использование физической силы против проявляющего неповиновение заключенного с целью усмирить его допустимо, однако в принципе недопустимо применять физическую силу к послушному заключенному. Возможно предположить жестокое обращение, противоречащее Статье 3, при наличии синяков и других травм, полученных в период содержания под стражей.

Методы допроса, включающие избиения, угрозы и другие виды насилия, составляют нарушение Статьи 3.

- В деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** применение «пяти методов» допроса (см. раздел 2.3.3.5 выше) было определено как нарушение Статьи 3.
- В деле **Aksoy v Turkey (1996 г.)** заявителю во время допроса были завязаны глаза, что вызвало его дезориентацию. Его подвешивали за руки, связанные за спиной («палестинское подвешивание»), подвергали электрошоку (последствия которого усугублялись поливанием его водой), избивали, били по лицу и оскорбляли. В отношении «палестинского подвешивания», Суд отметил, что в добавление к сильной боли, которую такое обращение вызвало в то время, оно привело к параличу обеих рук, который продолжался длительное время. Это обращение носило такой серьезный и жестокий характер, что оно составляло пытку.
- В деле **Salman v Turkey (2000 г.)** жертву взяли под стражу в нормальном состоянии здоровья, а позднее он умер. У него были кровоподтеки и ссадины на ногах и перелом грудной кости. Семья утверждала, что его били по пяткам «фалака», и сильно ударили в грудь. Суд постановил, исходя из характера и степени жестокости обращения и фактов, указывающих на то, что страдания причинялись во время допроса о предполагаемом участии заявителя в действиях ПКК, что жертве были причинены очень серьезные и жестокие страдания, равносильные пытке.
- В деле **Akdeniz v Turkey (2001 г.)** одиннадцать человек находились под стражей в течение примерно недели, причем все, кроме одного, были связаны. Их держали на улице, как днем, так и ночью. Некоторых избивали. Все страдали от холода, страха и тревоги по поводу того, что с ними будет. Суд постановил, что это было равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

- В деле **Rivas v France (2004 г.)** заявитель был взят под стражу и допрошен полицейским. При обстоятельствах, которые оспаривались, полицейский нанес удар заявителю коленом в пах, что привело к перфорированию яичка, потребовавшего операции, что вызвало временную нетрудоспособность в течение пяти дней. Учитывая причиненные страдания, а также возраст заявителя, Суд решил, что обращение с ним является бесчеловечным и унижающим достоинство.

2.4.2.3 Условия содержания лиц, находящихся под стражей

Даже тогда, когда лица, содержащиеся человека под стражей, используют допустимые методы допроса и воздерживаются от причинения боли, все равно может иметь место нарушение Статьи 3, если условия содержания приравниваются к бесчеловечным или унижающим человеческое достоинство.

Суд неоднократно подчеркивал, что страдания и унижения должны достигать особой степени и в любом случае должны отличаться от того уровня страданий и унижения, который присущ законному лишению свободы. Тем не менее, в свете Статьи 3 Конвенции, Государство должно обеспечить, чтобы человек содержался под стражей в таких условиях, которые совместимы с уважением к его человеческому достоинству, чтобы манера и способ исполнения этой меры не подвергали его стараниям и лишениям такой интенсивности, которая превышает неизбежный уровень страданий при лишении свободы, и чтобы, учитывая практические требования, предъявляемые к тюремному заключению, были адекватно обеспечены его здоровье и благополучие, (см. *mutatis mutandis* дело **Kudla v Poland (2000 г.)** пар. 92-94), путем предоставления необходимой медицинской помощи (см. дело **Aerts v Belgium (1998 г.)** пар. 64). При оценке условий содержания необходимо учитывать куммулятивный эффект этих условий, равно как и конкретные заявления, представленные заявителем (см. дело **Dougoz v Greece (2001 г.)** пар. 46).

Переполненность и нехватка спальных мест могут быть расценены как обращение, противоречащее Статье 3. Кроме того, плохое отопление, ненадлежащие санитарные условия, плохое питание, недостаточный отдых, ограничение контактов с внешним миром также могут составлять бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

- В деле **Dougoz v Greece (2001 г.)** заявителя в течение нескольких месяцев держали в центре предварительного заключения в ожидании его высылки. Он утверждал, а Государство-ответчик не отрицало, что в камерах, рассчитанных на 20 человек, нередко содержалось до 100 человек. Там не было кроватей, заключенным не выдавали матрацев, простынь и одеял. Некоторым заключенным приходилось спать в коридоре. Камеры были грязными, а санитарные условия неудовлетворительными, поскольку были рассчитаны на гораздо меньшее число человек. Горячей воды не хватало, а иногда ее на долгое время отключали. Не было свежего воздуха и естественного света, также отсутствовал двор для прогулок и физических упражнений. Единственным местом, где заключенные могли гулять, был коридор, ведущий в туалет. Суд постановил, что условия, в которых содержался заявитель, в особенности переполненность и отсутствие условий для сна, в сочетании с неоправданно длительным периодом его содержания при таких условиях, были равносильны унижающему достоинство обращению, противоречащему Статье 3.
- В деле **Kalashnikov v Russia (2002 г.)** заявителя содержали в течение четырех лет и 10 месяцев в камере, рассчитанной на восемь человек. Суд усомнился в том, можно ли считать такие условия отвечающими приемлемым стандартам. Суд напомнил, что Европейский Комитет по предотвращению пыток и бесчеловечного и негуманного обращения или наказания принял площадь в 7 кв. м на заключенного как примерный желательный стандарт для обустройства камер для заключенных, т.е. 56 кв.м, если речь идет о 8 заключенных. Обычно число заключенных в камере в период пребывания там заявителя колебалось от 18 до 24 человек, и каждое спальное

место использовалось двумя или тремя заключенными. Суд отметил, что на каждый отрезок времени на каждого заключенного в камере, где содержался заявитель, приходилось 0.9-1.9 кв. м площади. По мнению Суда, камера была постоянно сильно переполнена сверх нормы, что само по себе поднимает вопрос в силу Статьи 3. Суд установил, что условия содержания заявителя под стражей, в частности чрезмерная переполненность камеры, антисанитарная обстановка в ней и вредные для здоровья и благополучия заявителя последствия этой обстановки в сочетании с длительностью срока содержания заявителя в таковых условиях приравниваются к унижающему достоинство обращению.

- В деле **Poltoratskiy v Ukraine (2003 г.)** заявителя содержали в одиночной камере смертников со скудной мебелью и открытым туалетом. В течение 8 месяцев камера освещалась по 24 часа в день, естественный свет отсутствовал, а заявитель находился в камере круглые сутки. У него было очень мало возможностей общаться с другими людьми или чем-то себя занять. Обстоятельства усугубляло то, что в течение всего этого времени заявитель ожидал исполнения смертного приговора. Суд постановил, что даже при отсутствии намерения унижить или попортить личность заявителя, не исключается возможность установления нарушения Статьи 3 Конвенции. Суд пришел к выводу, что условия содержания под стражей, которые заявитель вынужден был переносить в течение восьми месяцев, должны были вызвать у него тяжелые душевные страдания и унижить его человеческое достоинство. Переживаемые Украиной серьезные экономические трудности не могут служить объяснением или оправданием таких неприемлемых условий содержания заявителя. См. также **Khokhlich v Ukraine (2003 г.)** и **Kuznetsov v Ukraine (2003 г.)**.
- В деле **Mayzit v Russia (2005 г.)** заявитель содержался в очень маленьких перенаселенных камерах, в которых приходился в среднем только 1 кв. м на человека. Заключенные были вынуждены спать по очереди, им разрешали мыться только раз в десять дней. Суд нашел, что заявитель содержался в течение 9 месяцев и 14 дней в камере, где было от 6 до 10 заключенных, у каждого из них ничтожно мало места. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания определил, как желательную, норму площади для каждого заключенного 7 кв. м. Суд отметил, что предоставление в среднем менее 2 кв. м на заключенного поднимает вопросы в рамках этого положения. Суд также остановился на вопросе санитарных условий; заявитель жаловался, что камеры были грязными, кишели клопами, не доставало естественного света. Суд заключил, что условия содержания заявителя приравнивались к унижающим достоинство обращению.
- В деле **Novoselov v Russia (2005 г.)** заявитель отбывал заключение в тюрьме, по его заявлению, переполненной, с плохой вентиляцией и неадекватными санитарными условиями. Суд нашел, что камеры были переполнены. На заявителя приходилось менее чем 1 кв. м площади, он был вынужден делить спальное место с другими заключенными. За исключением 1 часа ежедневной прогулки, заявитель находился в камере 23 часа в сутки. Этому аспекту придавалось большое значение при рассмотрении вопроса о наличии нарушения этого положения. Суд повторил, что отсутствие цели унижить или оскорбить жертву не исключает установление нарушения Статьи 3.
- В деле **Khudoyorov v Russia (2005 г.)** заявитель утверждал, что условия его содержания в российской тюрьме, а также его конвоирование из тюрьмы до здания суда и обратно являются нарушением Статьи 3. В поддержку своей жалобы он ссылаясь на Минимальные стандартные правила обращения с заключенными.
 - Условия содержания. Хотя стороны и имели разногласия по некоторым вопросам, Суд заключил, с опорой на факты, не оспариваемые Государством, что условия содержания нарушали права заявителя по Статье 3. Суд, в частности, отметил следующее: малый размер камер; крайне ограниченная личная площадь; заключенные вынуждены спать по очереди; они проводили 23 часа в сутки в камерах; только 1 час прогулки во дворе; число месяцев,

которое заявитель провел в этих условиях. Ссылаясь на дело **Kalashnikov v Russia (2002 г.)** Суд отметил, что переполненность сама по себе может составлять нарушение Статьи 3 даже в отсутствие таких усугубляющих факторов, как недостаток дневного света или вентиляции. Он отметил, что в подобных случаях, когда не установлено нарушение Статьи 3, переполненность обычно компенсируется свободой движения. (Со ссылкой на дело **Valasinas v Lithuania** пар. 103 и пар. 105 и **Nurmagomedov v Russia (2004)**). Суд также отметил, что хотя и не была установлена, вне разумного сомнения, неадекватность вентиляции, отопления, доступа к естественному свету или санитарных условий, эти аспекты вызывают его озабоченность. Все эти факты, взятые вместе, продемонстрировали, что условия содержания заявителя переходили за предел, допускаемый Статьей 3.

- Условия конвоирования. По утверждению заявителя, условия его конвоирования из тюрьмы до здания суда были бесчеловечны и унижительны. «Камеры для сбора», как и отделения для пассажиров были крайне переполнены и не пропускали естественный свет и воздух. В течение всего дня ему не давали еду или питье, и в результате этих условий у него было психологическое и физическое истощение. Это было первое дело, в котором Суд рассматривал совместимость условий транспортировки с положениями Статьи 3. Суд руководствовался решениями Европейского Комитета по предупреждению пыток, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения. Суд рассматривал такие вопросы, как размер тюремных видов транспорта, степень переполненности, число и время такой транспортировки заявителя, получал ли он пищу и возможность физических упражнений. Суд отметил с тем, что было крайне важно, что такое жестокое обращение имело место в те дни, когда он должен был быть в суде, и ему нужна была наибольшая концентрация. Суд заключил, что такое обращение нарушает Статью 3 Конвенции.
- В деле **Ostrovar v Moldova (2005 г.)** заявитель, со ссылкой на Статью 3 Конвенции, жаловался на условия содержания в молдавском СИЗО. В поддержку своих жалоб он также приводил доклады Европейского Комитета по предупреждению пыток, касающиеся тюрем предварительного заключения. Суд снова отметил большую переполненность в камерах, что само по себе вызывает вопросы по положениям Статьи 3. Суд также отметил тот факт, что заключенным разрешалось курить в камерах, хотя у заявителя была астма. В этом отношении, Суд определил, что Государство не соблюдало своего обязательства по обеспечению гарантий в отношении сохранения здоровья заявителя. Суд также отметил низкое качество медицинской помощи, плохие санитарные стандарты и некачественное питание. Учитывая все эти факторы в совокупности, Суд постановил, что условия содержания заявителя превосходили уровень жестокости, предусмотренный Статьей 3 Конвенции.
- В деле **Alver v Estonia (2005 г.)** заявитель жаловался, что его продолжительное содержание в СИЗО в плохих условиях, приведшее к заболеванию печени и туберкулезу, составляло обращение, противоречащее Статье 3 Конвенции. Суд прежде всего отметил, что предварительное заключение само по себе может поднимать вопросы в рамках Статьи 3 Конвенции. Более того, Статья 3 не может истолковываться как определяющая общее обязательство по освобождению заключенного по состоянию здоровья или помещения его в гражданскую больницу для получения особого рода медицинского лечения. Касательно условий его содержания, непредоставление Государством запрошенной Судом конкретной информации по вопросу переполненности позволило Суду сделать вывод о том, что заявитель содержался в условиях переполненности.
- В отличие от дела **Valasinas v Lithuania (2001 г.)** и других аналогичных дел, недостаток площади не был компенсирован другими факторами (такими как свобода передвижения в течение дня). Унижительный характер переполненности в камерах усугублялся общими плохими условиями в тюрьме: антисанитария, плохая вентиляция, некачественное питание. В своих заключениях Суд руководствовался докладом Европейского Комитета по предупреждению пыток. Суд отметил,

что заявителю был поставлен диагноз туберкулеза более чем 2 года, после того как он был взят под стражу и, как представляется, возможно, что он заразился в заключении. Признавая, что этот факт сам по себе не предусматривает нарушение Статьи 3, особенно с учетом того, что заявитель получил лечение, Суд определил это характерным элементом общих условий содержания заявителя. Суд счел не относящимся к делу то, что власти не имели намерения вызвать физические или душевные страдания. Суд заключил, что все эти факты в деле заявителя: переполненность, плохие общие условия, его состояние здоровья и продолжительность заключения, в совокупности, были достаточны для того, чтобы вызвать страдания и лишения в степени, превышающей неизбежный уровень страдания, присущий заключению.

- В деле **Dougoz v Greece (2001 г.)** заявителя в течение нескольких месяцев содержали в грязной камере, в которой часто было по 10 человек, и где не было кроватей, матрацев, простынь, одеял, при плохих санитарных условиях. Суд постановил, что такие условия были равносильны унижающему достоинство обращению, противоречащему Статье 3.
- В деле **Modarca v Moldova (2007 г.)** заявитель разделял камеру площадью в 10 кв. метров с тремя другими заключенными, больше половины было занято мебелью и туалетом, что оставляло только 1.19 кв. м на каждого заключенного. Камера почти не пропускала естественный свет, так как окно было покрыто тремя слоями металлической сетки; она плохо отапливалась и вентилировалась. Заявитель и другие заключенные вынуждены были приносить свою собственную одежду и постельное белье, также делать ремонт в камере. Вода и электричество предоставлялись только по расписанию, и в определенные периоды отключались вовсе, также в ночное время. Тогда заключенные вынуждены были воздерживаться от пользования туалетом, чтобы уменьшить запах. В банный день практически не было воды. Стол стоял около зловонного туалета, площадка для ежедневных прогулок была прямо под вентиляционной системой, выходящей из части здания, где содержались заключенные, больные туберкулезом - таким образом представляя реальную опасность заражения. Более того, Государство выделяло около 0.28 Евро в день на питание каждого заключенного (представляет 35-40% суммы, необходимой на питание, по оценке властей). Суд сослался на отчет Комитета по предотвращению пыток, который посещения тюрьмы отметил, что питание было отвратительным и практически несъедобным. Суд заключил, что кумулятивный эффект условий задержания заявителя, как и период времени, в течение которого он был вынужден их переносить (почти 9 месяцев) составляло нарушение Статьи 3.
- В деле **Riad and Idiab v Belgium (2008 г.)** заявители, оба палестинцы, прибыли в Бельгию, и им отказали въезд в страну, так как ни у того, ни у другого не было визы. Находясь под стражей, они подали заявления о предоставлении убежища, которые были отклонены. Решения об их освобождении были подтверждены по апелляции: г-н Риад - 30 января 2003 года и г-н Идиаб - 3 февраля 2003 года. Тем не менее, они оба, в тот же самый день были переведены в транзитную зону аэропорта в ожидании их депортации из Бельгии. Заявители утверждали, что там не было кроватей и что их поместили в мечеть, расположенную там; что в течение нескольких дней у них не было еды и питья, и что им давали еду только уборщицы или компания, управлявшая аэропортом; что у них не было возможности помыться или постирать свою одежду; что они неоднократно подвергались проверкам со стороны аэропортовой полиции; и что несколько раз их заключали в камеры и оставляли там на несколько часов без еды и питья, в попытке заставить их покинуть страну добровольно, затем из снова отправляли в транзитную зону. Они покинули транзитную зону 15 февраля 2003 года, но вскоре, после проверки документов, им было приказано покинуть бельгийскую территорию, и их взяли в центр задержания нежелательных иностранцев. Суд нашел, что транзитная зона была не подходящим местом задержания на тот период времени, которые заявители были вынуждены провести там. Транзитная зона, по своему характеру, могла вызвать у задержанных чувство одиночества, там не было места для прогулок и физических упражнений, не было никакого сервиса для питания, не было радио или телевидения для поддержания связи с внешним миром; ни в коей мере транзитная зона не

отвечала требованиям пребывания там более чем 10 дней. Суд нашел, что условия содержания действительно причинили им психологические страдания, подорвали их человеческое достоинство, вызвав в них чувства унижения и оскорбления. Кроме того, испытанное заявителями чувство унижения было усугублено тем фактом, что получив решение об их освобождении, они были лишены свободы в другом месте. Заявители также, вероятно, испытывали чувство унижения из-за того, что были вынуждены жить в общественном месте, без какой бы то ни было поддержки. При таких обстоятельствах Суд нашел, что факт задержания заявителей на период, превышающий 10 дней, в вышеописанном помещении составляет бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в нарушение Статьи 3.

В отношении условий содержания под стражей см. также **Karalevicius v Lithuania (2005 г.)**; **Labzov v Russia (2005 г.)** (по почти аналогичным вопросам **Khudoyorov v Russia (2005 г.)**); **Romanov v Russia (2005 г.)**, **Becciev v Moldova (2005 г.)**.

2.4.2.4 Применение наручников

Суд должен был рассматривать заявления, в которых утверждалось, что вопрос применения наручников в отношении лиц, содержащихся под стражей, а также помещения их в изолятор, приравнивается к бесчеловечному и унижительному обращению. Практика Суда по этому вопросу довольно-таки разнообразна; как правило, всегда приводя обстоятельства конкретного дела.

- В деле **Raninen v Finland (1997 г.)** на заявителя надели наручники при транспортировке из тюрьмы в военную часть – этот путь примерно занял два часа. Офицер, надевший на него наручники, был уверен, что тем самым выполняет приказ. Суд счел, что применение наручников, как правило, не является нарушением Статьи 3, когда производится в связи с законным арестом или взятием под стражу и не включает в себя применение силы или публичность, которые превышают пределы необходимого в данной ситуации. При таких обстоятельствах имеет значение, насколько есть основание предполагать, что человек может оказать сопротивление аресту, совершить побег, причинить травму или вред либо скрыть улики. В рассматриваемом случае мера применялась в контексте незаконного ареста и взятия под стражу, а заявителя в течение некоторого времени видели на публике с надетыми наручниками. Однако, заявитель не смог представить доказательств, что это обращение имело для него физические последствия или повлияло на психическое состояние; также он не смог доказать, что применение наручников имело целью унижить или оскорбить его. Суд постановил, что заявитель не был жертвой унижающего достоинство обращения.
- В деле **Ocalan v Turkey (2005 г.)** на заявителя были надеты наручники с момента его ареста турецкими силами безопасности на борту самолета в Кении до его прибытия в тюрьму в Турции на следующий день. Он жаловался, что такое обращение во время его транспортировки в тюрьму было бесчеловечным и унижительным. Большая Палата Суда последовала решению Палаты по этому вопросу. Палата приняла во внимание тот факт, что заявитель подозревался в лидерстве вооруженного сепаратистского движения, ведущего вооруженную борьбу против турецких сил безопасности и что он считался опасным. Суд принял заявление Государства, что единственной целью применения наручников было обеспечение меры безопасности на стадии ареста как способ предотвратить попытку побега или нанесение вреда себе или другим. Таким образом, нарушения Статьи 3 в этом отношении не было.
- В деле **Henaf v France (2003 г.)** Суд нашел нарушение Статьи 3 в случае, когда пожилой заявитель был прикован к больничной кровати на всю ночь перед операцией. Заявитель отбывал тюремное наказание. По мнению тюремных врачей, ему была необходима операция на горло. По мнению администрации, очевидной нужды для применения наручников не было, к тому же его будут в больнице охранять двое полицейских. Заявитель прибыл в больницу накануне своей

операции и оставался в наручниках в течение дня. Тем не менее, ночью он был прикован цепью за щиколотку к кровати. Заявитель жаловался, что из-за натяжения цепи каждое движение было болезненным и что он не мог спать. Утром заявитель сказал, что при таких обстоятельствах он предпочитал отложить операцию до своего освобождения из тюрьмы. Суд отметил следующее: возраст заявителя (75 лет), его состояние здоровья, отсутствие прецедентов, предполагающих, что он представлял риск безопасности, письменные инструкции директора тюрьмы о предоставлении ему нормальной, а не особой степени надзора, и тот факт, что он поступил в больницу за день до даты операции. При таких обстоятельствах, Суд решил, что применение цепи было несоразмерным в свете требований безопасности (с целью предупреждения побега заявителя или самоубийства), т.к. у входа в палату стояли двое полицейских. Суд установил нарушение Статьи 3. В отношении одиночного заключения, Суд ясно заявил, что полная сенсорная изоляция, вкпе с полной социальной изоляцией, способна разрушить личность человека и составляет вид обращения, который не может быть оправдан требованиями безопасности или какой-либо иной причиной. С другой стороны, запрет контакта с другими заключенными по причине безопасности, дисциплины или защиты сам по себе не приравнивается к бесчеловечному обращению или наказанию. (См. **Messina v Italy (2000 г.)**). По вопросу одиночного заключения, а также факторов, которые Суд принимает во внимание относительно этого см., в частности, дело **Rohde v Denmark (2005 г.)**.

- В более недавнем деле **Avci and Others v Turkey (2006 г.)** заявители, все отбывающие тюремное заключение, объявили голодовку. Сначала они поступили в тюремную больницу, позже были переведены в отделение интенсивной терапии, где были применены метровые цепи от голени до ножки кровати, хотя все они находились в состоянии комы и на грани смерти. Поэтому Суд не был удовлетворен, что заявители могли совершить побег, не только в силу состояния, в котором они пребывали, но и особенно при том, что за дверью палаты стояла охрана. Таким образом, мера была несоразмерной необходимым требованиям безопасности, и в результате явилась нарушением Статьи 3.
- В деле **Kucheruk v Ukraine (2007 г.)** заявитель, с диагнозом хронической шизофрении, был признан годным к помещению его в СИЗО. Через 3 месяца, когда он пришел в особенно возбужденное состояние, медперсонал вызвал троих охранников, которые приказали ему заложить руки за спину и стать лицом к стене. Он не послушался, и охранники стали избивать его дубинками, положили его на пол и сковали наручниками. В тот же день двое полицейских и врач, осмотрев заявителя, сообщили что у него на плечах и ягодицах имелись признаки телесных повреждений, нанесенных дубинками. Тем не менее, по приказу директора тюрьмы, он был признан годным к одиночному заключению. Он провел там 9 дней, запертым в камере 23 часа в сутки. В течение семи из девяти дней он постоянно был в наручниках. В его медицинской карте, тюремный врач отметил, что заявитель постоянно пытался освободиться от наручников: бился головой об стену, катался по полу, пытался просунуть ноги между скованными наручниками руками. Суд нашел, что применение наручников, в течение семи дней, в отношении заявителя, страдающего психическим заболеванием, в отсутствии какого-либо медицинского обоснования, следует рассматривать как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

Когда лицу, взятому под стражу, завязывают глаза, лишая его на несколько дней возможности видеть, в сочетании с другими видами жестокого обращения это подвергает сильному психическому и физическому давлению, которое может быть равносильно унижающему достоинство или бесчеловечному обращению. Суд рассматривает последствия такого обращения как особые обстоятельства в каждом деле.

- В деле **Salman v Turkey (2000 г.)** заявительницей была жена человека, арестованного и впоследствии умершего под стражей в полиции в юго-восточной Турции. Она подала жалобу в Европейскую Комиссию по правам человека, в результате чего подверглась допросу с повязкой на глазах; ее допрашивала турецкая полиция. Суд, рассмотрев обстоятельства ее допроса по тогдашней Статье 25 Конвенции (сейчас это Статья 34), признал, что повязка на глазах повышала уязвимость заявительницы, вызвав у нее тревожность и дистресс, являясь тем самым, с учетом обстоятельств дела, жестоким обращением. Суд не рассматривал данные обстоятельства с точки зрения Статьи 3, но вполне возможно было бы утверждать, что такое обращение по крайней мере равносильно унижающему достоинство.
- В деле **Ocalan v Turkey (2005 г.)** заявителю завязали глаза с момента его ареста в Кении до прибытия в турецкую тюрьму на следующий день. Большая Палата придерживается решения Палаты, принявшей во внимание, что такая мера была принята силами безопасности, чтобы их не мог узнать подозреваемый, арестованный по серьезному обвинению в терроризме. Также было принято заявление Государства, что подозреваемому завязали глаза как способ предотвратить попытку побега или причинение вреда себе или другим. Большая Палата также приняла решение Палаты, признавшей важным то, что заявителя не допрашивали, когда у него были завязаны глаза. При данных обстоятельствах, применение повязки на глазах не было равносильно бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

2.4.2.5 Несоответствующая/недостаточная медицинская помощь

Государственные власти имеют обязательство по охране здоровья лиц, лишенных свободы. Отсутствие надлежащего медицинского лечения может противоречить положениям Статьи 3.

- В деле **Hutardo v Switzerland (1994 г.)** заявителю позволили показаться врачу только через 6 дней после того, как он попросил о медицинской помощи, т.е. примерно через 8 дней после ареста. Рентген показал, что у него сломано ребро. Комиссия признала нарушение Статьи 3 на основании того факта, что к заявителю не допустили врача в течение восьми дней после ареста.
- В деле **Farbtuhs v Latvia (2004 г.)** заявитель, в возрасте 83 лет, страдающий двусторонним параличом, был осужден за преступления против человечества и геноцид. Он пробыл в тюрьме более года, после того как тюремные власти признали, что у них не было ни оборудования, ни персонала для предоставления ему надлежащего ухода. Несмотря на медицинские заключения, рекомендовавшие его освобождение, национальные суды отказались принять решение о его освобождении. Суд заявил, что условия содержания были неподходящими для состояния здоровья заявителя: ситуация, в которую его поместили, неизбежно должна была вызывать у него постоянное чувство тревоги, неполноценности и унижения - такое глубокое, что его обращение приравнивается к «унижающему достоинство».
- В деле **Khudobin v Russia (2006 г.)** заявитель был ВИЧ-инфицированным и также страдал серьезным психическим расстройством. Это повышало риск, ассоциируемый с любым заболеванием, от которого он страдал в заключении, и усиливало его ощущение страха. При таких обстоятельствах, отсутствие квалифицированной и своевременной медицинской помощи, в добавление к отказу властей на проведение независимой медэкспертизы в отношении его состояния здоровья, создавало у него такое сильное ощущение небезопасности и неуверенности, что Суд, учитывая при этом и его физические страдания, нашел, что его обращение приравнивается к унижающему достоинство.
- В деле **Popov v Russia (2006 г.)** Суд установил нарушение Статьи 3 в отношении условий содержания заявителя, а также отсутствие надлежащей медицинской помощи. Отличительным

и важным моментом в этом деле является то, что Суд решил применить Правило 39 «Регламента Суда», указывающее Государству, чтобы оно не требовало от заявителя выполнения какого-либо вида физической деятельности в конкретной тюрьме, включая физический труд и физические упражнения вплоть до получения дополнительного уведомления. Более того, от Государства требовалось принятие инициативы по обеспечению проведения независимой медэкспертизы заявителя в специализированном уролого-онкологическом учреждении в течение одного месяца по получении уведомления и впоследствии обеспечить такое медицинское лечение, какое показано по результатам медэкспертизы. Суд потребовал, чтобы Государство проинформировало его о предпринятых им мерах.

- В деле **Aleksanyan v Russia (2008 г.)** заявитель содержался в предварительном заключении более двух лет. В течение этого периода его здоровье постоянно ухудшалось, кроме того он был диагностирован как ВИЧ-инфицированный. У заявителя развился СПИД, сопровождаемый оппортунистическими инфекциями. Заявитель был переведен из СИЗО в больницу другого СИЗО, где врачи заключили, что он нуждается в лечении в специализированной больнице. Следовательно по делу заявителя подал в суд ходатайство о его освобождении под залог по состоянию здоровья. Но суд отказался его рассматривать. Суд предложил Государству под Правилом 39 «Свода правил Суда» обеспечить немедленную госпитализацию заявителя в специализированной больнице. Через четыре недели Суд подтвердил свою предыдущую меру и в дополнение предложил российским властям создать медэкспертизу, на двухсторонней основе, для диагностирования состояния здоровья заявителя и определения курса лечения. Недели позже Государство ответило, что заявитель может получить соответствующее медицинское лечение в медпункте СИЗО и что его обследование медкомиссией противоречит российскому законодательству. Через месяц врачи поставили заявителю диагноз лимфомы, связанной со СПИДом. Заявитель был помещен в городскую гематологическую больницу, где круглосуточно его охраняли полицейские; на окнах его комнаты была железная решетка. Заявитель не был освобожден, пока Суд не принял свое решение. Суд заключил, что с момента диагностирования заявителя СПИДом, его состояние здоровья по меньшей мере требовало его перевода в специализированную больницу. Отсюда следовало, что национальные власти не предприняли достаточных шагов по охране здоровья заявителя, по крайней мере, до его перевода в городскую больницу. Это ущемляло его достоинство и вызывало особо острые лишения и страдания, превышающие уровень тяжести, неизбежно ассоциируемый с тюремным заключением; учитывая также те заболевания, которыми он страдал, Суд заключил, что обращение составляет бесчеловечное и унижающее достоинство.

Однако Суд не всегда делает вывод о том, что непредставление определенного медицинского лечения в отношении лиц, находящихся под стражей, представляет нарушение Статьи 3.

- В деле **Gelfmann v France (2004 г.)** Суд нашел, что продолжаемое содержание под стражей осужденного заключенного, страдающего СПИДом, не нарушало Статью 3. В этом случае заявитель страдал СПИДом почти 20 лет, и у него было несколько так называемых оппортунистических инфекций, которые, как представляется, были стабилизированы. Трое специалистов отметили, что заявитель был «трудным», и что он отказывался или прерывал курс лечения несколько раз. Все трое специалистов считали, что кратко- и среднесрочные шансы заявителя на выживание были разумны, в результате значительного прогресса в лечении больных СПИДом. По мнению одного врача, состояние здоровья заявителя требовало госпитализации и было несовместимо с тюремным заключением; второй врач считал, что его заболевание было совместимо с пребыванием в тюрьме ввиду простоты лечения, которое может быть проведено в тюрьме; и по мнению третьего врача, медицинское лечение, предоставляемое в тюрьме, было полностью адекватным, хотя содержание в больничных условиях было бы и более приемлемым. Кроме того, власти внимательно относились к состоянию здоровья заявителя. Так, после ухудшения его состояния, заявитель был госпитализирован на обследование, затем с учетом результатов

проведенных анализов и его состояния здоровья, больница санкционировала его выписку и возвращение в тюрьму, так как лечение в тюрьме было такого же качества, как и лечение, которое могло быть предоставлено вне тюрьмы. При таких обстоятельствах, Суд определил, что ни состояние здоровья заявителя, ни страдания, на которые он жаловался, достигли такого уровня жестокости, чтобы подпадать под нарушение Статьи 3. Во всяком случае, если состояние здоровья заявителя ухудшится, французские власти обязаны предпринять меры согласно французскому законодательству.

- В деле **Mathew v Netherlands (2005 г.)** заявитель страдал серьезным заболеванием позвоночника. Нейрохирург поставил диагноз поясничной интерстициальной грыжи, посоветовал операцию. В августе 2002 года заявитель получил инвалидную коляску, но после инцидента в феврале 2003 года разрешение на ее использование было отменено, когда он вырвал кусок металла из его инвалидной коляски, используя его как оружие против тюремного персонала. В определенные периоды времени заявитель получал физиотерапию в больнице, но это прекратилось из-за того, что его физическое состояние не позволяло ему идти от камеры до машины, которая отвозила его в больницу. Заявитель жаловался на недостаток медицинской помощи. Суд отметил, что состояние позвоночника заявителя, возможно, делало любой вид физической активности болезненной и трудной. Тем не менее, заявитель не был настолько беспомощным, чтобы быть полностью неподвижным. Суд отметил, что Статья 3 не может толковаться как удовлетворяющая каждое желание и предпочтение любого заключенного в отношении медицинского лечения. Практические требования законного заключения могут наложить определенные ограничения, которые заключенный должен принять. Отменив разрешение на использование инвалидной коляски, власти имели право считать это необходимой мерой по причине безопасности. Что касается физиотерапии, которую требовал заявитель, вопрос состоял в том, состояние здоровья заявителя требовало лечения в тюрьме. Принимая тот факт, что транспортировка в больницу вызывала у заявителя дискомфорт до такой степени, что он предпочитал бы визит физиотерапевта в тюрьме, не было установлено, что состояние заявителя диктовало последний курс. В какие-то моменты, заявитель был способен проявить крайнее физическое сопротивление (например, вырвав кусок металла из коляски), и физиотерапевт, осматривавший его до освобождения, сказал, что несмотря на прошедшие девять месяцев без какого-либо лечения, он мог пройти расстояние по крайней мере 90 метров, а также выполнять такие сложные физические действия, как сгибание тела и ходьба вверх по лестнице. При этих обстоятельствах, Суд заключил, что заявителю не было отказано в необходимом медицинском лечении.
- В деле **Sakkopoulos v Greece (2004 г.)** заявитель утверждал, что по его состоянию здоровья, его предварительное задержание на срок девять месяцев и 19 дней, приравнивалось к обращению, противоречащим Статье 3. Суд, признав, что состояние его здоровья вызывало озабоченность, нашел, что из представленных свидетельств не представлялось, что ухудшение его здоровья во время заключения было по вине тюремных властей. Он получал регулярную медицинскую помощь, и также не было доказательств в поддержку его заявлений в отношении переполненности и плохих санитарных условий в тюремной клинике. Суд также нашел, что задержки в переводе заявителя в обычную больницу после сердечного приступа не достигали уровня жестокости в рамках Статьи 3, даже если бы власти и несли за это ответственность. Суд решил, что нарушения Статьи 3 не было.
- В деле **Matencio v France (2004 г.)** заявитель жаловался на продолжаемое его содержание под стражей несмотря на то, что он серьезно болен, а также и на условия содержания. Суд отметил, что французское законодательство позволяет вмешательство властей в случае, когда заключенный страдает каким-либо серьезным заболеванием. Судебные процедуры во Франции предусматривают предоставление достаточных гарантий, направленных на обеспечение защиты здоровья и благосостояния заключенных, которые Государство должно примирить с законными

требованиями тюремного приговора. По вопросу о том, достигло ли продолжаемое заключение заявителя достаточного уровня жестокости, чтобы приравниваться к нарушению Статьи 3, Суд отметил, что степень автономии заявителя позволяла ему удовлетворять его каждодневные нужды, соблюдать личную гигиену и диету, и, прежде всего, читать и писать, что представляет для него огромную важность. Более того, заявитель отклонил предложение директора тюрьмы о переводе его в тюрьму, где медицинское обслуживание предоставлялось на постоянной основе. Суд заключил, что не было установлено, подвергался ли заявитель обращению, достигающему достаточный уровень жестокости, чтобы составлять нарушение Статьи 3 Конвенции.

2.4.2.6 Лечение душевнобольных

Непредоставление психиатрического лечения больным, страдающим серьезными психическими расстройствами может составлять нарушение Статьи 3. Несоответствующее медицинское лечение находящихся под стражей лиц, нуждающихся в психиатрическом лечении, также может составлять нарушение Статьи 3. В отношении таких заключенных, Суд всегда принимает во внимание их уязвимость и их неспособность в некоторых случаях выразить ясным языком свою жалобу или сказать о том, как на них действует какое-то конкретное лечение.

- В деле **Herczegfalvy v Austria (1992 г.)** заявитель, страдающий серьезным психическим заболеванием, был агрессивен и часто нападал на тюремных охранников. Он жаловался, что ему насильно давали еду и успокоительное, помещали в изолятор и надолго приковывали наручниками к кровати. Суд отметил, что учитывая подчиненное и беспомощное положение, которое типично для пациентов психиатрических больниц, необходимо с особой бдительностью контролировать соблюдение Статьи 3. Далее Суд указал, что хотя решение о применении тех или иных методов лечения принимают врачи, в случае необходимости против воли пациента, с целью охраны физического и психического здоровья пациентов, которые совершенно неспособны принимать решение и за которых поэтому несут ответственность медики, такие пациенты тем не менее пользуются защитой Статьи 3. Медицинскую необходимость лечения следует доказать. На основе фактов, Суд постановил, что представленные Суду доказательства были недостаточны для опровержения аргумента Государства о том, что согласно общепринятым принципам психиатрии на тот момент, медицинская необходимость диктовала применение названных методов.
- В деле **Kudla v Poland (2000 г.)** заявитель, находившийся в тюрьме предварительного заключения, страдал хронической депрессией, и во время содержания под стражей совершил две попытки самоубийства и объявил голодовку. В течение всего периода предварительного заключения его осматривали врачи: терапевт и психиатр. Он утверждал, что во время пребывания под стражей к нему было применено неадекватное психиатрическое лечение, противоречащее Статье 3. Суд признал, что психологическое состояние заявителя сделало его более уязвимым по сравнению с обычным заключенным и что содержание под стражей могло в определенной степени усугубить его душевные страдания, тревожность и страх. Также Суд принял во внимание, что в течение четырех месяцев заявителя держали под стражей несмотря на мнение психиатра о том, что продолжение заключения может поставить под угрозу его жизнь вследствие вероятности попытки самоубийства. Суд постановил, оценив данное дело в целом, что не было установлено, что заявитель подвергался плохому обращению такого уровня жестокости, который подпадает под действие Статьи 3. Суд отметил, что заявитель находился под постоянным наблюдением психиатра и получал соответствующее лечение. Однако, Суд при этом заявил, (пар. 94) что Государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в таких условиях, которые совместимы с уважением к его человеческому достоинству, чтобы манера и способ исполнения этой меры не подвергали его страданиям и лишениям такой интенсивности, которая превышает неизбежный уровень страданий при лишении свободы, и чтобы, учитывая практические требования, предъявляемые к тюремному заключению, были

адекватно обеспечены его здоровье и благополучие, помимо прочего, путем предоставления необходимой медицинской помощи.

- В деле **Rivière v France (2006 г.)** заявитель, приговоренный к пожизненному заключению, после подачи им заявления на освобождение по лицензии, был осмотрен тремя психиатрами. Они заключили, что заявитель, психиатрическое расстройство которого возникло во время его заключения в тюрьме, теперь страдал хроническим психиатрическим заболеванием, особенно навязчивой идеей о самоудушении. Тем не менее, региональный суд по вопросам условно-досрочного освобождения, отказал в ходатайстве об освобождении заявителя. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Франции, заключенные, страдающие психиатрическими расстройствами не могут содержаться в обычной тюрьме, а должны быть принудительно помещены в больницу. Более того, рекомендация № R (98) 7 Комитета министров Совета Европы, касающиеся этических и организационных аспектов здравоохранения в тюрьме, предусматривает, чтобы заключенные, страдающие серьезными психическими расстройствами, должны содержаться и лечиться в больнице, адекватно оборудованной и с квалифицированным персоналом. Суд заключил, что заключенные, страдающие серьезными психиатрическими расстройствами и с суицидными тенденциями, требуют особых мер, отвечающих их состоянию здоровья, независимо от тяжести преступления, за которое они были осуждены. При данных обстоятельствах, Суд нашел наличие нарушения Статьи 3, на основании того, что заявитель содержался в течение продолжительного периода времени без медицинского наблюдения, соответствующего его состоянию как человека, страдающего психиатрическим расстройством.
- В деле **Kucheruk v Ukraine (2007 г.)** заявитель, страдающий хронической шизофренией, был признан годным к помещению его в СИЗО. Через 3 месяца районный суд нашел, что состояние его психики не позволяет на той стадии рассматривать вопрос наказания и назначил ему принудительное психиатрическое лечение. Уголовный процесс был приостановлен до его выздоровления. Тремя днями позже, Кучерук, находившийся под стражей в медчасти СИЗО, пришел в состоянии особенного возбуждения. Медперсонал вызвал троих охранников, которые приказали ему завести руки за спину и стать лицом к стене. Он не послушался, и охранники стали избивать его дубинками, положили его на пол и сковали наручниками. В тот же самый день, двое тюремных сотрудников и врач, осмотрев заявителя, обнаружили у него на плечах и ягодицах телесные повреждения, нанесенные дубинками. Тем не менее, он был признан годным для помещения в одиночное заключение по приказу директора тюрьмы. Он провел там 9 дней, запертым в камере почти 23 часа в день. В течение семи из тех девяти дней он постоянно был в наручниках. Когда его осматривал психиатр, ему не предписывались никакие лекарства, так как якобы он отказывался их принимать. В его медицинской карте тюремный врач отметил, что заявитель неоднократно пытался освободиться от наручников: бился головой об стену, катался по полу и пытался просунуть ноги между скованными наручниками руками. Одиночное заключение и применение наручников предполагает, что власти не предоставили заявителю соответствующего медицинского лечения. Рекомендация медкомиссии о том, чтобы ему было предоставлено лечение в специализированной больнице, было выполнено не сразу. При этом он был переведен обратно в обычную камеру СИЗО, где психиатр осмотрел его только один раз, до того как он напал на другого заключенного. По мнению Суда, это не может рассматриваться как адекватная медицинская помощь в свете серьезного психиатрического расстройства заявителя.

2.4.2.7 Содержание под стражей людей-инвалидов

Непредоставление адекватных условий для находящихся под стражей лиц, имеющих различного рода инвалидность, в отличие от каких-либо серьезных заболеваний, может также приравниваться к обращению, противоречащему Статье 3.

- В деле **Price v United Kingdom (2001 г.)** заявительница, с детства лишенная конечностей и страдающая заболеванием почек, была помещена в тюрьму за оскорбление суда на гражданском процессе. Когда ее забирали в тюрьму, она попросила разрешения взять с собой зарядное устройство для аккумуляторов инвалидной коляски, но ей отказали. Она периодически страдала от сильных простуд (что усугублялось ее неспособностью передвигаться), не могла спать из-за отсутствия подходящей кровати, чувствовала унижение из-за того, что при пользовании туалетом ей помогали мужчины-сотрудники тюрьмы, и испытывала трудности с поддержанием личной гигиены. Суд постановил, что содержать человека с тяжелой инвалидностью в условиях, где она испытывает опаный холод, рискует получить язвы и пролежни из-за слишком жесткой или неудобной кровати и не может без огромных трудностей ходить в туалет и соблюдать личную гигиену, равносильно унижающему достоинство обращению, противоречащему Статье 3.
- В деле **P. M. v Hungary (1998 г.)** Комиссия пришла к выводу, что непредоставление соответствующего санитарного ухода заключенному с парализованной нижней частью тела и вследствие этого страдающему недержанием равносильно нарушению Статьи 3.
- В деле **Vincent v France (2006 г.)** заявитель, будучи парализованным человеком, не имеющим возможности передвигаться без инвалидной коляски, утверждает, что тюремная камера, в которой он содержался после признания виновным в причастности к похищению ребенка, не предназначалась для содержания человека в инвалидной коляске, вследствие чего он постоянно испытывал трудности. Заявитель не имел возможности покинуть свою камеру, а также самостоятельно передвигаться по территории тюрьмы. Для того, чтобы пройти через дверь, заявителя приходилось переносить на руках, в то время как колеса инвалидной коляски протаскивались через дверь. Помимо всего прочего, заявитель находился в полной зависимости от других людей. Он находился в подобных условиях в течение 4 месяцев, не смотря на то, что данная ситуация была отмечена врачом, а также службой реабилитации и пробации тюрьмы, и заявителя могли бы перевести в какую-либо другую тюрьму парижского округа. Суд постановил, что содержание в тюрьме лица с физическими недостатками, при невозможности перемещаться по территории тюрьмы, и, в частности, покидать самостоятельно свою камеру, в соответствии со Статьей 3 приравнивается к «обращению, унижающему достоинство человека».
- В деле **Huseyin Yildirim v Turkey (2007 г.)** заявитель был до такой степени беспомощен, что в течение всего срока заключения, он не мог самостоятельно питаться, мыться, сидеть, передвигаться, одеваться и ходить в туалет. Несмотря на его беспомощность, надзор и уход за г-ном Йилдиримом был предоставлен находящимся вместе с ним заключенным, действовавшим из чувства солидарности, а в больничном крыле тюрьмы, за ним по очереди ухаживали его брат и две сестры, постоянно находясь рядом с ним. Суд посчитал, что положение, в котором заявитель находился почти три года, не могло не вызвать у него страданий, постоянного чувства неполноценности и унижения, достаточных для того, чтобы соответствовать понятию «унижающего достоинство обращение», как указано в Статье 3. Вышеуказанная ситуация осложнялась необходимостью доставки заявителя в суд, где на закрытии слушаний, как утверждает, жандармы сопровождения уронили его; в прессе были опубликованы фотографии, на которых он изображен лежащим на земле и пытающимся подняться на ноги. Суд заинтересовало, каким образом ответственность за заключенного, находящегося в подобном беспомощном состоянии, могла быть возложена на жандармов, естественно не обладающих достаточной квалификацией для того, чтобы предвидеть возможные угрозы для здоровья такого больного человека, возникающие при его транспортировке. В связи с этим, Суд вынес решение, что события того дня также приравниваются к обращению, унижающему достоинство человека. В заключение, Суд посчитал, что содержание заявителя под стражей, несмотря на систему правовой защиты, предусмотренную законодательством Турции, послужило причиной унижения его достоинства, и, несомненно, причинило ему как физические, так и психологические страдания, сверх той меры, которая неизбежно ассоциируется с отбыванием тюремного заключения и медицинским

лечением. В связи с этим, Суд вынес решение, что в данном случае имело место нарушение норм Статьи 3.

- В деле **Bragadireanu v Romania (2007 г.)** заявитель, находясь под стражей и не имея возможности контролировать процесс опорожнения кишечника по причине перипростальной опухоли, попросил перевести его в одноместную камеру. Однако, его просьба была отклонена на основании того, что в данном исправительном учреждении не имелось подобных камер, за исключением камер одиночного заключения. Заявитель не имел в тюрьме специально выделенного человека для оказания ему помощи и был вынужден полагаться на своих сокамерников, чтобы удовлетворить свои естественные физиологические потребности. Состояние здоровья заявителя было тяжелым, а отправление им естественных физиологических потребностей затруднительным, тем не менее, он по-прежнему оставался под стражей в обыкновенной тюрьме и делил камеру с другими людьми. Заявитель также не имел в своем распоряжении душа или теплой воды, и не получал регулярной медицинской помощи. Плохое состояние его здоровья привело к социальной изоляции от остальных заключенных. Суд установил, что условия содержания в тюрьме, в частности, переполненность людьми и отсутствие доступа к санитарно-гигиеническим и другим средствам, необходимым ему по состоянию здоровья, явились причиной страданий заявителя, достигающих порога бесчеловечного, унижающего достоинство обращения.

2.4.2.8 Личный досмотр заключенных

Всякий случай личного досмотра с полным раздеванием находящегося под стражей человека должен быть обоснован требованиями безопасности, и проведен таким образом, чтобы сохранить достоинство человека, насколько это возможно. Так, оскорбительные замечания, сделанные во время досмотра, или присутствие тюремного служащего противоположного пола могут быть приравнены к нарушению норм Статьи 3.

- В деле **Iwanczuk v Poland (2001 г.)** заявитель находился под стражей в ожидании суда по обвинению в мошенничестве. Он попросил разрешения проголосовать во время парламентских выборов. Выдача разрешения была обусловлена личным досмотром. Заявитель разделся до нижнего белья, после чего последовали уничижительные высказывания в отношении его тела и словесные оскорбления. Ему было сказано снять нижнее белье, что заявитель отказался сделать, и ему было отказано в разрешении голосовать. Суд, принимая во внимание отсутствие у заявителя прежних судимостей или фактов совершения насилия, вынес решение, что неопровержимых оснований, оправдывавших использование досмотра с полным раздеванием, например, в целях безопасности, представлено не было. Далее Суд постановил, что проведение досмотров с полным раздеванием иногда может быть необходимым для обеспечения безопасности тюрьмы или для предотвращения беспорядков на ее территории; вместе с тем, эти досмотры должны проводиться соответствующим образом. Суд отметил, что поведение служащих тюрьмы имело своей целью заставить заявителя почувствовать унижение и неполноценность, что является показателем неуважения к человеческому достоинству заявителя. Суд вынес решение, что заявитель подвергнулся обращению, унижающему его достоинство, что противоречит нормам Статьи 3.
- В деле **Valasinas v Lithuania (2001 г.)** заявитель отбывал тюремное заключение. После личного свидания, при котором он получил продукты питания, ему было приказано раздеться догола в присутствии тюремного служащего женского пола. Его яички были осмотрены служащим мужского пола, который не одел при этом перчаток. Продукты были также осмотрены служащим голыми руками и возвращены заявителю. Ему было приказано делать приседания, чтобы удостовериться, что он ничего не спрятал в заднем проходе. В результате досмотра на его теле не было найдено никаких запрещенных предметов. Суд постановил, что проведение досмотров с полным раздеванием может быть необходимым для обеспечения безопасности тюрьмы или для

предотвращения беспорядков и преступлений; вместе с тем, эти досмотры должны проводиться соответствующим образом. Принуждение заявителя к полному раздеванию в присутствии женщины, и касание его половых органов голыми руками, явно указывает на отсутствие уважения к заявителю, и умаляет его человеческое достоинство. Данные действия, наверняка, причинили ему боль и заставили испытывать чувство неполноценности, что могло его оскорбить и унижить, следовательно, заявитель пострадал от обращения, унижающего человеческое достоинство.

Суд постановил, что регулярное использование досмотра с раздеванием, в особенности с полным раздеванием, в течение длительного периода времени без четкого указания на необходимость последнего, и проведение его с использованием других строгих мер безопасности, нарушает нормы Статьи 3.

- В деле **Van der Ven v Netherlands (2003 г.)**, заявитель находился в следственной тюрьме за ряд насильственных преступлений, включающих убийство и изнасилование, а также преступления, связанные с наркотиками. Он был переведен в тюрьму особого режима после получения сведений о том, что он планировал побег. Помимо всего прочего, режим безопасности включал ограничения на контакт заявителя с другими заключенными, а свидания с членами семьи ограничивались одним часом в неделю через стеклянную перегородку. Один раз в месяц ему разрешалось, так называемое, «открытое» свидание, во время которого единственным способом физического контакта с членами его семьи было пожатие рук. Его подвергали досмотру с полным раздеванием до и после «открытого» свидания, а так же после посещения клиники, стоматолога или парикмахера. Кроме того, в течение трех с половиной лет его еженедельно подвергали досмотрам с полным раздеванием, включая осмотр анального отверстия во время еженедельной проверки камеры, даже если на неделе, предшествующей этой проверке, у него не было никаких контактов с внешним миром и, несмотря на то, что его уже досматривали подобным образом после «открытого» свидания, посещения им клиники, стоматолога или парикмахера. Таким образом, еженедельный досмотр с полным раздеванием проводился регулярно, не основываясь на каких-либо конкретных требованиях безопасности или поведении заявителя. Суд признал, что регулярные досмотры с полным раздеванием, принимая в расчет все другие меры безопасности, умаляли человеческое достоинство заявителя и, возможно, причиняли ему боль, а также заставляли испытывать чувство неполноценности, что могло его оскорбить и унижить, следовательно, имело место нарушение Статьи 3. При принятии решения, Суд ссылаясь на доклады Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного, унижающего достоинство обращения или наказания.

2.4.2.9 Обезображивание трупов

В деле **Akkum and Others v Turkey (2005 г.)** Суд установил, что обезображивание трупа сына заявителя приравнивается к унижающему достоинство обращению, что запрещено Статьей 3. Данный принцип нашел свое подтверждение в недавнем деле **Akpinar and Altun v Turkey (2007 г.)**.

2.4.2.10 Другие примеры

В деле **Tastan v Turkey (2008 г.)** заявителя принудили к службе в армии в возрасте 71 года. Г-н Таштан работал пастухом с детства, а когда его жена умерла во время родов, он прекратил работать, чтобы заботиться об их сыне. В результате, жители деревни, недовольные, что он перестал работать на них, объявили его дезертиром. Кроме того, утверждалось, что он неграмотен и может говорить лишь на курдском языке. Заявителя призвали на военную службу, и жандармы отвезли его на призывной пункт. Медицинская комиссия признала его годным для прохождения военной службы, и он был направлен на месячные курсы военной подготовки для новобранцев. Заявителя заставляли принимать участие в тех же самых занятиях и физических упражнениях, что и двадцатилетних новобранцев. Г-н Таштан утверждает, что во время обучения он подвергался обращению, унижающему

его человеческое достоинство, например, старшие по званию предлагали ему сигареты в обмен на позирование вместе с ними перед фотокамерой, кроме того, он являлся жертвой различного рода шуток. Поскольку у него отсутствовали все зубы, он испытывал трудности во время приема пищи в армейских казармах; кроме того, у него постоянно были проблемы с легкими и сердцем. По окончании обучения, заявителя перевели в пехотную бригаду, где состояние его здоровья лишь ухудшилось. Он был госпитализирован, и, в конечном счете, получил свидетельство, освобождающее его от военной службы по причине сердечной недостаточности и преклонного возраста. Суд обратил внимание, что правительство Турции не предприняло каких-либо специальных мер для смягчения свойственных военной службе трудностей в связи с особым случаем заявителя, или применения альтернативной службы в подобном случае. Оно также не разъяснило, имелся ли какой-либо государственный интерес в принуждении к службе в армии человека такого преклонного возраста. Суд установил, что призыв заявителя на военную службу и принуждение принимать участие в обучении, предназначенном для новобранцев значительно моложе его, явилось наиболее тяжелым испытанием, унижающим его достоинство. Данный факт причинял ему страдания сверх того, что испытывал бы любой другой человек обязанный служить в армии, что, само по себе, является обращением, унижающим достоинство человека в соответствии с нормами Статьи 3.

2.4.3 Дискриминация

Дискриминация, основанная на расовой и половой принадлежности, может быть равнозначна обращению, унижающему человеческое достоинство. Комиссия впервые признала это в деле **East African Asians v United Kingdom (1973 г.)**. В данном деле Комиссия установила, что иммиграционное законодательство, лишавшее уроженцев Азии, являющихся гражданами Соединенного Королевства и Колоний и проживающих в Восточной Африке, права въезда на территорию Соединенного Королевства, ущемляло их права на основе расовой принадлежности. Соответствующий закон был принят в то время, когда политика «африканизации» в Восточной Африке лишала уроженцев Азии средств к существованию. Комиссия заявила, что дискриминации по расовому признаку следует уделять особое внимание, а открытое разделение людей на группы по расовому признаку и предвзятое отношение к отдельной группе людей в определенных обстоятельствах может считаться «особой формой публичного унижения человеческого достоинства» и, следовательно, является унижающим достоинство обращением, что противоречит Статье 3. Далее Комиссия заявила, что предвзятое отношение к группе людей по расовому признаку может, поэтому, являться обращением, унижающим достоинство человека, тогда как предвзятое отношение, вызванное какими-либо другими причинами, не поставило бы подобного вопроса. Комиссия, в связи с особыми обстоятельствами дела, установила факт нарушения норм Статьи 3.

В деле **Abdulaziz**, приведенном ниже, Суд придерживается мнения, что Государства не должны проводить иммиграционную политику откровенно расистского характера; однако, режим предпочтений в отношении своих граждан или граждан тех стран, с которыми данное государство имеет близкие отношения, не является расовой дискриминацией. Тем не менее, Суд продолжит рассмотрение назначения подобных законов, чтобы прояснить, следует ли их считать унижающими достоинство. Намерение унижить или оскорбить представителей отдельной расовой группы будет являться свидетельством расизма, и, вполне возможно, будет являться нарушением положений Статьи 3.

- В деле **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v United Kingdom (1985 г.)** заявители, на законном основании живущие в Соединенном Королевстве, не имели возможности, в силу действия иммиграционных законов, воссоединиться со своими мужьями, подданными иностранного государства, на территории Соединенного Королевства. Суд установил, что назначение указанных законов явилось решающим фактором при принятии решения об их соответствии нормам Статьи 3. Он пришел к заключению, что различия в отношении, на которые поступила жалоба, не указывают на какие-либо признаки презрения или отсутствия уважения к личности

заявителей, не имеют и не имели своей целью унизить их или оскорбить. Закон был предназначен исключительно для защиты внутреннего рынка рабочей силы и для создания благоприятных межнациональных отношений.

При рассмотрении дел, которые не включают в себя щекотливые вопросы иммиграционной политики, Суд признает, что дискриминация может являться нарушением норм Статьи 3.

- В деле **Cyprus v Turkey (2001 г.)** Суд установил, что в отношении греков-киприотов, проживающих в северной (турецкой) части Кипра, использовались жесткие ограничения, которые не давали им пользоваться основными свободами и имели своей целью, с течением времени, прекращение существования данной общины. Власти запретили грекам-киприотам завещать недвижимое имущество родственнику (даже ближайшему), если последний не проживал в северной части. На севере не существовало средних образовательных школ и дети греков-киприотов, которые предпочли учиться в средних школах южной части, были лишены права проживать в северной части по достижении ими возраста 16 лет (юноши) и 18 лет (девушки). Греки-киприоты были вынуждены проживать в условиях изоляции, ограничения свободы передвижения, контроля, не имея перспектив для обновления и развития своей общины. Суд вынес решение, что в основе отношения к ним лежали черты, которые отличали их от турецкой части населения Кипра, а именно, их этническая, расовая и религиозная принадлежность. Следовательно, те условия жизни, на которые обрекли данную группу населения, являлись унижительными и не соответствующими Статье 3.
- В деле **Moldovan and Others v Romania (2005 г.)** 24 заявителя были гражданами Румынии цыганской национальности, проживавшими в одной деревне. В сентябре 1993 года разгорелась ссора между тремя мужчинами цыганской национальности и еще одним жителем деревни, что привело к смерти сына последнего, который попытался вмешаться в ссору. Трое мужчин укрылись в близлежащем доме. Снаружи дома собралась большая толпа разгневанных людей, включая и начальника местной полиции с несколькими полицейскими. Дом подожгли, а двух мужчин, которым удалось выбраться из дома, догнали и забили до смерти. Третьему же мужчине не позволили покинуть дом, и он погиб в огне. Заявители утверждают, что полицейские подстрекали толпу уничтожить имущество и других жителей цыганской национальности в деревне. К началу следующего дня, тринадцать домов жителей цыганской национальности были полностью уничтожены, а еще несколько были серьезно повреждены. Большая часть личного имущества заявителей была также уничтожена. Вскоре после нападения на собственность цыган правительство Румынии выделило средства для восстановления поврежденных или разрушенных домов, однако этих средств хватило лишь на постройку четырех домов. В ноябре 1994 года правительство выделило дополнительные средства, и еще четыре дома были отстроены заново. Заявители представили фотографии, подтверждающие плохое качество постройки этих домов. Региональный суд присудил возмещение убытков за те дома, которые не были заново отстроены, а также, денежные пособия для детей покойных. Иски заявителей об утрате личного имущества были отклонены как беспочвенные. Их иски по возмещению морального ущерба были также отклонены. Суд вынес решение, что высказывания некоторых представителей власти, вовлеченных в это дело, о честности заявителей и образе их жизни, являются несомненно дискриминационными. Поскольку дискриминация по расовому признаку может сама по себе признаваться обращением, унижающим достоинство человека, по определению Статьи 3, подобные высказывания следует считать усугубляющими факторами при рассмотрении жалобы заявителей в соответствии с этим положением. Условия жизни заявителей и расовая дискриминация, которой они открыто подвергались со стороны различных представителей власти, рассматривавших их жалобы подобным образом, являются посягательством на их человеческое достоинство, что, в виду особых обстоятельств дела, расценивается как обращение, унижающее достоинство человека в соответствии с нормами Статьи 3.

Суд признает также, что дискриминация на какой-либо другой почве, возможно, также будет являться нарушением норм Статьи 3.

- В деле **Smith and Grady v United Kingdom (1999 г.)**, в котором заявители были уволены из вооруженных сил по причине их гомосексуальности, Суд вынес решение (параграф 121), что он:

...не исключает, что обращение, в основе которого лежит предубеждение со стороны гетеросексуального большинства против гомосексуального меньшинства, как это описано выше, в принципе, могло бы подпадать под юрисдикцию Статьи 3.

Можно, конечно, утверждать, что любая форма дискриминации, запрещенная в соответствии со Статьей 14 Конвенции о правах человека, явной целью которой является устранение подобной группы людей от пользования благами, предоставленными остальным членам общества, может быть принята Судом как «публичное оскорбление человеческого достоинства», исходя из комментариев Суда к делу **Smith and Grady**.

Комиссия постановила, что любое действие, которое понижает человека в звании, положении, наносит ущерб его доброму имени или репутации, может быть оскорбительным и, следовательно, противоречащим Статье 3, при условии, что данное действие достигает определенного уровня жестокости. Любое действие, которое значительно унижает потерпевшего перед лицом других людей, или заставляет его действовать против своей воли или совести, как, например, в деле **East African Asians v United Kingdom (1973 г.)**, может быть унижительным.

Суд дал понять в деле **Abdulaziz, Cabales and Balkandali v United Kingdom (1985 г.)**, что в тех случаях, когда может быть доказано, что дискриминационные действия означают презрение и отсутствие уважения к личности тех, против кого эти действия совершаются, и что эти действия имеют целью оскорбить и унижить, и на самом деле унижают или оскорбляют, то в таком случае, они будут являться обращением, унижающим достоинство человека, что противоречит Статье 3. Однако, могут возникнуть трудности с представлением доказательств подобных фактов.

- Несколько позднее Суд отметил, что, возможно, не будет возникать необходимости приводить доказательства того, что целью какого-либо особого обращения было унижение данного потерпевшего. В деле **Labita v Italy (2000 г.)** заявителя заключили под стражу по подозрению в преступлениях, связанных с мафией. Он пожаловался, что его подвергали различным формам жестокого обращения. Рассмотрев вероятность унижительного обращения в отношении заявителя, Суд принял следующее решение (см. параграф 120): «вопрос о том, было ли целью подобного обращения унижить или оскорбить потерпевшего, будет являться дополнительным фактором, принимаемым в расчет, однако, отсутствие подобной цели не может с полной уверенностью исключить факт нарушения Статьи 3». В деле **Kurt v Turkey (1998 г.)** заявительница приходится матерью потерпевшему, который исчез при обстоятельствах, возлагающих ответственность на государство. Суд вынес решение, что заявительница сама является жертвой бесчеловечного и унижающего достоинства обращения, в виду того, что ей пришлось выдержать многие годы бездействия со стороны представителей государственной власти, когда она ничего не знала о судьбе своего сына.

2.4.4 Смертная казнь: Взаимосвязь со Статьей 2.

Некоторое время назад Суд рассмотрел вопрос, соответствует ли использование смертной казни, разрешенной по Статье 2, нормам Статьи 3. Статья 2, в соответствующей ее части, указывает следующее:

2. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

Именно поэтому до недавнего времени оспаривание смертной казни как таковой представлялось затруднительным. Единственно возможными факторами, позволяющими оспорить смертную казнь, являются условия, в которых, вероятно, человек содержался в камере смертников в ожидании казни, или если смертный приговор не соответствовал совершенному преступлению, или когда личные обстоятельства осужденного являлись основным предметом спора, как, например, в деле *Soering*. Однако в настоящее время, суд, руководствуясь процессуальными нормами всех стран-участниц Конвенции, которые со времени ратификации конвенции претерпели изменения, согласился с тем, что, не смотря на статью 2, смертная казнь, в принципе, может считаться нарушением статьи 3.

- В деле **G.B. v Bulgaria (2004 г.)** заявитель утверждает, что его содержание под стражей во время действия моратория на смертную казнь является равнозначным пытке, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в соответствии со Статьей 3, принимая во внимание его страх возможного возобновления исполнения смертных приговоров, длительность пребывания в неопределенности, а также материальные условия и режим содержания под стражей. Данная ситуация усугублялась полным отсутствием средств судебной защиты, способных ее исправить. Он особо отметил, что стал жертвой так называемого «феномена камеры смертника», описанного в деле *Soering*. Суд отметил значимость современного отношения стран-участниц Конвенции к смертной казни для того, чтобы оценить, превышен ли был в данном случае приемлемый предел страданий и унижений. Он признал, что этот страх и неопределенность в отношении будущего, вызванные наличием смертного приговора, в обстоятельствах, когда существует реальная возможность его исполнения, должны вызывать значительные страдания. Однако Суд посчитал, что в свете доступной информации об отмене смертной казни в Болгарии и гарантиях, существующих в течение соответствующего периода времени, положение заявителя не может быть сопоставимым с положением лиц, ожидающих казни в странах, практикующих смертную казнь. Несмотря на то, что Суд не согласился с тем, что факт содержания под стражей во время действия моратория на смертную казнь сам по себе является нарушением Статьи 3, он посчитал, что условия содержания под стражей, учитывая положение заявителя, превысили необходимый уровень суровости, предусмотренный Статьей 3. См. также дело **Iorgov v Bulgaria (2004 г.)**.
- В деле **Ocalan v Turkey (2005 г.)** заявитель был приговорен к смертной казни после признания его виновным в преступлениях, связанных с терроризмом. Он заявил, что назначение смертной казни является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением в соответствии со Статьей 3, а также попирает право на жизнь в соответствии со Статьей 2. Большая палата Суда не смогла сделать заключение, что смертная казнь как таковая является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, нарушающим Статью 3, однако, она прояснила, что назначение смертной казни в результате несправедливого суда будет, несомненно, нарушать Статью 3, в особенности, если человек неправомерно подвергался страху исполнения смертного приговора. Суд посчитал, что этот страх и неопределенность в отношении будущего, вызванные наличием смертного приговора, в обстоятельствах, когда существует реальная возможность его исполнения, должны вызывать значительные страдания. Подобные страдания не могут быть отделены от несправедливости процессуальных действий, лежащих в основе приговора, который, учитывая, что человеческая жизнь находится под угрозой, становится незаконным в соответствии с Конвенцией. В данном случае, учитывая сомнения по поводу независимости и беспристрастности суда первой инстанции, Суд полагает, что вынесение смертного приговора будет являться бесчеловечным обращением в нарушение Статьи 3, помимо нарушения Статьи 2 (право на жизнь). См. также дело **Ilaşcu**, рассмотренное выше.

В деле **Bader and Others v Sweden (2005 г.)**, где заявитель был заочно приговорен к смерти в Сирии, Суд посчитал, что г-н Бадер имел оправданный и вполне обоснованный страх того, что в случае вынужденного возвращения им на родину, смертный приговор в его отношении будет приведен в исполнение. Более того, поскольку казни там исполняются без какого-либо контроля или ответственности со стороны общественности, обстоятельства, касающиеся его казни неизбежно вызовут значительный страх и страдания со стороны г-на Бадера, поскольку он сам и другие заявители столкнутся с невыносимой неопределенностью, в отношении того, когда, где и как произойдет казнь. Кроме того, в связи с упрощенным порядком вынесения приговора судом и абсолютным несоблюдением права на защиту, Суд вынужден считать данное судебное разбирательство явным отрицанием справедливого суда. Естественно, данные факты дополнительно вызвали значительную степень неопределенности и страданий со стороны заявителей в отношении результата повторного слушания дела в Сирии. Суд посчитал, что смертный приговор, вынесенный г-ну Бадеру в результате несправедливого суда, неизбежно вызвал бы у заявителей дополнительный страх и страдания в отношении их будущего, если бы их заставили вернуться в Сирию, поскольку в данной стране существует реальная возможность приведения приговора в исполнение. Суд вынес решение, что существуют веские основания считать, что при депортации его на родину, г-н Бадер может подвергнуться риску быть казненным, а также отношению, нарушающему положения Статьи 2 и Статьи 3.

3 БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ И КРИТЕРИЙ ДОКАЗАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 3

3.1 Бремя доказывания

В отношении доказательства обращения, противоречащего Статье 3, Суд обычно полагается на правило, что заявления о жестоком обращении должны подкрепляться соответствующими доказательствами. Другими словами, заявитель несет ответственность за предоставление доказательств обращения или наказания, не соответствующих Статье 3. Доказательства могут быть в форме медицинских заключений о телесных повреждениях, а также свидетельских показаний, фотографий и т.п. Данные доказательства должны обеспечить конкретные неоспоримые аргументы для того, чтобы позволить Суду оценить, существовали ли на самом деле телесные повреждения и были ли они достаточно серьезными, чтобы превысить допустимый уровень суровости в соответствии со Статьей 3.

Однако, Суд признал, что процессуальные процедуры Конвенции «не во всех случаях согласуются с жестким следованием принципу *affirmanti incumbit probatio* (тот, кто что-то утверждает, должен доказать это утверждение), поскольку в некоторых случаях лишь правительство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти обвинения. См. дело **Khudoyorov v Russia (2005 г.)** в параграфе 112-113. В случае, когда правительство не способно предоставить подобную информацию без удовлетворительного объяснения, Суд может сделать выводы об обоснованности обвинений заявителя. Действительно, Суд во многих случаях подчеркнул, что доказательства, достаточные для достижения критерия доказанности «без всяких обоснованных сомнений» (см. ниже) могут «следовать из сочетания достаточно твердых, четких и совпадающих выводов или подобных же неоспоримых допущений факта». См. например, дело **Salman v Turkey**, смотри ниже в пар. 100, и **Mathew v Netherlands (2005 г.)** в пар. 154.

- Так, в деле **Salman v Turkey (2000 г.)** Суд заявил, что «В том случае, когда происшествия, разбираемые судом, полностью или частично находятся в исключительном ведении органов власти, как, например, в случае лиц, находящихся под их надзором в тюремном заключении, может возникнуть твердая презумпция в отношении фактов нанесения телесных повреждений, полученных во время подобного заключения. Действительно, бремя доказывания может

рассматриваться, как возложение на власти обязанности представить удовлетворительное и убедительное объяснение».

Суд готов делать соответствующие выводы из неспособности государства представить доказательства, в тех случаях, когда заявитель содержится властями в тюремном заключении. Он четко разъяснил, что в случае представления доказательств, наводящих на мысль о жестоком обращении с потерпевшим во время его тюремного заключения органами государственной власти, бремя доказывания может быть перенесено на государство, для предоставления доказательств его непричастности. Другими словами, в случаях с тюремным заключением, именно государство обязано предоставить правдоподобное объяснение причины появления телесных повреждений. Это представляется важным, поскольку в подобных случаях доказательства рассматриваемых происшествий полностью или частично находятся в исключительном ведении органов власти.

- В деле **Berktaş v Turkey (2001 г.)** заявитель был арестован полицией и доставлен к себе домой, в квартиру, находящуюся на четвертом этаже, для проведения обыска. В обыске принимали участие восемь полицейских. Заявитель утверждает, что когда он открыл дверь балкона, его сбросили на землю. При проведении медицинского освидетельствования оказалось, что он находился в состоянии опасном для жизни. Суд установил, что объяснения свидетелей-полицейских о причине телесных повреждений заявителя были противоречивыми. Суд вынес решение, в соответствии с его предыдущей практикой, касающейся лиц, находящихся под стражей, что именно государство обязано предоставлять доказательства, подвергающие сомнению версию событий, изложенную потерпевшим.
- В деле **Ribitsch v Austria (1995 г.)** заявитель утверждает, что он подвергался жестокому обращению при содержании под стражей в полиции. Правительство не оспаривало факт получения телесных повреждений заявителем во время содержания под стражей в полиции, но указало, что во время внутренних судебных разбирательств не удалось установить факт преступного поведения полицейских. Суд отметил противоречия в показаниях одного офицера полиции и заявлении другого - водителя автомобиля, о том, что он не видел, как упал заявитель. Правительство не представило убедительных доказательств того, что телесные повреждения были причинены падением заявителя на дверь машины. Суд вынес решение, что любое использование физической силы по отношению к лицу лишённому свободы, не вызванное крайней необходимостью в связи с его собственным поведением, умаляет человеческое достоинство и, в принципе, является нарушением Статьи 3. Телесные повреждения в рассматриваемом случае выявили факт жестокого обращения, что является признаком как бесчеловечного, так и унижающего достоинство обращения.
- В деле **Tomasi v France (1992 г.)** заявитель утверждает, что он подвергался пыткам во время тюремного заключения. Во время первого появления перед судьей, ведущим следствие, через два дня после ареста, он указал на синяки на своем теле. По окончании содержания под стражей в полиции заявитель был осмотрен четырьмя врачами, которые сделали заключение, что время появления телесных повреждений соответствует периоду, проведенному им под стражей на территории полицейского участка. Никто не заявил о том, что следы, обнаруженные на теле заявителя могли относиться к периоду, предшествовавшему его содержанию под стражей или что они могли быть нанесены заявителем самому себе или появиться в результате попытки побега. Суд вынес решение, что представленные доказательства являются достаточными для признания того, что заявитель подвергался жестокому обращению со стороны полиции.
- В деле **Aydin v Turkey (1997 г.)** потерпевшая утверждает, что ее изнасиловали и избili во время содержания под стражей в полиции. Суд согласился с данными, полученными Комиссией, о наличии достаточных доказательств, подкрепляющих факт применения пыток к заявителю. Власти отрицали факт содержания ее под стражей в данный день. Они также заявили, что

полицейский участок, указанный в деле, никогда не использовался для допросов подозреваемых в терроризме. Комиссия выразила сомнения в отношении достоверности журнала регистрации задержанных за соответствующий год, поскольку в нем было лишь 7 записей – на 90% меньше по сравнению с предыдущим годом – на что полиция не смогла дать четких разъяснений. Медицинское заключение, составленное через девять дней после задержания заявительницы, указывает, что была ее девственная плева была разорвана более чем за неделю до обследования, а внутренняя часть бедер покрыта обширными кровоподтеками. Через месяц заявительница была осмотрена еще одним врачом, который подтвердил, что девственная плева была разорвана, однако, датировать время разрыва не представляется возможным уже через 7-10 дней. При описании планировки здания, офицеры полиции не упомянули о существовании цокольного этажа или подвала, однако, на видеосъемке здания и плане примыкающей к нему территории четко видно, что в здании имеется цокольный этаж, используемый в качестве охраняемой зоны, в составе двух помещений для задержанных и одного служебного помещения. На основе данных свидетельств, а также устных показаний заявительницы и ее поведения при даче показаний, Комиссия вынесла решение, что заявительница была подвергнута изнасилованию, а также другим действиям, противоречащим Статье 3.

- В деле **Sunal v Turkey (2005 г.)** заявитель жалуется, что во время содержания под стражей в полиции он подвергнулся обращению, противоречащему Статье 3. Суд вновь напомнил, что в случае, когда лицо получило телесные повреждения во время содержания под стражей в полиции, т.е. когда он или она были полностью во власти офицеров полиции, правительство обязано предоставить правдоподобное объяснение, касающиеся причины появления этих телесных повреждений. Однако в данном случае разъяснения правительства не являлись правдоподобными – они были противоречивыми и не объяснили в полной мере все полученные телесные повреждения. В этих обстоятельствах, Суд вынес решение, что правительство не установило должным образом, являются ли телесные повреждения, полученные г-ном Суналом, следствием каких-либо других причин, а не обращения с ним во время содержания под стражей в полиции. Телесные повреждения, полученные заявителем, указывают на противоправное обращение, что являлось как бесчеловечным, так и унижающим достоинство согласно Статье 3.

Другие похожие случаи включают дело **Afanasyev v Ukraine (2005 г.)**, **Abdulsamet Yaman v Turkey (2004 г.)** и **Fedotov v Russia (2005 г.)**.

Бремя доказывания также ложится на государство в отношении лиц, получивших телесные повреждения при аресте. В случае, если лицо получило телесные повреждения в подобных обстоятельствах, бремя доказывания ложится на государство, которому необходимо доказать, что использованная при аресте сила не была чрезмерной.

- В деле **Rehbock v Slovenia (2002 г.)**, тринадцать офицеров полиции принимали участие в заранее запланированном аресте трех подозреваемых, включая заявителя, которые подозревались в торговле наркотиками. Во время ареста заявитель получил двойной перелом челюсти и травмы лица. Свидетельств того, что заявитель использовал или угрожал использовать силу против полиции во время ареста, не имелось. Было проведено расследование, однако, ни заявитель, ни другие лица, арестованные вместе с ним, или другие свидетели кроме представителей полиции, опрошены не были. Правительство-ответчик заявило, что полиция использовала лишь необходимую для проведения ареста силу. В виду серьезности полученных телесных повреждений, а также того, что обстоятельства конфликта не рассматривались ни одним из внутригосударственных судов, Суд вынес решение (параграф 72), что бремя доказывания лежит на государстве-ответчике, которое должно продемонстрировать убедительные доводы того, что использование силы не являлось чрезмерным.

Тем не менее, действия потерпевшего могут быть также приняты во внимание, при оценке степени бремени, лежащем на государстве, для доказательства того, что использованная сила не была чрезмерной.

- В деле **Berlinski v Poland (2002 г.)** заявители, являвшиеся культуристами, утверждали, что они были избиты полицией после своего задержания в спортивном клубе. Обстоятельства дела были сомнительными, тем не менее, Суд согласился с тем, что полученные заявителями телесные повреждения были нанесены во время их ареста. Суд отметил, что заявители были арестованы во время операции, обусловленной неожиданным развитием событий, которые потребовали вызова полиции. Несмотря на то, что шесть офицеров полиции превосходили по численности двух заявителей, следует учитывать, что заявители, профессионально занимавшиеся культуризмом, воспротивились легитимным действиям офицеров полиции, отказавшись подчиниться устному требованию покинуть спортивный клуб, а также оказали сопротивление при попытке их задержать, ударив ногами двух офицеров. Хуже того, заявители подчинились аресту лишь при угрозе использовать против них оружие и, впоследствии, были признаны виновными в оказании сопротивления стражам порядка. Суд поддержал решение внутригосударственного суда, что заявители не осмыслили критически свое собственное поведение, столкнувшись с безусловной обязанностью подчиниться законным требованиям представителей правоохранительных органов – обязанностью, являющейся частью общепринятого общественного долга в демократическом обществе. Данные обстоятельства свидетельствовали явно против заявителей. Суд постановил (см. параграф 62), что в тех случаях, когда может быть доказано, что предполагаемые потерпевшие прибегали к использованию силы при оказании сопротивления при аресте, «бремя, возлагаемое на государство для доказательства того, что использование силы не было чрезмерным, в данном случае является менее строгим».

3.2 Критерий доказанности

В деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)**, Суд отметил, что при рассмотрении жалоб, подпадающих под юрисдикцию Статьи 3, он, в основном, использовал такой критерий доказанности, как «отсутствие обоснованного сомнения».

Однако, данный критерий не эквивалентен нормам уголовного права внутригосударственной судебной системы. В деле **Mathew v Netherlands (2005 г.)** Суд отметил, что при рассмотрении доказательств он применял «отсутствие обоснованного сомнения» в качестве критерия доказанности. Однако, он никогда не ставил своей целью позаимствовать тот подход к данному критерию, который используют внутригосударственные судебные системы – данный критерий, при использовании его Судом, имеет самостоятельное значение. Роль Суда, что следует помнить, заключается не в установлении виновности в совершении преступления или гражданско-правовой ответственности, а в установлении ответственности государств-участниц в рамках Конвенции.

Несмотря на то, что слова «отсутствие обоснованного сомнения» предполагают представление большого количества доказательств заявителем, из прецедентного права Суда очевидно, что он будет тщательно исследовать заявления о нарушениях Статьи 3. Однако, в случаях, когда доказательства находятся в руках государства, Суд может потребовать от него объяснить, например, телесные повреждения или признать его ответственным за неспособность расследовать спорные заявления о нарушениях Статьи 3, а не за наличие нарушений как таковых.

В делах, рассматриваемых ниже, представлены некоторые примеры доказательств, которые не будут являться достаточными для подтверждения жалобы о нарушении Статьи 3.

- В деле **Labita v Italy (2000 г.)** заявитель пожаловался, что он подвергался обращению, противоречащему Статье 3, однако, его утверждения не были подкреплены результатами медицинского

освидетельствования. Доказательства того, что ему было отказано в праве воспользоваться услугами врача, также отсутствуют. Фактически, он несколько раз был на приеме у тюремного врача. Ему было дано право воспользоваться услугами адвокатов, и он несколько раз подавал ходатайство об освобождении. Первая жалоба заявителя о ненадлежащем обращении поступила примерно через шесть месяцев после заключения под стражу. Суд посчитал сообщения о жестоком обращении в тюрьме слишком неконкретными, чтобы служить доказательствами в данном деле. Таким образом, Суд не выявил факта нарушения Статьи 3.

- В деле **Indelicato v Italy (2001 г.)** заявитель пожаловался, что в тюрьме его били ногами и руками, а также оскорбляли и обливали холодной водой среди ночи. Однако, он не смог представить какого-либо медицинского свидетельства, подтверждающего его жалобу. Другие доказательства, представленные заявителем, не являлись достаточными для подтверждения указанной жалобы без всякого обоснованного сомнения. Представленные доказательства включали доклад организации «Международная амнистия» (Amnesty International) и доклад одного итальянского судьи, которые утверждали, что заключенные, содержащиеся в той же тюрьме что и заявитель, подвергались жестокому обращению. Суд постановил, что данные доклады не могут являться доказательствами по рассматриваемому делу, поскольку они не касались конкретного случая заявителя. Таким образом, Суд не выявил факта нарушения Статьи 3.
- В деле **Tanli v Turkey (2001 г.)** потерпевший умер находясь в заключении. Заявитель, отец потерпевшего, утверждал, что перед смертью его сын подвергся пыткам. Результаты вскрытия трупа, проведенного после эксгумации тела, оказались неубедительными. Некоторые свидетели заявили, что видели синяки на теле потерпевшего, однако, никаких медицинских свидетельств того, что они являлись следствием травматических повреждений, а не изменений, произошедших в теле после смерти, не было. Суд постановил, что никаких доказательств, за исключением необъяснимой причины смерти, подтверждающих факт применения пыток не обнаружено.
- В деле **Khashiyev and Akayeva v Russia (2005 г.)**, оба заявителя являлись жителями города Грозный (столица Чеченской Республики) вплоть до начала военных действий в конце 1999 года. С началом военных действий, заявители приняли решение покинуть свои дома и переехать в республику Ингушетия. В обоих случаях заботу о своих домах они возложили на родственников (первый заявитель на брата и сестру, а также двух взрослых сыновей последней, второй заявитель на брата), которые оставались в городе. В конце января 2000 года, заявители узнали о смерти своих родственников. Они вернулись в Грозный и обнаружили тела лежащими во дворе одного из домов, а также в гараже, находившемся неподалеку. На телах были множественные огнестрельные и колотые раны. Кроме того, тела были покрыты синяками, и, в некоторых случаях, имели сломанные кости и увечья. Заявители отвезли тела в Ингушетию для захоронения. Во время следующего посещения Грозного, второй заявитель побывала на месте совершения убийств и обнаружила использованные пулеветные гильзы и головной убор своего брата. В близлежащем доме она обнаружила пять тел, все с огнестрельными ранами. Узнав, что шестая жертва выжила, второму заявителю удалось найти ее в Ингушетии и выяснить, что потерпевшие были расстреляны российскими солдатами. Уголовное расследование, начавшееся в мае 2000 года, несколько раз прекращалось и начиналось заново, однако ответственные за это преступление так и не были установлены. В 2003 году гражданский суд Ингушетии потребовал от Министерства Обороны выплатить денежное возмещение г-ну Хашиеву в связи с убийством его родственников неизвестными военнослужащими. Однако, в отношении последующей после этого жалобы, составленной в соответствии с Конвенцией, Суд постановил, что он не смог выявить без обоснованного сомнения того, что родственники заявителей подвергались обращению, противоречащему Статье 3.

3.2.1 Международные критерии и доклады по делам о содержании под стражей

Прецедентное право Суда показывает, что при рассмотрении предполагаемых условий содержания под стражей Суд все больше и больше полагается на критерии, разработанные Европейским Комитетом по Предупреждению Пыток и Бесчеловечного или Унижающего Достоинства Обращения и Наказания (в дальнейшем именуемый Комитет), который работает в соответствии с Европейской конвенцией по предупреждению пыток. В некоторых случаях Суд также обращался к критериям, разработанным ООН в Минимальных Стандартных Правилах Обращения с Заключенными.

Что касается Комитета, его сводные отчеты, содержащие «критерии Комитета» и рекомендации, а также доклады по инспекционным поездкам в различные страны, подтвердили свою важность и уместность при рассмотрении дел Судом. Несмотря на то, что рекомендации и факты, установленные Комитетом, не являются обязательными для Суда, доклады используются при обсуждении конкретных условий тюрьмы, где содержался заявитель, и которые не соответствовали общепринятым критериям. Кроме того, в тех случаях, когда Комитет выявляет особые факты в отношении условий содержания в какой-либо конкретной тюрьме, они могут послужить фактическим доказательством утверждений заявителя.

- В делах **Van der Ven v Netherlands (2003 г.)** и **Lorsé and Others v Netherlands (2003 г.)** заявители продолжительное время содержались под стражей в учреждении особого режима. Комитет посчитал, что режим этого учреждения являлся равнозначным «бесчеловечному обращению», характеризующемуся чрезмерной жестокостью, результатом чего стали ненадлежащие условия для личной жизни и контакта с людьми, что привело к ухудшению психологического и физического состояния заключенных. Суд принял к сведению отчет о психологическом состоянии, представленный заявителями, а также доклад Комитета, составленный после посещения рассматриваемого тюремного заведения в ноябре 1997 года, который сделал вывод, что «режим, используемый в [учреждении] может считаться равнозначным бесчеловечному обращению. Содержание в таком режиме заключенных, которых сочли опасными, может сделать их еще опаснее». Соответственно, Суд сделал заключение, что сочетание регулярного досмотра с полным раздеванием и других строгих мер безопасности в данном учреждении является бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, что противоречит Статье 3.
- В деле **Senbauer v Croatia (2006 г.)** заявитель жаловался на плохие условия жизни в крыле Б. В частности, он жаловался, что его камера была небольшого размера и не имела ни санитарно-гигиенических средств, ни водопровода. Стены были влажными и покрытыми плесенью, а отопление отсутствовало. Он также заявлял, что она была грязной, а простыни не менялись в течение длительных промежутков времени. Суд сделал заключение, полагаясь на доводы сторон и сведения, полученные Комитетом и делегацией Суда. Суд отметил бесспорность того, что с 3 января 2001 года по 8 апреля 2003 года заявитель, и еще один заключенный, содержались в камере размером 5,6 м², т.е. в его распоряжении было пространство менее 4 м², что является минимальным требованием для одного заключенного в многоместной камере в соответствии как с внутригосударственными стандартами, так и стандартами Комитета.

3.2.2 Доклады международных и неправительственных организаций в делах о высылке / экстрадиции

В делах о высылке / экстрадиции Суд уделял особое внимание отчетам и докладам международных и неправительственных организаций. Несмотря на то, что сами доклады не представляют доказательств возможности нарушения Статьи 3 в каком-либо отдельном деле, Суд учитывал их при оценке достоверности и вероятности жалоб, предъявленных заявителем.

- В деле **Hilal v United Kingdom (2001 г.)** заявитель, гражданин Танзании родом с одного из островов Занзибара, попросил убежища в Соединенном Королевстве. Его просьба была отклонена на основании того, что его жалоба была недостаточно достоверна, а ответы во время собеседования по предоставлению убежища были противоречивыми. Заявитель утверждал, что до того, как покинуть Занзибар, он являлся активным членом оппозиционной партии. Он заявил, что в августе 1994 года он удерживался в полицейском участке города Мадема (о. Занзибар) в течение трех месяцев и подвергался пыткам, поскольку имел отношение к оппозиционной партии. Его неоднократно, несколько дней подряд, запирали в камере, наполненной холодной водой, подвешивали вниз головой за связанные ноги и держали так до тех пор, пока из носа не начинала течь кровь, а также подвергали ударам электрического тока. Он утверждал, что в случае высылки в Танзанию он может быть подвергнут пыткам, бесчеловечному или унижающему обращению, а также, что он не добьется справедливого суда, и у него нет эффективных средств судебной защиты. По предоставленным материалам Суд не обнаружил причин того, что доводы заявителя по поводу обращения с ним не были правдоподобными или недостоверными. Суд также отметил, что доклады по Танзании, полученные среди прочих, от организации «Международная амнистия» и Государственного Департамента США, показали, что члены оппозиционной партии до сих пор подвергаются активному преследованию, отчеты по правам человека в стране остаются неудовлетворительными, полиция совершает внесудебные казни и обращается с подозреваемыми ненадлежащим образом, условия содержания в тюрьмах остаются суровыми и несут угрозу жизни, а произвольное и длительное содержание под стражей остается проблемой. Суд счел, что депортация заявителя в республику Танзания будет являться нарушением Статьи 3.
- В деле **Soldatenko v Ukraine (2008 г.)**, опираясь на доклады Государственного Департамента США и международные доклады по правам человека, Суд согласился с доводами заявителя о том, что сам факт задержания в качестве подозреваемого в совершении уголовного преступления в Туркменистане является достаточным основанием для опасения, что он окажется под угрозой подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 Конвенции.

С другой стороны, в делах **Thampibillai v Netherlands (2004 г.)** и **Venkadajalasarma v Netherlands (2004 г.)** Суд отметил, ссылаясь на различные международные доклады, что за последние несколько лет ситуация с безопасностью в республике Шри-Ланка значительно улучшилась. Последнее время на тамиллов не проводятся облавы и крупномасштабные и/или произвольные аресты. Теперь им не требуется получать предварительное разрешение для проезда на определенные территории, а лица, арестованные по подозрению в членстве или причастности к организации «Тигры освобождения Тамил Элама» более не подвергаются ненадлежащему обращению и пыткам. Тем самым, Суд счел, что обращение заявителей о том, что в случае их высылки из страны они подвергнутся реальному риску применения пыток и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, не имело под собой достаточных оснований.

4 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА

4.1 Негативные обязательства

4.1.1 Под прямым контролем государства

Государства обязаны воздерживаться от применения пыток и других форм жестокого обращения, оговоренных в Статье 3. Государства несут ответственность за действия всех должностных лиц государства, например полиции и сил безопасности. С государства не снимается ответственность за действия, противоречащие Статье 3, даже если оно заявляет, что не знало о таких действиях.

- В деле **Ireland v United Kingdom (1978 г.)** государство-ответчик было признано нарушившим Статью 3 в отношении применения “пяти методов”. Суд посчитал (см. параграф 159), что «трудно предположить, чтобы высшие органы государства не знали или, по меньшей мере, имели право не знать о существовании этих методов. Более того, согласно Конвенции, органы государственной власти обязаны четко руководить своими подчиненными; органы государственной власти обязаны устанавливать свои предписания, и неспособность государства обеспечить выполнение этих предписаний не является отговоркой.»

Государство может избежать ответственности по выполнению положений Статьи 3 в случаях, когда речь идет об индивидуальных актах неправомерного наказания, в отношении которых государство принимает надлежащие действия. Государство должно принимать суровые меры для наказания лиц, ответственных за неправомерные действия, и гарантировать невозможность их повторения.

- В деле **Cyprus v Turkey (1976 г.)** турецкие солдаты окружили мужчин и женщин – греков-киприотов и незаконно удерживали их под стражей. Комиссия обнаружила доказательства того, что солдаты были замешаны в “массовых, неоднократных изнасилованиях” женщин и детей во время их содержания под стражей. Комиссия констатировала следующее:

«Доказательства указывают на то, что насильственные действия осуществлялись турецкими солдатами и, как минимум, в двух случаях – даже турецкими офицерами. И речь идет не об единичных случаях нарушения дисциплины. Отсутствуют доказательства того, что турецкие власти приняли соответствующие меры для предотвращения таких случаев или, что они вообще применили меры дисциплинарного воздействия после таких инцидентов. В связи с этим, Комиссия считает, что согласно Конвенции, Турции следует вменить факт бездействия в предотвращении указанных деяний».

4.1.2 Территориальные споры

Можно выделить два случая, когда негативные обязательства государства ведут к применению Статьи 3, когда фактические пытки или жестокое обращение имеют место вне зоны контроля государства или даже за его территориальными пределами.

Первый случай – это дело **Ilascu and Others v Moldova and Russia (2004 г.)**, которое рассматривал Суд среди прочих дел:

- Заявители были арестованы как сепаратисты и впоследствии содержались под стражей на территории «Приднестровской Молдавской Республики» (ПМР) – региона Молдовы известного под названием Приднестровье, которая объявила о своей независимости в 1991 году. Заявители подали жалобу на нарушение Статьи 3. Они заявили, что молдавские власти несут ответственность за вмененные нарушения, поскольку властями не были приняты соответствующие меры для пресечения таких действий. В предъявленной жалобе на Российскую Федерацию также

возлагается ответственность, поскольку территория Приднестровья де-факто находится под контролем России ввиду того, что там размещены российские войска и военная техника, а также учитывая поддержку, которая оказывается сепаратистам. В отношении Молдовы суд постановил, что молдавское правительство, которое по международному праву является единственным легитимным правительством Республики Молдова, не исполняло своих правомочий на части своей территории, а именно той части, которая находится под фактическим управлением ПМР. Тем не менее, даже при отсутствии фактического управления над регионом Приднестровье, Молдова согласно Статье 1 Конвенции все равно имеет позитивные обязательства по применению мер, которыми она располагает и которые соответствуют международному законодательству для обеспечения прав заявителей, гарантированных Конвенцией. Следовательно, относительно положений Статьи 1, заявители находились под юрисдикцией Республики Молдова и, согласно Конвенции, ответственность Молдовы по вмененным действиям должна быть оценена в свете позитивных обязательств Молдовы. Это относится как к мерам по восстановлению контроля над территорией Приднестровья для реализации своей юрисдикции, так и к мерам, направленным на соблюдение прав заявителей, включая попытки их освобождения. Суд пришел к выводу, что на Молдову можно возложить ответственность, учитывая ее бездействие по исполнению позитивных обязательств в отношении вмененных действий.

В отношении России, Суд постановил, что российские власти содействовали установлению сепаратистского режима в регионе Приднестровье – части территории Республики Молдова, как в военном, так и в политическом аспекте. По мнению суда, все действия российских солдат в отношении заявителей, включая их выдачу сепаратистскому режиму, (в контексте сотрудничества российских властей с незаконным режимом) дают право привлечь к ответственности за последствия действий такого режима. “ПМР” осталась под фактической властью или, по крайней мере, под решающим влиянием России. Поэтому заявители подпадают под “юрисдикцию” России и на нее возлагается ответственность за вмененные действия.

4.1.3 Риск жестокого обращения за пределами государства (‘принцип невыдворения’)

Второй случай возникает при экстрадиции и депортации, когда лицо передается государству, где имеются явные признаки того, что переданное лицо будет подвергнуто обращению, противоречащему нормам Статьи 3. Суд постановил, что Статья 3, рассматриваемая в контексте Статьи 1 Конвенции, ведет к тому, что сам факт экстрадиции лица перемещаемого на территорию другого государства, где это лицо явно или вероятно будет подвергнуто пыткам, бесчеловечному, унижающему достоинство обращению или наказанию, возлагает ответственность на государство, подписавшее Конвенцию.

Конвенция не обеспечивает напрямую права на убежище или защиту от принудительного выдворения (т.е. возвращения). Тем не менее, в силу Статьи 1, государства также должны воздерживаться от активного перемещения лиц, находящихся под их юрисдикцией, в другое государство, где риск, которому они могут там подвергаться, считается противоречащим нормам Статьи 3.

В этой связи, Суд пояснил, что Статья 3 применяется к лицам, которым угрожает экстрадиция (см. дело *Soering*, приводимое ниже) или депортация (*Cruz Varas and Others v Sweden (1991 г.)*) или другая форма высылки в страну, где существуют явные признаки наличия “реального риска того, что они будут подвергнуты пыткам или другим формам жестокого обращения”. Таким образом, отказ в разрешении на въезд, высылку или экстрадицию с территории государства, можно считать нарушениями положений Статьи 3. Уже имеются случаи (в деле *East African Asians v United Kingdom (1973 г.)*), когда отказ в разрешении на въезд по расовым признакам можно считать нарушением Статьи 3.

- В деле **Soering v United Kingdom (1989 г.)** Соединенное Королевство хотело выдать заявителя США, где он должен был предстать перед судом за убийство, по которому был бы вынесен смертный приговор. Заявитель пожаловался на то, что в случае его экстрадиции и признания виновным, ему будет вынесен смертный приговор, и он пострадает от последствий («феномена камеры смертников»). Этот феномен подразумевает, что он будет помещен в камеру с другими смертниками, где многие годы будет в состоянии неопределенности, ожидая результатов многочисленных апелляций и испытывая нервно-психический стресс в ожидании казни. Заявитель подал жалобу о том, что его нахождение в камере смертников будет равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, что противоречит Статье 3. Суд вынес решение, что государство-ответчик должно отказаться от экстрадиции данного лица, если существуют «явные доказательства», подтверждающие, что для заявителя со стороны государства, затребовавшего его, исходит реальный риск быть подвергнутым пыткам, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, не взирая на то, какое жестокое преступление он совершил.

4.1.3.1 Установление риска жестокого обращения

При решении вопроса о том, повлечет ли высылка нарушение Статьи 3, Суд обращает внимание на то, что именно знало или должно было знать высылающее государство в момент предполагаемой экстрадиции или высылки. Кроме того, Суд может учесть информацию, которая станет известной после высылки. Более того, риск должен быть реальным, а не просто угрозой (см. ссылку выше на дело **Cruz Varas**). Принципиальным для заявителя является то, что он должен представить доказательства, подтверждающие, что имеется реальный риск подвергнуться обращению, противоречащему нормам Статьи 3, если будут реализованы вмененные меры. Когда такие признаки имеются, обязанность правительства - развеять любые сомнения на этот счет. Для того чтобы установить наличие риска жестокого обращения, Суд должен изучить предсказуемые последствия высылки заявителя в принимающую страну, учитывая, общую ситуацию в этой стране, а также личные обстоятельства высылаемого (см. ссылку на дело **Saadi v Italy**).

- В деле **Said v Netherlands (2005 г.)** заявитель был уроженцем Эритреи и просил убежища в Нидерландах. Заявитель жаловался, что он, будучи солдатом, участвовал на стороне Эритреи в войне против Эфиопии, но, дезертировав с военной службы, он критиковал армию, и поэтому не может вернуться в Эфиопию, поскольку «для него существует реальный риск быть казненным и/или подвергнуться пыткам или бесчеловечному, унижающему достоинство обращению», что противоречит Статье 3. Государство подвергло сомнению правдоподобность его истории, и Суд был вынужден оценивать общую правдоподобность его утверждений. Суд признал факт дезертирства из армии и отметил, что хотя война закончилась в июне 2000 года, по имеющейся информации можно предположить, что эритрейские власти не проводили немедленной демобилизации войск, а наоборот, хотели сохранить свою армию полностью укомплектованной. Учитывая все обстоятельства, трудно было представить каким еще другим способом кроме дезертирства, заявитель мог покинуть армию. Даже если учесть, что его дезертирство выглядит в некотором роде удивительным фактом, Суд посчитал, что это не умаляет общей правдоподобности утверждения заявителя, что он был дезертиром. Относительно существования риска подвергнуться жестокому обращению в случае возвращения, Суд указал на отчеты различных стран, описывающих бесчеловечное обращение с дезертирами в Эритрее. Заявитель утверждал, что он уже подвергался аресту и незаконному содержанию под стражей, после того, как он выступил на батальонном собрании. По совокупности всех обстоятельств Суд постановил, что имеются основания считать, что при высылке в настоящее время, заявитель будет подвергнут реальному риску жестокого обращения или наказания в нарушение Статьи 3.

- В деле **Bader and Others v Sweden (2005 г.)** сначала заявитель обратился с просьбой о предоставлении убежища, утверждая, что если его депортируют в Сирию, ему грозит смертный приговор, поскольку Региональный суд Сирии заочно признал его виновным в соучастии в убийстве и приговорил к смертной казни. Когда ему было отказано в предоставлении убежища, он заявил в Суде, что его депортация будет нарушением норм Статьи 3. Суд счел, что сирийское правосудие не будет справедливым и если он вернется в Сирию, он будет испытывать страх и страдания, думая о своем будущем, поскольку существует реальная вероятность исполнения приговора. В связи с этим, Суд постановил, что существуют явные доказательства наличия для Бадера реального риска быть казненным, т.е. имеются признаки жестокого обращения, противоречащие Статье 2 и 3.
- В деле **D. and Others v Turkey (2006 г.)** заявители – уроженцы Ирана поженились, несмотря на несогласие отца и брата невесты. Их свадьба проходила по суннитской традиции и, следовательно, была нарушена шиитская свадебная церемония по шариатскому закону. Некоторое время спустя внутригосударственный суд приговорил заявителей к 100 ударам плетью за разврат. Они сбежали из Ирана в Турцию, где им отказали в статусе просителя постоянного убежища и таким образом над ними навис риск депортации. Суд отметил, что в Иране телесные наказания являются обычным наказанием за некоторые категории преступлений, относящиеся к аморальным, например, супружеская измена или развратные действия. Эти наказания прописаны в законе, налагаются судебными органами и исполняются государственными представителями. После рассмотрения условий, при которых в Иране выносятся приговоры с телесным наказанием, Суд посчитал, что сам факт разрешения людям применять в отношении своих сограждан такое физическое насилие, тем более публично, является достаточным для признания вынесенного приговора как “бесчеловечного”.
- В деле **Garabayev v Russia (2007 г.)** заявитель имел гражданство России и Туркменистана и был задержан для экстрадиции по запросу генерального прокурора Туркменистана. Сразу же после ареста заявителя в адрес генерального прокурора России было направлено несколько писем от имени заявителя, его адвокатов и общественных деятелей, выражавших озабоченность по поводу насилия и преследований по политическим мотивам в отношении заявителя, а также с просьбами отказаться от экстрадиции на этих основаниях. Там также описывалась общая ситуация в Туркменистане. В связи с этим, Суд указал, что на момент экстрадиции заявителя в Туркменистан, существовали явные доказательства наличия реального риска жестокого обращения, прописанного в Статье 3. Тем не менее, никаких попыток получить гарантии неприменения жестокого обращения в нарушение Статьи 3 не было предпринято, и медицинские отчеты или посещения независимыми наблюдателями не запрашивались и не проводились. Более того, заявитель был проинформирован о решении по его экстрадиции в день отправки в Туркменистан. Ему не разрешили оспорить это решение или связаться со своим адвокатом. В решении внутригосударственного суда, который признал экстрадицию противозаконной после того, как она произошла, также не учитывались основания, изложенные в Статье 3. В этих обстоятельствах Суд счел, что компетентные органы не дали должной оценки реального риска жестокого обращения. Экстрадиция была выполнена без надлежащей оценки такой угрозы. Суд отметил, что заявитель был не только экстрадирован в Туркменистан, но и возвращен назад в Россию через три месяца. Таким образом, Суд смог рассмотреть обстоятельства, последовавшие за экстрадицией и оценить ситуацию в свете последующих событий. Согласно имеющимся доказательствам, заявитель подвергался жестокому обращению. В связи с этим Суд постановил, что имелось нарушение Статьи 3.

Однако большинство заявлений, подаваемых в Суд, с жалобами на то, что депортация приведет к риску применения пыток, объявляются Судом неприемлемыми или не имеющими признаков нарушения норм. Суд применяет высочайший правовой критерий, по которому недостаточно наличия

просто самой возможности жестокого обращения в стране; однако подчеркивается, что не требуется представлять неоспоримые факты, что нарушение норм произойдет (Soering, параграф 94).

- В деле **Saadi v Italy (2008 г.)** Суд отверг предложение правительства Соединенного Королевства о том, что в случае, если считается, что заявитель представляет угрозу национальной безопасности страны пребывания, требуются более высокие критерии доказанности наличия риска. Суд вновь подтвердил критерий доказанности, использованный в деле **Chahal**, заявляя, что необходимо и достаточно представить явные доказательства того, что для обратившегося лица в принимающей стране существует реальный риск подвергнуться запрещенному жестокому обращению.
- В деле **Vilvarajah v United Kingdom (1991 г.)** заявители были тамилами из Шри-Ланки, которым отказали в предоставлении убежища в Соединенном Королевстве. Когда им сообщили, что их вернут в Шри-Ланку, они заявили, что подвергнуться риску жестокого обращения со стороны сил безопасности из-за противостояния между государственными войсками и силами тамильского освободительного движения. Они были выдворены из страны и трое из них были подвергнуты жестокому обращению. Суд отметил, что в момент их высылки, ситуация с безопасностью в Шри-Ланке существенно улучшилась. В дальнейшем, Верховный комиссар по делам беженцев при ООН контролировал программу добровольной репатриации, по которой многие представители тамильского повстанческого движения смогли вернуться без опасений. Суд постановил, что несмотря на то, что ситуация на тот момент существенно улучшилась, проблема все-таки оставалась нерешенной, и поэтому существовала вероятность того, что заявители могут быть заключены под стражу и подвергнуты жестокому обращению. Однако сама возможность жестокого обращения не была признана достаточной, чтобы говорить о нарушении положений Статьи 3.
- В делах о высылке (приводимых ниже) Суд использует самые высокие критерии доказанности и требует, чтобы случаи дискриминации подтверждались не в общем виде, а конкретно по отношению к данному лицу. В деле **Fashkami v United Kingdom (2004 г.)** Суд признал жалобу неприемлемой, хотя заявитель жаловался на то, что при возвращении в Иран он будет подвергаться смертельному риску или жестокому обращению как гомосексуалист. Суд тем не менее, отметил, что хотя ситуация в Иране не благоприятствует защите прав человека и гомосексуалисты могут подвергаться жестокому обращению, заявитель не привел явных доказательств того, что он подвергнется обращению, нарушающему положения Статьи 2 и 3.
- В делах **Venkadajalarma v Netherlands (2004 г.)** и **Thampibillai v Netherlands (2004 г.)** заявители являлись тамилами, которых хотели депортировать из Нидерландов в Шри-Ланку. Суд постановил, что депортация не будет нарушать положения Статьи 3 при отсутствии достаточных оснований для признания реального, прямого риска для заявителей на родине. В этой связи, хотя Суд и констатировал, что ситуация в Шри-Ланке пока еще не стабильна, но он сослался на обязательства обеих сторон, участвующих в конфликте, развивать мирный процесс, а также “весьма реальный прогресс, который привел к явному снижению напряжения в столь нестабильной ранее обстановке”.
- В деле **Muslim v Turkey (2005 г.)** заявитель – уроженец Ирака туркменского происхождения, утверждал, что его депортация из Турции в Ирак после падения режима Саддама Хусейна приведет к риску жестокого обращения или даже смерти из-за неполноценной деятельности законодательной системы и правительства, в частности, в том регионе, где он родился и который в настоящее время является ареной племенных разборок между арабами, курдами и туркменами. На основе отчетов и докладов неправительственных и международных организаций о ситуации в Ираке Суд выявил, что на севере страны остаются нерешенными вопросы безопасности, куда возможно будет выслан заявитель. Тем не менее, доказательства, представленные Суду

относительно прошлого заявителя и в свете общей ситуации в Ираке, не позволили сделать вывод, что его положение будет хуже, чем у других представителей туркменского меньшинства или даже, возможно, других жителей северных районов Ирака – части страны, которая менее пострадала от насильственных действий, чем другие части страны. Сама по себе возможность жестокого обращения, как результат временной нестабильности в стране, не ведет к нарушению положений Статьи 3.

С другой стороны, доказательства заявителя не настолько однозначны, чтобы подтвердить тот факт, что по возвращении он, несомненно, будет подвержен жестокому обращению или даже хуже.

- В деле **N. v Finland (2005 г.)** заявитель прибыл в Финляндию и тут же подал прошение о предоставлении убежища, указывая, что он покинул Демократическую Республику Конго (ДРК) в мае 1997, когда повстанческие войска Лоран-Дезире Кабилы отстранили от власти президента Мобуту. Он заявил, что в ДРК его жизни грозит опасность, поскольку он принадлежал к президентскому окружению, играл существенную роль в формировании сил специального назначения (Специальная президентская дивизия), располагавшихся на территории президентского комплекса. Тем не менее, ему было отказано, поскольку органы внутренних дел посчитали, что его информация недостоверна. После этого он обратился в Суд с заявлением о том, что в случае его высылки будут нарушены положения Статьи 3. Суд провел собственную проверку фактов, заслушал новые устные показания заявителя и других лиц и признал его показания достоверными и состоятельными. Суд установил, что решающим фактором является то, что заявитель занимался специфической деятельностью в качестве шпиона и информатора в президентских силах специального назначения, подчиняясь непосредственно очень высоким офицерским чинам, близким к бывшему президенту. В связи с этим Суд сравнил это дело с делом **Vilvarajah**, когда доказательства, представленные заявителем, не выявили того, что его положение будет хуже, чем у других членов сообщества. Риск жестокого обращения, которому заявитель мог подвергнуться в ДРК на тот момент не обязательно мог происходить от государственных органов, а от родственников и диссидентов, которые могли ему мстить за его прошлую деятельность на службе у президента Мобуту. В этих конкретных обстоятельствах, было основание верить, что положение заявителя может быть хуже по сравнению с другими бывшими сторонниками Мобуту и власти необязательно смогут или захотят защитить его от указанных опасностей. Суд также отметил отрицательное влияние той публичности, которая сопутствовала его жалобе на отказ в убежище в Финляндии. Таким образом, был сделан вывод, что исполнение решения о высылке будет нарушением Статьи 3, пока имеется риск жестокого обращения.

4.1.3.2 *Безоговорочное запрещение принудительной высылки при наличии риска жестокого обращения*

Поскольку Статья 3 имеет безоговорочный характер, высялающее государство, при принятии решения выдворять или нет человека из-под своей юрисдикции, не имеет права сравнивать риск потенциального жестокого обращения в принимающем государстве в нарушение Статьи 3 и, какую-либо угрозу безопасности для страны, где ему или ей будет разрешено остаться (см. дело **Chahal**, описываемое ниже, в параграфе 80). Если имеется риск жестокого обращения в нарушение Статьи 3, государство может не высылать данное лицо.

- Дело **Saadi v Italy (2008 г.)** касается решения итальянских властей о депортации г-на Саади – тунисца по национальности, легально проживающего в Италии, в Тунис. Г-н Саади был заочно обвинен в Тунисе в преступлениях, связанных с терроризмом и осужден на 20 лет заключения. Г-н Саади подал заявление в Большую палату Суда о том, что для него существует риск подвергнуться пыткам и жестокому обращению в Тунисе, где ненадлежащее обращение с предполагаемыми террористами является обычным явлением, и тому есть четкие документальные подтверждения. На слушаниях правительство Соединенного Королевства попыталось

отменить безоговорочное запрещение принудительной высылки по мотивам возможности пыток или жестокого обращения. Оно отстаивало свой аргумент, что право человека на защиту от жестокого обращения за границей должно оцениваться с точки зрения риска, который этот человек представляет для высылающей его страны. Большая Палата вновь подтвердила принцип, установленный ранее принятыми решениями, например, по делу **Chahal**, которому следуют другие международные суды и органы - никакие обстоятельства, включая угрозу терроризма и национальной безопасности, не могут оправдать действия, ведущие к реальному риску нарушения существенных прав человека.

- В деле **Ahmed v Austria (1996 г.)** заявитель – гражданин Сомали, получил статус беженца в Австрии в 1992 году. В 1994 он был лишен статуса беженца после суда, который приговорил его к 2,5 годам заключения за умышленное ограбление. Суд постановил, что хотя действия лица являются нежелательными и опасными, они не могут быть предметом рассмотрения. Защита, которую обеспечивает Статья 3 трактуется шире, чем то, что предписывает по статусу беженца Статья 33 Конвенции Объединенных Наций. Суд придал особое значение тому факту, что заявитель получил статус беженца в рамках Женевской Конвенции, и признал, что его заявление о принадлежности к оппозиционной группировке с учетом общей ситуации в Сомали дает основания признать опасность его преследований по возвращении в Сомали. И хотя заявитель утратил свой статус беженца двумя годами позже, основанием для этого было исключительно его осуждение в уголовном порядке. Последствия высылки для заявителя не были приняты во внимание. В свете безоговорочного характера Статьи 3 Суд пришел к тому же выводу, на который не повлияли осуждение заявителя по уголовному делу или недееспособность органов власти в Сомали. Откуда следовало, что высылка заявителя в Сомали является нарушением Статьи 3, пока для него существует риск подвергнуться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

4.1.3.3 Борьба против терроризма, экстрадиция/высылка

В недавнее время, безоговорочный характер защиты был подвергнут сомнению в делах обвиняемых террористов, когда некоторые государства отстаивали свое право на депортацию подозреваемых в терроризме даже в небезопасные страны для того, чтобы защитить своих граждан от террористических атак. Данные государства предложили сопоставлять интересы общества и обвиняемых террористов, учитывая спекулятивный характер заявленных рисков жестокого обращения при их возвращении на родину. Такие основания противоречат безоговорочному характеру запрещения пыток в делах о высылке, как устанавливается прецедентным правом Суда со времен рассмотрения дела **Chahal**.

- В деле **Chahal v United Kingdom (1996 г.)** заявитель – индиец, живущий в Лондоне, являлся ведущей фигурой сепаратистского движения сикхов. Несколько раз он был под следствием по делу о террористической деятельности. Ему предъявили обвинение в нарушении общественного порядка в лондонском сикхском храме, а затем оправдали. Позднее его уведомили, что он будет депортирован на основании того, что его пребывание не отвечает общественным интересам в свете обеспечения национальной безопасности. Г-н Чахал заявил, что в случае его возвращения в Индию, он будет подвергнут пыткам. У Суда имелись доказательства того, что в то время представители пенджабской полиции привыкли действовать против сикхских активистов, не соблюдая прав человека. Также имелось доказательство того, что ситуация значительно улучшилась на момент рассмотрения дела по существу. Тем не менее, Суд отметил, что в полицейских структурах проблемы все еще существуют, и г-н Чахал и его политические симпатии широко известны в Индии. Было отмечено, что высокий статус заявителя, скорее всего, увеличит риск нанесения ему вреда по сравнению с другими. Государство-ответчик доказывало, что угроза, которую представляет индивид для национальной безопасности, является значимым фактором, который следует учитывать при сопоставлении интересов в свете применения Статьи 3. В таких

делах этот принцип должен учитывать различные степени риска жестокого обращения. Чем больше риск жестокого обращения, тем менее весомой должна считаться угроза национальной безопасности. Но в случаях, когда имеются явные сомнения относительно риска жестокого обращения, весомость угрозы национальной безопасности может перевешивать в сравнении между защитой прав индивида и общими интересами сообщества. Суд отверг такой принцип сопоставления. Он отметил, что запрещение жестокого обращения, оговариваемое в Статье 3, является безоговорочным. Таким образом, в случаях, когда имеются очевидные доказательства считать, что после высылки в другую страну индивид столкнется с реальным риском жестокого обращения в нарушение Статьи 3, на высылающее государство возлагается ответственность по защите его/ее от такого обращения. Суд вынес решение, что если г-н Чахал будет выслан в Индию, для него существует реальный риск подвергнуться жестокому обращению в нарушение Статьи 3.

4.1.3.4 Процессуальные требования законодательства о предоставлении убежища.

Применение жестких временных рамок для подачи прошения о предоставлении убежища делает положения Статьи 3 непригодными, если их применять механически. Действительно, весьма спорно чтобы какие-либо административные процедуры, ограничивающие защиту, оговариваемую в Статье 3, могли нарушать эту Статью. Хотя обычно на государственном уровне существует судья в последней инстанции, который решает, допустима ли экстрадиция или высылка; процедуры применимые в таких делах не подпадают под действие Статьи 6 (см. дело **Maauouia v France (2000 г.)**). Эффективность и справедливость процедур, связанных с делами по экстрадиции и высылке, вследствие этого, рассматривается относительно Статьи 3 совместно со Статьей 13 (см. ниже «Процедурные обязательства»).

- В деле **Jabari v Turkey (2000 г.)** заявительница покинула Иран после того, как власти выяснили, что имела место супружеская измена с женатым мужчиной. Супружеская измена для женщины в Иране является преступлением, за которое заявительнице грозит риск быть насмерть забитой камнями. Она нелегально прибыла в Турцию в ноябре 1997 года, а в феврале 1998 года попыталась улететь в Канаду через Францию по фальшивому паспорту. Французские власти отправили ее назад в Турцию. Вернувшись в Турцию, заявительница попросила убежища. Ее проинформировали, что по закону она должна подать прошение в течение пяти дней с момента прибытия в Турцию. Верховный Комиссар ООН по делам беженцев (UNHCR) вмешался в дело и предоставил ей статус беженца на основании очевидной опасности для нее быть казненной в Иране. Турецкие власти выдали ей вид на жительство, пока она ждала решения Комиссии по ее жалобе. Государство-ответчик констатировало, что в связи с тем, что заявительница не уложились в отведенные по закону пять дней, ее необходимо отправить назад в Иран. Суд принял решение, что необходимо проводить тщательную проверку по существу жалобы лица о том, что его/ее депортация в третью страну может привести к риску быть подвергнутым жестокому обращению в нарушение Статьи 3. Суд отметил, что государство-ответчик не смогло провести какую-либо значимую оценку жалобы заявительницы, включая ее спорность. Нарушение заявительницей требования о регистрации в течение пяти дней лишило ее возможности проведения тщательной проверки фактической основы ее опасения в случае возвращения в Иран. Суд постановил, что автоматическое упрощенное применение таких коротких временных рамок для подачи прошения об убежище не согласуется с защитой фундаментальных ценностей, заключенных в Статье 3 Конвенции. Уделив должное внимание обстоятельствам дела, установленным Верховным Комиссаром, Суд постановил, что при высылке в Иран заявительница столкнется с реальным риском жестокого обращения в нарушение Статьи 3. Соответственно, решение о депортации нарушает Статью 3.

- В деле **Chahal v United Kingdom (1996 г.)** Суд отверг предложения государства о том, что в процессе рассмотрения дела степень реального риска при возвращении можно снизить. Суд постановил, что требование о средстве правовой защиты, которое “эффективно настолько, насколько это может быть возможным” неуместно относительно жалобы, что в случае депортации лица он или она будут подвергаться реальному риску жестокого обращения в нарушение Статьи 3, тогда как вопросы национальной безопасности не относятся к делу. Далее было отмечено, что в таких случаях, учитывая необратимый характер вреда, который наносится здоровью, если риск жестокого обращения будет реализован и важность Статьи 3, понятие эффективных средств правовой защиты согласно Статье 13 требует независимой тщательной проверки жалобы о том, что существует риск жестокого обращения в нарушение Статьи 3. Такая тщательная проверка должна проводиться безотносительно того, какой проступок совершил человек, за который он приговорен к выдворению или, не взирая на усматриваемую угрозу национальной безопасности для страны, из которой лицо высылается.”

4.1.3.5 Риск жестокого обращения со стороны негосударственных субъектов

Ответственность возлагается на государство не только в случаях, когда существует реальный риск того, что государственные органы будут применять к лицу меры, нарушающие Статью 3, но и тогда, когда такие меры жестокого обращения применяют негосударственные субъекты, например, в случаях, когда очевидно, что принимающее государство не может обеспечить соответствующую защиту.

- В деле **H.L.R. v France (1997 г.)** заявитель – уроженец Колумбии был обвинен в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков во Франции, после чего ему было вручено уведомление о депортации. До своего обвинительного приговора, он помогал полиции, сообщая информацию, с помощью которой осудили колумбийских наркоторговцев. Он заявил, что если он вернется в Колумбию, наркоторговцы могут ему отомстить, что требует применения Статьи 3. Суд постановил, что исходя из безоговорочного характера Статьи 3, нельзя исключить возможность применения Статьи 3, в случае если опасность исходит от лиц или группы лиц, не являющихся представителями государственных органов. Тем не менее, должна быть доказана реальность риска и неспособность власти принимающего государства устранить риск, обеспечив соответствующую защиту.
- В деле **N. v Finland (2005 г.)** Суд отметил, что риск жестокого обращения, которому может быть подвергнут заявитель при его возвращении в ДРК в рассматриваемое время, может исходить не от действующих властей, а от родственников диссидентов, которые могут мстить ему за его прошлую деятельность на службе у президента Мобуту. Прецедентное право Суда не исключает возможность применения Статьи 3, в случае если опасность исходит от лиц или группы лиц, не являющихся государственными должностными лицами. Суд напомнил, что должна быть доказана реальность риска и неспособность органов власти принимающего государства устранить риск, обеспечив соответствующую защиту.

4.1.3.6 Ненадлежащее медицинское обслуживание после высылки из страны

На высылающее государство возлагается ответственность, когда существует реальный риск того, что потерпевший будет подвергаться обращению, противоречащему нормам Статьи 3, в результате ненадлежащего медицинского обслуживания в принимающем государстве. Однако не все дела, в которых заявитель жалуется на то, что он/она будут получать ненадлежащее медицинское обслуживание, заканчиваются выявлением нарушений Статьи 3. Для этого нормы медицинского обслуживания в принимающей стране должны быть признаны такими, при которых имеется угроза жизни заявителя или продолжительность его/ее жизни значительно сократится.

- В деле **D. v United Kingdom (1997 г.)** заявитель прибыл в Соединенное Королевство с острова Сент-Китс и у него изъяли значительное количество кокаина. Он был обвинен в преступлении, связанном с незаконным ввозом наркотиков, и заключен в тюрьму. Во время отбывания наказания, выяснилось, что он болен СПИДом. После окончания срока заключения, власти Соединенного Королевства попытались выслать его на Сент-Китс. Заявитель подал жалобу о том, что в случае его высылки обратно на Сент-Китс он обречен провести свои оставшиеся дни в боли и страданиях в условиях изоляции, нищеты и лишений. Он жаловался на то, что прекращение текущего медицинского лечения ускорит смертельный исход, учитывая невозможность получения подобного лечения на Сент-Китсе. У него нет близких родственников на Сент-Китсе, которые бы ухаживали за ним перед смертью. У него нет жилья, никаких финансовых ресурсов и доступа к каким-либо видам социального обеспечения. Суд постановил, что Статья 3 безусловно запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, и тем самым гарантирует возможность подачи прошения, невзирая на неблагоприятное поведение лица, о котором идет речь.
- В деле **Bensaid v United Kingdom (2001 г.)** заявитель – алжирец, больной шизофренией, получал лечение соответствующее его заболеванию в Соединенном Королевстве, когда он получил уведомление о депортации. Он заявил, что если его вышлют в Алжир, там он не будет получать надлежащего медицинского обслуживания, что вероятно приведет к обострению его болезни. Он заявил, что это нарушает Статью 3. Суд отметил, что это не мешает суду тщательно рассмотреть жалобу заявителя в соответствии со Статьей 3, для случая, когда риск неполучения предписанного лечения в принимающей стране происходит от факторов, по которым нельзя напрямую или опосредованно привлечь к ответственности органы государственной власти этой страны или, если взятые обособленно, сами по себе они не нарушают нормы Статьи 3. Поэтому суд проверил, действительно ли существует реальный риск того, что высылка заявителя противоречит нормам Статьи 3 в свете его состояния здоровья. Суд решил, что если он будет получать надлежащее медицинское обслуживание и лечение, то Статья 3 нарушаться не будет. Суд отметил тот факт, что условия его жизни в Алжире (менее благоприятные, чем в Соединенном Королевстве), не являются решающими с точки зрения Статьи 3. В связи с этим, Суд не усмотрел достаточно реального риска того, что высылка заявителя в данных обстоятельствах будет противоречить нормам Статьи 3.
- В деле **Arcila Henao v Netherlands (2003 г.)** у заявителя, приговоренного к тюремному заключению, был обнаружен ВИЧ. Арсила заявил, что он ему требуется вид на жительство, потому, что ему необходимо медицинское лечение. Несмотря на отчеты Медицинского консультационного бюро, где указывалось, что при прекращении лечения вероятнее всего наступит обострение и в Колумбии лечение может оказываться несвоевременно, Государственный Секретарь отклонил заявление и сделал вывод, что поскольку лечение можно пройти в Колумбии, отсутствует угроза жизни, заслуживающая публичного рассмотрения. Суд постановил, что хотя в Колумбии для заявителя будут менее благоприятные условия жизни, его заболевание не в запущенной или последней стадии и, в принципе, лечение можно получить и в Колумбии. Обстоятельства не носили такого исключительного характера, при котором высылка из страны была бы основанием для применения Статьи 3.
- Дела **Ndangoya v Sweden (2004 г.)** и **Amegnigan v Netherlands (2004 г.)** также касались заявителей, больных СПИДом. Суд принял во внимание факт, что в обоих этих случаях заболевания заявителей не были в запущенной стадии, а также тот факт, что заявители имели перспективы получения медицинского обслуживания и попечения семей на своей родине - Танзании и Того, соответственно. Далее было отмечено, что обстоятельства жизни заявителей на их родине менее благоприятные, чем в Швеции и Нидерландах не могут считаться решающим фактором относительно применения Статей 2 и 3. Обе жалобы были признаны неприемлемыми.

- В деле **Dragan and Others v Germany (2004 г.)** Суд объявил неприемлемыми жалобы на заявленную недостаточность надлежащего психиатрического лечения. Заявитель в деле Драгана, который был уроженцем Румынии, имел соматическое и психиатрическое заболевания, включая гепатит С и тяжелую депрессию. Суд постановил, что ситуация с первой жалобой заявителя о том, что уровень медицинского обслуживания в Румынии будет менее приемлемым, чем в Германии, не является решающей в части применения Статьи 3. Было признано, что состояние здоровья заявителя внушает опасения. Тем не менее, учитывая высокую пороговую планку, устанавливаемую Статьей 3, в частности, когда судебное дело не касается прямой ответственности государства-участника Конвенции за причинение вреда, при отсутствии исключительных обстоятельств и в свете недавнего прецедентного права Суда по депортации и выдворению иностранцев третьей стороне, Суд не нашел оснований признать достаточным риск того, что возвращение заявителей в Румынию – страну, подписавшую Конвенцию, будет противоречить нормам Статьи 3.

4.1.3.7 Недостаточность признаков, указывающих на серьезные лишения при возвращении

- В деле **Tomic v United Kingdom (2003 г.)** заявитель, будучи этническим сербом из Хорватии, состоял в полувоенной организации “Скорпионы”, которую организовали сербы после объявления независимости Хорватии в 1991 году, когда разразилась война. Он жаловался на то, что до войны его избил хорватская полиция за его национальность, а его жену убили по тем же самым причинам в 1992 году. В 1997 году из-за страха тюремного заключения, он переехал в Сербию и оставался там до 2001 года. В 2002 году он незаконно въехал в Соединенное Королевство и подал прошение о предоставлении убежища, но ему было отказано. Суд постановил, что хотя и имелись отчеты, указывающие на случайные вспышки насилия против этнических сербов в Хорватии, но они не характеризовались каким-либо жестоким обращением в отношении бывших участников военных действий. Была проведена всеобщая амнистия для всех, кто участвовал в войне, и заявитель не привел достаточных оснований, подтверждающих, что при его возвращении в Хорватию он подвергнется риску жестокого обращения как бывший участник сражений. Заявитель не привел конкретные случаи дискриминации, с которыми он столкнется при возвращении, а общие тяжелые условия жизни в регионе, затронутом войной, с которыми он может столкнуться, не равносильны тому уровню жестоких условий, по которым возможно применение Статьи 3. Более того, дело было связано с высылкой в страну - участницу Конвенции, которая приняла на себя обязательства обеспечить права, гарантированные положениями Конвенции.

4.1.3.8 Прошение о приостановке депортации (Правило 39)

В случаях, когда лица, подлежащие депортации, утверждают, что они подвергнутся риску жестокого обращения или даже смерти при возвращении на родину, заявители могут попросить Суд вмешаться в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда для приостановки депортации. Заявители могут опираться не только на первоначальные обоснования, по которым они просили убежище, но также и на текущие риски, которым лица будут подвержены при депортации в период до рассмотрения своей жалобы. Большая часть таких просьб отклоняется Председателями соответствующих Секций Суда. По существу, недостаточно доказать, что общая ситуация в принимающей стране опасная. Заявитель должен доказать, что он подвергается прямому, персональному риску, например, указав, что он уже подвергался жестокому обращению и/или его разыскивали государственные органы, которые уличены в истязаниях людей, находящихся в подобной ситуации. Для применения Правила 39 заявитель должен предоставить достаточно убедительные диспозитивные доказательства (*prima facie*) того, что его здоровью будет нанесен непоправимый вред по прибытии в принимающую страну.

Кроме того, вероятность применения срочной меры снижается, если депортация осуществляется в государство, присоединившееся к Конвенции. Указание на Правило 39 является для упомянутого государства обязательным к исполнению. Неспособность подчиниться срочным мерам, оговоренным в Правиле 39, будет считаться нарушением Статьи 34 Конвенции, т.е. нарушение свободы беспрепятственно реализовывать право на подачу личного прошения.

- В деле **Mamatkulov and Askarov v Turkey (2005 г.)** заявители были экстрадированы в Узбекистан, несмотря на то, что было указание Суда не экстрадировать их, пока не появится возможность изучить ситуацию. Тем не менее, заявители были экстрадированы турецкими властями и их судьба не ясна. Несмотря на то, что позднее Суд установил, что не может определить, была ли нарушена Статья 3, поскольку неизвестно, что в действительности произошло с заявителями после их экстрадиции, Суд посчитал, что невыполнение его указания о препятствовании реализации права на подачу прошения, является нарушением Статьи 3 Конвенции.

4.2 Позитивные обязательства

Статья 3 накладывает на государство некоторые позитивные обязательства, что следует из его обязательств согласно Статье 1 Конвенции, по которой государство должно гарантировать любому лицу, подпадающему под его юрисдикцию, права, оговоренные в Конвенции. В данном случае – право не подвергаться пыткам и другим формам жестокого обращения. Такие позитивные обязательства, например, требуют от государства принятия мер против лиц, ответственных за применение пыток, а также обучение представителей полиции и военных структур проводить свои мероприятия в рамках закона. На государство также накладывается общее обязательство, оговоренное Статьей 3 о гарантии для всех лиц, находящихся под юрисдикцией данного государства, быть защищенными от жестокого обращения. Это означает, что государство должно предпринимать меры для предотвращения такого жестокого обращения.

4.2.1 Обязательство обеспечить наличие эффективной законодательной основы, которая бы предотвращала и защищала от жестокого обращения в нарушение Статьи 3.

Ответственность государства может возникнуть в случае, если оно не способно обеспечить наличие эффективной законодательной основы и процессуальных процедур для защиты всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, от применения пыток и бесчеловечного обращения.

- В деле **M.C. v Bulgaria (2003 г.)**, заявитель, 14-летняя девочка пожаловалась, что была изнасилована двумя мужчинами. Полиция провела расследование, но государственный прокурор в конечном итоге прекратил производство за отсутствием достаточных оснований признать факт изнасилования и, в частности, принуждения. В своем решении Суд отметил некоторые слабые места в расследовании, а также посчитал, что при расследовании особый акцент придавался недостаточности улик жестокого обращения. С этой точки зрения, государство опирается на принцип, что определение преступления согласно внутригосударственному законодательству требует доказательства физического сопротивления со стороны жертвы. Суд посчитал, что этот принцип недостаточно широко трактуется, чтобы обеспечить защиту от сексуальных действий без обоюдного согласия. Ссылаясь на сравнительный анализ, который выявил тенденцию к интерпретации термина «изнасилование» более широко, чем в прошлом, Суд выразил мнение, что положительные обязательства государства “должны рассматриваться в виде проведения действенного судебного расследования и наказания за сексуальные действия без обоюдного согласия, даже если жертва не оказывала физического сопротивления”. Другими словами, в контексте позитивных обязательств государства принять “меры, гарантирующие уважение личной жизни даже в сфере отношений индивидов между собой,” для государства может быть

недостаточно просто установить преступность деяния и его преследования. Суд может также проверить, соответствуют ли суть закона и элементы преступления расширенным требованиям Конвенции. В связи с этим, Суд подчеркнул, что для детей и взрослых лиц, находящихся в уязвимом положении, требуется специальный подход и защита, даже если жестокое обращение исходит от частного лица.

- В деле **A. v United Kingdom (1998 г.)** заявитель – ребенок пожаловался на государство, которое несет ответственность за его защиту от насильственных действий со стороны отчима. Консультант – педиатр, который осматривал 9-летнего ребенка, зафиксировал, что его били розгами и не один раз. Отчиму предъявили обвинение в насильственных действиях по отношению к ребенку и нанесению ему телесных повреждений. Однако его доводы в свою защиту, что такое обращение с ребенком носило характер воспитательных мер, были приняты внутри-государственным судом, и он был оправдан. Суд постановил, что Статья 3 в контексте Статьи 1, требует от государства принимать меры, гарантирующие, что индивиды, находящиеся под юрисдикцией государства, не должны подвергаться пыткам или бесчеловечному, унижающему достоинство обращению со стороны частных лиц. Суд отметил (см. параграф 22), что “Дети и другие уязвимые лица, должны быть обеспечены защитой со стороны государства в виде эффективных сдерживающих мер против серьезных нарушений частной неприкосновенности”.
- В деле **Z. v United Kingdom (2001 г.)**, заявители – четверо детей, родные братья и сестры, которые были лишены родительского внимания и подвергались жестокому обращению со стороны кровных родителей. Некоторое время социальные службы контролировали условия их жизни, и в конечном итоге они были взяты на государственное попечение по настоянию их матери. Это произошло через четыре с половиной года после того, как социальные службы впервые узнали об обстоятельствах их жизни. Суд вынес решение о том, что государство-ответчик должно обеспечивать действенную защиту детей и других наиболее уязвимых лиц и, должно предпринимать обоснованные меры для предотвращения жестокого обращения, о котором власти знают или обязаны знать.

Таким образом, в делах, описанных выше, **A. v United Kingdom (1998 г.)** и **Z. v United Kingdom (2001 г.)**, государство должно обеспечить законодательную базу и процессуальные процедуры для защиты детей. В деле **A. v United Kingdom** оправдание телесного наказания подрывает позиции защиты, представляемой ребенку. В деле **Z. v United Kingdom (2001 г.)** социальные службы, за которые несет ответственность государство, не проявили должного усердия для защиты детей.

4.2.2 Обязательства по защите физической неприкосновенности заключенных

- В деле **Pantea v Romania (2003 г.)** заявитель содержался в одной камере с рецидивистами, где несколько раз подвергался насилию со стороны других заключенных. Данная камера была известна в тюрьме как “камера для опасных преступников”. Были представлены доказательства того, что тюремный надзиратель не пришел на помощь заявителю немедленно и, более того, его оставили в той же камере. Медицинское освидетельствование зафиксировало количество и жестокость нанесенных заявителю ударов. В этих обстоятельствах Суд постановил, что имело место нарушение Статьи 3, поскольку органы власти не смогли выполнить своего позитивного обязательства по защите физической неприкосновенности заявителя.
- В деле **Georgescu v Romania (2008 г.)** заявитель в течение первых четырех недель предварительного заключения жестоко избивался полицейскими офицерами в масках и своими сокамерниками по приказу следователей. Однажды, его били по печени кулаками в течение двух часов, почти до бессознательного состояния. Его сокамерники, поощряемые следователями, изнасиловали заявителя, сломали ему зубы и заставляли есть пищу, на которую они мочились. Адвокат заявителя, которому стало известно о жестоком обращении от жены заявителя,

добился его перевода в другую камеру, где его снова избили и унижали его достоинство. Заявитель информировал прокурора, что страдает психическим заболеванием. В медицинском отчете зафиксировано, что заявителю необходимо медицинское лечение в течение 6-7 дней из-за нанесенных телесных повреждений. Суд отметил, что и тюремные власти и военный прокурор были проинформированы о его психическом заболевании. Даже принимая заключение прокурора о том, что телесные повреждения были нанесены заявителю сокамерниками из-за его поведения и его психического состояния, Суд посчитал, что не снимая ответственности с властей Румынии, данный факт указывает на их неспособность обеспечить заявителю условия заключения, соответствующие его психическому состоянию, по крайней мере, с момента, когда его жалобы на жестокое обращение были доведены до них. Суд признал необоснованными выводы правительства о том, что телесные повреждения заявителя вызваны чем-то иным, а не тем обращением, которому он подвергся, находясь под надзором властей, и постановил, что полученные телесные повреждения явились результатом бесчеловечного и унижающего достоинство обращения.

- В деле **Rodic and 3 Others v Bosnia and Herzegovina (2008 г.)** заявители - уроженцы Сербии обвинялись в военных преступлениях против боснийцев и были заключены в общий блок здания тюрьмы, где большинство заключенных были боснийцами. Они подверглись жестокому обращению и объявили голодовку. Суд не признал политику государства, заключающуюся в том, что осужденные за военные преступления, содержались в обычных тюрьмах, бесчеловечной и унижающей. Тем не менее, Суд напомнил о хорошо известном факте, что три основных этнических сообщества в Боснии и Герцеговине (боснийцы, хорваты и сербы) были в состоянии войны между собой с 1992 по 1995 год. Межэтнические отношения до сих пор обострены, и вспышки насилия на межэтнической почве в рассматриваемый период происходили достаточно часто. Принимая во внимание количество боснийцев, заключенных в этой тюрьме, и характер преступления заявителей, очевидно, что их заключение приведет к серьезному риску для их физического здоровья. Несмотря на это, заявители были помещены в обычные камеры, в которых вместе с ними находились еще до 20 заключенных, а общественные зоны они делили с еще большим количеством заключенных. Следует отметить, что в течение нескольких месяцев в тюрьме не предпринималось никаких конкретных мер обеспечения безопасности. Суд сделал вывод, что с момента появления заявителей в тюрьме для обеспечения их нормального физического состояния не было предпринято никаких мер до тех пор, пока после нападения их не поместили в отдельный блок в больнице, когда они объявили голодовку и тем самым привлекали внимание прессы в течение десяти месяцев с момента их заключения в тюрьму. Поэтому Суд посчитал, что лишения, с которыми столкнулись заявители, в частности, постоянное психическое напряжение, связанное с угрозой физической расправы, является нарушением Статьи 3.

4.2.3 Процессуальные обязательства

4.2.3.1 Обязанность проводить действенное официальное расследование

Наряду с обеспечением права на жизнь, запрещением пыток и других форм жестокого обращения, Статья 3 обязывает государство проводить тщательное расследование, если лицо жалуется на жестокое обращение со стороны представителей государственной власти. В некоторых случаях, включая дело *Assenov v Bulgaria*, описанное ниже, Суд постановил, что в тех случаях, когда лицо выдвигает спорную жалобу на жестокое обращение со стороны полиции или других представителей государственной власти, по признакам нарушения закона и Статьи 3, это положение с учетом обязанности государства согласно Статье 1 “гарантировать каждому, находящемуся под юрисдикцией данного государства, права и свободы, указанные в ... Конвенции”, в порядке презумпции требует, чтобы было проведено действенное официальное расследование.

Любое расследование, согласно положениям Статьи 2, должно вести к установлению и наказанию ответственных лиц. Если этого не происходит, то законодательно запрещенные пытки и бесчеловечное, унижающее достоинство человека обращение и наказание, невзирая на фундаментальную важность этих принципов, не будут реализованы, и в некоторых случаях представители государственных структур совершенно безнаказанно смогут нарушать права тех, кто находится в их власти. Этот принцип применялся и в некоторых других делах. Следует отметить, что в случаях, когда на основании предъявленных доказательств Суд не может принять решение о том, что само государство несет ответственность за жестокое обращение; то тогда на государство возлагается вина за неспособность провести надлежащее расследование. Например, смотри дела **Labita v Italy (2000 г.)**, **Veznedaroglu v Turkey (2000 г.)** и **Indelicato v Italy (2001 г.)**, приводимые в данном документе.

- В деле **Aydin v Turkey (1997 г.)** потерпевшая заявила, что ее изнасиловали и подвергали пыткам. Суд постановил, что невзирая на то, что заявительница не представила каких-либо подтверждений применения пыток, вполне обоснованно ожидать от государственного прокурора, чтобы он со всей серьезностью подошел к ее утверждениям, учитывая, что другие члены ее семьи также сообщали о жестоком обращении, от которого они пострадали. В таких обстоятельствах прокурор должен был немедленно инициировать проведение тщательного и действенного расследования, которое бы позволило установить правдивость ее утверждений, а также наказать лиц, ответственных за это.
- В деле **Assenov v Bulgaria (1998 г.)** потерпевшим оказался мальчик 14 лет. Он и его родители пожаловались, что его арестовали и избили в полиции, незаконно удерживали и отпустили через 2 часа. Потерпевший был осмотрен врачом на следующее утро после задержания. Доктор засвидетельствовал наличие синяков и ссадин и сделал вывод, что эти телесные повреждения могли быть нанесены при обстоятельствах, которые описывает потерпевший. На основании медицинского свидетельства, показаний потерпевшего, факта задержания в полицейском участке в течение двух часов, а также отсутствия каких-либо свидетельств указывающих на то, что побои сыну мог нанести отец, как заявляло государство. Суд признал зафиксированные телесные повреждения признаками жестокого обращения. Суд пришел к выводу, что все эти факты дают явные основания считать, что эти телесные повреждения могли быть нанесены полицейскими. Суд вполне обоснованно предположил, что имеет место “спорный случай” и постановил, что в тех случаях, когда лицо выдвигает спорную жалобу на жестокое обращение со стороны полиции или других представителей государственной власти по признакам нарушения закона и Статьи 3, это утверждение с учетом обязанности государства согласно Статье 1 “гарантировать каждому, находящемуся под юрисдикцией данного государства, права и свободы, указанные в ... Конвенции”, в порядке презумпции требует, чтобы было проведено действенное официальное расследование.
- В деле **Veznedaroglu v Turkey (2000 г.)** заявительница была арестована как предполагаемая участница запрещенной организации ПКК (Рабочая партия Курдистана). Она утверждала, что в течение 11 дней содержалась под стражей, где ее пытали электрическим током, подводя его к гениталиям и рту, а также угрожая ей изнасилованием и смертью. Она подала жалобу, сразу же, как предстала перед Судом и продолжала настаивать на этом до момента судебного разбирательства. На ее жалобы никак не отреагировали. Она была осмотрена врачом, который зафиксировал наличие синяков на плече и ноге. На основании предъявленных доказательств, Суд не смог установить подвергалась ли заявительница пыткам. Суд постановил, что трудность определения существа ее жалобы исходит из неспособности властей проверить ее утверждения. Упорство, с которым заявительница сообщала о применении к ней пыток, а также наличие в деле медицинского свидетельства, были достаточным основанием для государственного прокурора инициировать расследование сути жалобы, в частности поскольку она содержалась под стражей в течение 11 дней. Следовательно, в соответствии со Статьями 1 и 3, государство было обязано расследовать спорную жалобу заявительницы о том, что она подвергалась пыткам.

- В деле **Poltoratskiy v Ukraine (2003 г.)** заявитель жаловался на неоднократные побои во время нахождения в заключении. Суд вынес решение о недоказанности данного заявления при отсутствии обоснованного сомнения и, таким образом, нарушения Статьи 3 в этом деле не было. Тем не менее, Судом вынесено решение о том, что официальная проверка заявлений о жестоком обращении проводилась формально и поверхностно, и не отражает серьезных попыток обнаружить, что же действительно произошло. Соответственно, имело место нарушение процессуальной гарантии, содержащейся в Статье 3, а именно, обязательства проведения расследования по спорной жалобе заявителя о том, что он подвергался жестокому обращению.
- В деле **Kmetty v Hungary (2003 г.)** заявитель жаловался на жестокое обращение со стороны полиции и на ненадлежащее расследование по его заявлению о нарушении Статьи 3 Конвенции. Он жаловался на то, что подвергался словесному оскорблению и угрозе действием со стороны сотрудников полиции при аресте и затем – в процессе содержания под стражей. Судом признано, что телесные повреждения, полученные заявителем, подпадают под действие Статьи 3. Однако, Суд признал невозможным установить на основании представленных доказательств, были ли телесные повреждения, полученные заявителем, следствием превышения сотрудниками полиции применения силы, необходимой для преодоления сопротивления правомерным действиям полиции, либо в процессе его обездвиживания и препровождения в полицейский участок, либо в процессе содержания под стражей. Тем не менее, Суд счел, что собранные вместе медицинское заключение, показания заявителя и факт его содержания под стражей свыше трех часов в полицейском управлении вызывают обоснованное подозрение, что он мог подвергаться жестокому обращению со стороны полиции. Данная ‘спорная жалоба’ о жестоком обращении должна расследоваться властями надлежащим образом. При этом Суд не был убежден, что это расследование было достаточно тщательным и действенным, чтобы соответствовать требованиям Статьи 3. Например, власти не смогли нормально объяснить, почему они не допросили главных свидетелей, в частности, врача, проводившего осмотр заявителя после его ареста. Если телесные повреждения были получены после ареста, на Государство должно быть возложено бремя доказывания того, как заявитель получил травмы. Суд пришел к заключению, что ввиду этого имело место нарушение Статьи 3.

Там, где у Суда нет возможности найти материальные нарушения Статьи 3 поскольку нет возможности подкрепить жалобу доказательствами, например, по прошествии времени, вместо этого Суд может сосредоточиться на процессуальных нарушениях, которые допустило государство в проведении расследования спорной жалобы на нарушение Статьи 3. Например, см. дело **Martinez Sala and Others v Spain (2004 г.)**.

4.2.3.2 Эффективное, независимое, незамедлительное и прозрачное расследование

Суд выносит решение о том, что расследование должно быть эффективным в том смысле, что оно способно привести к установлению и наказанию виновного лица. Это не обязательство результата, а обязательство средств. Можно вывести ряд критериев из прецедентного права Суда для того, чтобы расследование считалось эффективным. Эти критерии схожи с разработанными по процессуальному аспекту Статьи 2:

- o Своевременное расследование, позволяющее обнаружить и закрепить доказательства, а также практически установить виновных.
- o Сбор соответствующих доказательств, например, допрос задействованных сотрудников государственных (правоохранительных) органов, получение показаний свидетелей (очевидцев), сбор криминалистических свидетельств и, где это приемлемо, проведение медицинской экспертизы и/или аутопсии, обеспечивающей полное и точное протоколирование телесных повреждений и объективный анализ клинической картины;

- о Незамедлительное разбирательство дела обвиняемых во избежание наступления срока давности для ведения судебного дела;
 - о Обеспечение в разумных пределах доступа жертве или его родственникам к материалам следствия для их внимательного изучения.
- В деле **Khashiyev and Akayeva v Russia (2005 г.)** каждый из заявителей жил в Грозном до начала военных действий в конце 1999 года. С началом военных действий, заявители покинули свои дома и переехали в Ингушетию. В обоих случаях заботу о своих домах они возложили на родственников (первый заявитель – на брата и сестру, а также двух взрослых сыновей последней, второй заявитель – на брата), которые оставались в городе. В конце января 2000 заявители узнали о смерти своих родственников. Они вернулись в Грозный и обнаружили тела лежащими во дворе дома, а также в гараже неподалеку. На телах были множественные огнестрельные и колотые раны. Кроме того, тела были покрыты синяками и, в некоторых случаях, имели сломанные кости и повреждения. Заявители отвезли тела в Ингушетию для захоронения. Во время следующего посещения Грозного вторая заявительница побывала на месте совершения убийств и обнаружила использованные пулеметные гильзы и головной убор своего брата. В близстоящем доме она обнаружила пять тел, все с огнестрельными ранениями. Узнав, что шестая жертва выжила, вторая заявительница смогла найти ее в Ингушетии и выяснила, что жертвы были расстреляны российскими солдатами. Уголовное расследование, начатое в мае 2000 года, несколько раз прекращалось и начиналось заново, однако ответственные за это преступление так и не были установлены. В 2003 году гражданский суд Ингушетии потребовал от Министерства обороны выплатить денежную компенсацию г-ну Хашиеву в связи с убийством его родственников неизвестными военнослужащими. Суд отметил, что при проведении расследования недостаточное количество судебных отчетов и невозможность установить и опросить других свидетелей, не дали возможности выявить доказательства жестокого обращения и, в силу этого, установить и наказать ответственных за убийство. Было выявлено, что расследования были проведены недостаточно тщательно и эффективно, чтобы отвечать требованиям Статьи 3.
 - В деле **Zeynep Özcan v Turkey (2007 г.)** заявительница подала жалобу, где заявляла, что во время нахождения под стражей подвергалась жестокому обращению. Суд присяжных приговорил полицейских к десяти месяцам тюрьмы и 15 дням отстранения от выполнения служебных обязанностей за применение пыток и бесчеловечное, унижающее достоинство обращение и наказание в отношении заявительницы, чтобы получить от нее признание. Далее суд вынес постановление о приостановлении исполнения данного приговора. Суд отметил, что, несмотря на серьезность преступлений, в которых их обвинили, полицейские продолжали исполнять свои обязанности в полицейском подразделении без какого-либо ущемления своих интересов. Например, во время судебного разбирательства и даже после его окончания, к ним не применялись меры дисциплинарного воздействия с тем, чтобы отстранить их временно или постоянно от выполнения служебных обязанностей. Кроме того, и ход судебного разбирательства в суде, и приговоры данным полицейским, которые де-факто являются безнаказанностью, – элементы, ставящие под сомнение бдительность государства.
 - В деле **Maslova and Nalbandov v Russia (2008 г.)** заявительница подвергалась во время допросов физической жестокости и несколько раз была изнасилована представителями милиции и следователями. Немедленно было начато расследование. Были опрошены свидетели, милицкий участок обыскали, а доказательства были отправлены на судебную экспертизу. Использованный презерватив, найденный в милицком участке, с вероятностью 99.99% имел следы вагинальных клеток г-жи Масловой. На использованных салфетках были обнаружены следы спермы. На одежде г-жи Масловой, в которую она была одета в тот момент, были также обнаружены следы вагинальной ткани с такими же антигенами, как и у г-жи Масловой. Другим доказательством

служил медицинский отчет, подтверждающий, что г-жа Маслова пыталась перерезать себе вены, а ее признание написано “трясущимися руками”, как описывал эксперт. Четверо подозреваемых сотрудников милиции были формально признаны виновными, а дело отправлено на рассмотрение в суд первой инстанции. Суд выявил нарушение некоторых прав обвиняемых. В частности, судебное рассмотрение шло не в соответствии со специальными процедурами по обвинению прокурорских работников. Такие нарушения судебного разбирательства значили, что все доказательства, собранные в деле утратили силу. Дело было возвращено на доследование, но позже прекращено в виду отсутствия доказательств преступления. Суд отметил, что власти среагировали усердно и немедленно в деле установления и наказания виновных в жестком обращении в отношении г-жи Масловой. Однако процедурные ошибки привели к тупиковой ситуации уголовного судопроизводства. В отсутствие правдоподобного объяснения этим ошибкам, Суд признал очевидную некомпетентность представителей государственного обвинения, как причину таких ошибок. Таким образом, суд выявил нарушение Статьи 3 учитывая недостаточную эффективность расследования по жалобе г-жи Масловой на жестокое обращение.

- В деле **Dedovskiy and Others v Russia (2008 г.)** заявители, отбывая наказание в тюрьме, подвергались жестокому обращению со стороны бойцов отряда «Варяг», специального подразделения, созданного для поддержания порядка в местах содержания под стражей. Суд вынес решение, что бойцы группы прибегали к преднамеренному и неспровоцированному насилию с намерением вызвать у заявителей чувство страха и унижения, которое могло бы сломить их физическое или моральное сопротивление. Цель такого жестокого обращения - унижить достоинство заявителей и заставить их подчиняться. Нанесение побоев дубинками должно было вызывать у них сильные психические и физические страдания, и в этих обстоятельствах Судом было выявлено, что заявители подвергались пыткам в нарушение Статьи 3. Суд также счел, что, позволяя бойцам группы скрывать лица и не носить каких-либо знаков различия на форме, российские власти сделали заведомо невозможным опознание их жертвами. Это основание даже стало основной причиной прекращения уголовного преследования в отношении данных представителей правоохранительных органов. Также в протоколах об использовании резиновых дубинок не было определено, кто из бойцов применял дубинку. Таким образом, Суд пришел к заключению, что российские власти умышленно создали ситуацию, при которой установить кого-либо из бойцов, подозреваемых в преднамеренном жестокое обращение, было невозможно.

Из других свежих примеров смотри дело **Ognyanova and Choban v Bulgaria (2006 г.)** пар. 102-107 и 124.

По вопросу насилия, совершаемого частными лицами:

- Дело **97 Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and 4 Others v Georgia (2007 г.)** касается жестокого нападения на членов конгрегации православными верующими под предводительством «отца Василия». Когда группа сторонников отца Василия ворвалась в молитвенную комнату, крича и размахивая палками и большими железными крестами, некоторым участникам собрания удалось выбраться наружу, но около шестидесяти человек оказались заблокированы в холле и подверглись бесчеловечному, унижающему достоинство обращению. Полицейские зарегистрировали жалобу одного заявителя, но решили не вмешиваться; другому заявителю начальник полицейского участка заявил, что “на месте нападавших он бы устроил Свидетелям Иеговы еще хуже». В конце концов, полиция явилась на место происшествия. Следователь, ведущий дело, заявил, что ввиду своего православного вероисповедания он не может быть беспристрастным при проведении расследования. Суд выразил сожаление по поводу того, что правительство Грузии продолжало утверждать, что было невозможно установить виновников совершенного насилия. Подтверждение бездействия властей, таким образом,

еще больше шокировало тем, что полицейские, прибывшие на место событий, не арестовали ни одного из нападавших; что непосредственно в день нападения отец Василий и еще один человек находились в полицейском участке рядом с одним из пострадавших, единственным, кто был арестован; что телевизионные каналы освещали весь ход событий, показывая насилие в отношении заявителей; что в записи одного из вещательных каналов, которой располагает Суд, ясно определяется личность не только отца Василия, но также можно определить личности большинства нападавших; что на следующий день, в интервью одному из телеканалов отец Василий отвечал на вопросы, стоя на фоне костра, в котором горела религиозная литература заявителей, и выражал удовлетворение своими действиями и пояснял их законность. Подводя итог, Суд отметил, что полицейские отказались незамедлительно вмешаться в конфликт для защиты участвовавших в нем заявителей и детей некоторых из них от жестокого обращения, и что заявители впоследствии столкнулись с индифферентным отношением к ним со стороны властей, которые, без каких-либо законных причин, отказались применять закон в их случае. По мнению Суда, подобное отношение со стороны властей, чьей обязанностью является расследование уголовного правонарушения, было равносильно подрыву эффективности любого средства судебной защиты, которое могло бы существовать.

- В деле **Secic v Croatia (2007 г.)** заявитель, цыган по национальности, подвергся нападению со стороны двух неизвестных мужчин. Они били его по телу деревянными досками, выкрикивая оскорбления расистского содержания. Вскоре после этого прибыла полиция; они опросили свидетелей на месте происшествия и искали нападавших. Судом отмечено, что с тех пор, как было подано заявление о происшествии, полиция не предъявила никому обвинения, и уголовное преследование задержалось на этапе предварительного следствия на целых семь лет. Судом отмечено, что полиция сделала заключение о том, что нападение было совершено членами группировки скинхедов, о которых было известно, что в прошлом они уже участвовали в подобных инцидентах. Однако похоже, что полицией никто из принадлежащих к этой группе не был допрошен, и данная информация никоим образом не использовалась. Кроме того, полиция не послала запрос в надлежащий суд о судебном приказе журналисту, интервьюировавшему лицо, прекрасно осведомленное о нападении, раскрыть свой источник, несмотря на то, что позволяющее это сделать положение закона имелось. Наконец, Суд отметил, что полиция не провела никаких следственных мероприятий, разрешенных внутреннегосударственными законами, кроме опроса свидетелей, предложенных адвокатом заявителя. Суд счел, что неспособность государственных органов вести дело или получить какие-либо реальные свидетельства с целью опознания и ареста нападавших в течение долгого времени показала, что расследование не отвечает требованиям Статьи 3. Суд также признал недопустимым то что, зная о вероятной расовой подоплеке данного события, полиция позволила расследованию затянуться более, чем на семь лет, не предпринимая каких-либо серьезных шагов для определения или уголовного преследования виновных. В результате Суд посчитал, что имело место нарушение Статьи 14 в сочетании с процессуальным аспектом Статьи 3.

4.3 Соотношение между процессуальными обязательствами Статьи 3 и Статьей 13 (право на эффективное средство судебной защиты)

4.3.1 Сфера применения Статьи 13

Статья 13 предусматривает, что “каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе ...”. В ряде случаев Судом отмечалось, что Статья 13 гарантирует наличие государственного уровня правовой защиты для обеспечения соблюдения сущности прав и свобод Конвенции в любой форме их проявления для закрепления в национальном правовом порядке. Применение Статьи 13, таким образом, требует обеспечения внутреннегосударственного средства правовой защиты для рассмотрения сути “спорной жалобы” в соответствии с Конвенцией и предоставления

соответствующей судебной защиты, несмотря на то, что странам-участницам предоставляется некоторая свобода действий в части способа соответствия их обязательствам по Конвенции по данному условию. Объем обязательств по Статье 13 меняется в зависимости от характера иска заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее, средство судебной защиты по требованию Статьи 13 должно быть “эффективным” на практике, а также по закону, в особенности в том смысле, что его исполнение не должно неправомерно блокироваться бездействием органов власти государства - ответчика. В частности, см. дело **Ilhan v Turkey (2000 г.)**.

В отношении жалоб по Статье 3, где отдельное лицо имеет спорную жалобу в отношении того, что оно подвергалось пыткам или серьезному жестокому обращению со стороны государства, понятие “эффективного средства правовой защиты” по Статье 13 влечет, в дополнение к выплате компенсации, где это приемлемо, тщательное и эффективное расследование, которое может привести к установлению и наказанию ответственных лиц и включает эффективный доступ заявителя к процессу расследования. Таким образом, ясна видна степень частичного совпадения с так называемыми “процессуальными” обязательствами государства по самой Статье 3, которые, среди прочего, требуют провести эффективное расследование жалоб на жестокое обращение.

4.3.2 Процессуальные обязательства по Статье 3 и Статья 13

Процессуальные обязательства налагаются в различных контекстах в соответствии с Конвенцией, когда необходимо гарантировать применимость и эффективность прав согласно Конвенции. Суд особо отметил поддержку процессуальных обязательств по Статье 2, в которой указывается, что право на жизнь должно “защищаться законом.” Статья 3, напротив, сформулирована материально-правовыми терминами; она не содержит ни слова о какой-либо поддержке процессуальных требований. Более того, Суд отметил, что практические требования в ситуациях с пытками или иным жестоким обращением зачастую отличны от случаев лишения жизни: из-за того, что жертва скончалась, может быть намного труднее установить факты, поскольку они могут быть известны только представителям государственной власти. По этой причине, в деле **Ilhan v Turkey (2000 г.)** Суд указал, что рассматривает Статью 13, а не процессуальные обязательства Статьи 3 в качестве основного гаранта права на эффективное средство правовой защиты в случае очевидных нарушений Статьи 3. Суд отметил, что Статья 13 в основном обеспечивает компенсацию заявителю и необходимые процедурные гарантии от злоупотреблений со стороны представителей государственной власти.

В конкретных обстоятельствах, когда Суд не имеет возможности дать заключение по установленным в ходе судебного разбирательства фактам, (особенно прийти к какому-либо выводу, были ли телесные повреждения заявителя вызваны действиями властей) из-за их неспособности эффективно отреагировать на жалобы о нарушении Статьи 3, то Суд может найти процессуальное нарушение Статьи 3, как альтернативу любому нарушению Статьи 13. В деле **Ilhan**, как было установлено Судом, заявитель подвергался пыткам со стороны сил безопасности, и жалобы на ненадлежащее расследование подпадают под действие Статьи 13. Однако в делах **Assenov v Bulgaria (1998 г.)** и **Labita v Italy (2000 г.)**, обсуждавшихся в этом документе, невозможность дать заключение по установленным в ходе судебного разбирательства фактам из-за ненадлежащего расследования вынудила Суд рассматривать процессуальные нарушения Статьи 3. Наоборот, в случаях применения самой Статьи 2, Суд высказал пожелание рассмотреть в одном деле ‘процессуальные’ жалобы и по самой Статье 2 и Статье 13, предполагая, что требования Статьи 13 трактуются более широко и включают в себя выплату компенсации, когда это применимо. Смотри, например, дело **Kaya v Turkey (1998 г.)**.

Следует отметить, что судебная практика по этому вопросу, похоже, не сформировалась окончательно, и Суд продемонстрировал степень своей гибкости в стремлении гарантировать полностью эффективную защиту согласно Статье 3. В деле **Dikme v Turkey (2000 г.)** Суд желал проверить жалобу заявителя на недостаточное расследование в соответствии со Статьей 3, при том, что он

не заявлял о нарушении Статьи 13. Учитывая, что процессуальные требования и по Статье 3 и по Статье 13, в широком смысле, одни и те же, было бы целесообразно сослаться на обе Статьи 3 и 13 при возникновении “процессуальных” вопросов.

4.3.3 Суть требований Статьи 13

Понятие эффективного средства правовой защиты по Статье 13 в случаях применения Статьи 3 подразумевает обязательство проведения тщательного и эффективного расследования, в результате которого будут установлены и наказаны лица ответственные за какое-либо жестокое обращение, а также дающего эффективный доступ заявителю к процессу расследования. Обычно эффективное расследование требует от государственных органов провести опрос всех очевидцев и прочих свидетелей и сделать выводы на основании свидетельских показаний (см. ниже дело *Assenov* в параграфе 102). Также может потребоваться выплата компенсации потерпевшим (см. дело *Aksoy* ниже в параграфе 98). Правовая защита должна быть “эффективной” на практике, а также по закону, особенно в смысле того, что ее реализация не должна неправомерно блокироваться действием или бездействием властей государства-ответчика (см. дело *Aydin* ниже в параграфе. 103).

Следующие дела являются примерами применения Статьи 13 в делах по Статье 3:

- В деле *Aksoy v Turkey (1996 г.)* Суд изучил характер проведенного расследования по Статье 13. Он указал, что, учитывая большую важность запрета пыток и особо уязвимое положение жертв пыток, Статья 13 возлагает на государства, без ограничения любого другого средства защиты, имеющегося во внутригосударственной системе, обязательства проводить тщательное и эффективное расследование случаев применения пыток. «Эффективное средство защиты» влечет за собой, в дополнение к выплате компенсации, там, где необходимо, тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных и обеспечивающее эффективный доступ потерпевшего к процедуре расследования. Кроме того, Суд счел, что расследование должно быть быстрым и беспристрастным.
- В деле *Aydin v Turkey (1997 г.)* Суд отметил, что заявительница полностью доверяла государственному прокурору и полиции, действовавшей по его инструкциям по сбору улик, необходимых для подтверждения ее жалобы. Государственный прокурор имел законные полномочия опрашивать членов сил безопасности в штаб-квартире жандармерии Дерик, вызывать свидетелей, посещать место происшествия, собирать судебные доказательства и предпринимать любые другие важные шаги для установления правдивости ее показаний. Его роль была решающей не только для предъявления обвинения по уголовному судопроизводству нарушителям закона, но также для реализации применения других средств защиты заявительницы, чтобы компенсировать тот ущерб, который был ей нанесен. Суд отметил, что предельная эффективность всех этих средств защиты зависела от должного выполнения государственным прокурором своих функций. Суд отметил, что государственный прокурор, который отвечал за расследование, не установил, кто мог быть свидетелем ареста жертвы. Он не предпринял никаких значимых действий для установления того, удерживалась ли семья Айдын в полицейском участке, как это утверждалось. Во время наиболее важных стадий расследования ни один полицейский не был опрошен. Прокурор с готовностью принял отрицание полицией того, что семья Айдын была задержана, и был готов принять на веру достоверность записей в журнале задержаний. Если бы он был более усердным, он бы более тщательно расследовал причины небольшого количества записей за 1993 год, учитывая обстановку с безопасностью в регионе. Почтительное отношение прокурора к полиции было особенно серьезным недостатком в расследовании. Медицинские расследования были сфокусированы на том, была ли жертва лишена девственности, тогда как они должны быть сфокусированы на том, была ли она изнасилована. Данные факторы, в совокупности с другими, позволяют Суду сделать вывод о том, что расследование не было эффективным.

- В деле **Assenov v Bulgaria (1998 г.)** потерпевший, которому на то время было 14 лет, заявлял, что он был арестован и избит полицией. В данном деле Суд заключил, что расследование было неэффективным. Его решение было основано на нескольких фактах. В первую очередь, прокурор, назначенный властями Болгарии, заключил, что отец потерпевшего нанес ему телесные повреждения, хотя он не смог предоставить какие-либо улики в подтверждение данного заключения. Во-вторых, хотя арест произошел на виду почти 40 человек, не было произведено ни одной попытки опросить какого-либо свидетеля сразу же после инцидента, чтобы выяснить правду. Другие предположения были сделаны в ходе расследования, ни одно из которых не основывалось на уликах.
- В деле **Ivan Vasilev v Bulgaria (2007 г.)** заявитель, которому было 14 лет, бежал к друзьям, и его стали преследовать два стажера - полицейских, которые приняли его за лицо, подозреваемое в вандализме. Заявитель споткнулся, упал на землю, и полицейские схватили его. Они несколько раз ударили его своими дубинками по спине, ногам, пинали ногами. Несмотря на то, что суд первой инстанции признал полицейских, которые напали на заявителя, виновными и вынес им приговор, признание виновными и приговор в последствии были аннулированы, а офицеры были оправданы. Судами первой инстанции было неопровержимо установлено, что у заявителя были многочисленные телесные повреждения в результате чрезмерного применения силы. Не исследовав этих сведений, Верховный кассационный суд признал, что полицейские правомерно напали на заявителя, так как он пытался убежать, и был опознан, хотя и ошибочно, как лицо, которое разыскивает полиция. При этом, Верховный суд признал не относящимися к делу ряд других факторов: во время происшествия заявителю было 14 лет, насилие по отношению к нему продолжалось после того, как он был уже схвачен, избиение было умышленным – все то, что можно считать материалом для определения, было ли действие нарушением Статьи 3. Такой подход полностью не соответствовал принципам, вытекающим из страсбургского прецедентного права в данной области. Таким образом, Верховный кассационный суд оказался не в состоянии разобрать суть жалобы заявителя по нарушению Конвенции, и следовательно, имело место нарушение Статьи 13.
- В деле **Yesil and Sevim v Turkey (2007 г.)** Судом было отмечено, что в целом уголовное судопроизводство было очень длительным: через пять лет и семь месяцев после совершения преступления, суд признал семь полицейских виновными в пытках заявителей. Суд особенно поразил тот факт, что кассационный суд ждал два года и один месяц, прежде чем принять решение по апелляции и признать недействительным уголовное расследование в отношении предполагаемых мучителей заявителя, которые продолжали выполнять свои обязанности во время всего судопроизводства. Таким образом, судебное разбирательство, которое продолжалось более восьми лет после совершения преступления, было прекращено за сроком давности. Учитывая длительность уголовного судопроизводства, которое превышало восемь лет, Суд нашел, что нельзя признать действия турецких властей достаточно оперативными или надлежаще усердными, в результате чего виновники насилия остались безнаказанными, несмотря на тот факт, что они были признаны виновными в применении пыток.

5 ИЗБРАННЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ РЕШЕНИЙ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

5.1 Значение и важность запрета применения пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения

Costello-Roberts v United Kingdom (1993 г.), см. пар. 27

27. Суд в первую очередь отмечает, как было указано заявителем, что Государство обязано охранять право детей на образование в соответствии со Статьей 2 Протокола № 1. Он напоминает, что положения Конвенции и ее Протоколов должны читаться в совокупности. Функции, относящиеся к внутреннему управлению школы, такие как дисциплина, не могут считаться чисто вспомогательными для образовательного процесса.

Во-вторых, в Соединенном Королевстве частные школы существуют наравне с системой государственного образования. Фундаментальное право каждого на образование является правом, гарантированным в равной степени ученикам в государственных и частных школах, никакого разграничения между которыми не делается.

В-третьих, Суд согласился с заявителем, что государство не может избавиться себя от ответственности, делегируя свои обязанности частным структурам или лицам

5.1.1 Безоговорочная сущность права

Ireland v United Kingdom (1978 г.), см. пар. 163

163. Конвенция запрещает какие-либо проявления пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, либо наказания независимо от действий жертвы. В отличие от многих основных параграфов Конвенции и Протоколов № 1 и 4, Статья 3 не предоставляет исключений, и по Статье 15, пункт 2 в этом отношении и не допускается никакой ее частичной отмены, даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации.

Aksoy v Turkey (1996 г.), см. пар. 63

63. Статья 3, как отметил Суд по многим делам, закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Даже в самых сложных обстоятельствах, таких как борьба против организованного терроризма и преступлений, Конвенция запрещает какое-либо применение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо наказания. В отличие от многих основных параграфов Конвенции и Протоколов № 1 и 4, Статья 3 не предоставляет исключения и не допускается никакой ее частичной отмены по Статье 15 даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации.

D. v United Kingdom (1997 г.), см. пар. 47

47. Тем не менее, при использовании своего права на высылку таких иностранцев государства - участники должны обращать внимание на Статью 3 Конвенции, которая закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Именно по этой причине Суд неоднократно подчеркивал в рамках своих полномочий, включающих рассмотрение экстрадиции, высылки и депортации лиц в третьи страны, что Статья 3 запрещает какое-либо применение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо наказания, и что ее гарантии применяются вне зависимости от предосудительного характера действий данного лица.

Ramirez Sanchez v France (2005 г.)

96. Суду хорошо известно о трудностях, с которыми сталкиваются государства в настоящее время при защите своего общества от актов терроризма. Тем не менее, в отличие от многих основных параграфов Конвенции и Протоколов № 1 и 4, Статья 3 не делает исключения и не допускается никакой ее частичной отмены по Статье 15 пар. 2 даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации. Конвенция запрещает какое-либо применение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо наказания независимо от действий данного лица. Характер преступления, якобы совершенного заявителем, по этой причине становится несущественным в целях Статьи 3.

Saadi v Italy (2008 г.), см. пар. 127

127. Статья 3, запрещая какое-либо применение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо наказания, закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. В отличие от многих основных параграфов Конвенции и Протоколов № 1 и 4, Статья 3 не делает исключения и не допускается никакой ее частичной отмены по Статье 15 даже в случае чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации. Так как запрещение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания является безусловным в независимости от действий заявителя, характер преступления, якобы совершенного заявителем, тем самым становится несущественным в целях Статьи 3.

5.2 Определения, понятия и принципы Статьи 3

5.2.1 Минимальный уровень жестокости

Ireland v United Kingdom (1978 г.), см. пар. 162

162. Как было подчеркнуто Комиссией, жестокое обращение должно иметь минимальный уровень жестокости, чтобы подпадать под действие Статьи 3. Оценка данного минимума состоит в характере соответствующих вещей, зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность жестокого обращения, его физическое и психическое влияние, в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья жертвы и т.д.

5.2.2 Пытка

Ireland v United Kingdom (1978 г.), см. пар. 167

167. Применялось сочетание пяти методов, намеренно и на протяжении нескольких часов они причиняли, если не реальные телесные повреждения, то, как минимум, сильное физическое и психическое страдание лицу, подвергнутому им, а также приводили к острым расстройствам психики во время допроса. Соответственно они подпадают под категорию бесчеловечного обращения в значении Статьи 3. Данные способы также унижали достоинство, так как вызывали у потерпевших чувства страха, боли и неполноценности, способные унижить и опозорить их и, возможно, нарушить их физическую и моральную устойчивость. По этим двум пунктам Суд придерживается мнения Комиссии. Для того чтобы определить, могут ли эти пять методов квалифицироваться как пытка, Суд должен учесть разграничение, содержащееся в Статье 3, между данным явлением и бесчеловечным и унижающим достоинство обращением. По мнению Суда, данное разграничение происходит в первую очередь от разницы в силе причиненных страданий. Суд считает, что в то время как существует, с одной стороны, насилие, которое осуждается как по моральным соображениям, так и в большинстве случаев по внутригосударственному закону, действующему в странах-участницах, но которое не подпадает под Статью 3 Конвенции; с другой стороны, целью Конвенции было своим

разграничением между «пыткой» и «бесчеловечным и унижающим достоинство обращением» первым из терминов наложить особое клеймо на преднамеренное бесчеловечное обращение, приводящее к очень серьезным и тяжелым страданиям. Более того, это кажется сутью, лежащей в основе Статьей 1 в конце Резолюции 3452 (XXX), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 сентября 1975, которая заявляет: «Пытка представляет усугубленную и намеренную форму жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо наказания». Хотя пять методов, применимых в комбинации, несомненно, составляли бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, хотя их целью было получение признаний, выдача имен других и/или информации, и хотя они использовались систематически, они не причиняли страдания определенной силы и тяжести, чтобы применять термин пытка в таком понимании.

Aksoy v Turkey (1996 г.), см. пар. 64

64. Суд напоминает, что Комиссия сочла, среди прочего, что заявитель подвергся “Палестинскому подвешиванию”, другими словами, он был раздет до гола и подвешен за руки, связанные за спиной. По мнению Суда, данное обращение могло быть только намеренным; действительно, для его выполнения потребовалась бы определенная подготовка и усилие. Это представлялось как применение мер с целью получения признаний или информации от заявителя. Кроме сильной боли, которую оно причиняло, медицинские данные показывают, что оно привело к параличу обеих рук, который длился в течение некоторого времени. Суд считает, что данное обращение было настолько жестоким и имело серьезные последствия, что оно может быть охарактеризовано как пытка.

Salman v Turkey (2000 г.), см. пар. 114

114. При определении должна ли определенная форма жестокого обращения квалифицироваться как пытка, необходимо учесть различие, содержащееся в Статье 3, между данным понятием и бесчеловечным или унижающим достоинство обращением. Как отмечено в предыдущих делах, целью Конвенции было посредством разграничения наложить особое клеймо позора на преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень серьезные и тяжелые страдания. Кроме жестокости обращения, существует преднамеренность действия, признаваемая Конвенцией ООН против пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания, которая вступила в силу 26 июня 1987, которая определяет пытку, исходя из намеренного причинения сильной боли или страданий, с целью, кроме всего прочего, получения информации, применения наказания или запугивания (Статья 1 Конвенция ООН).

Selmouni v France (1999 г.), см. пар. 101

101. Суд ранее рассматривал дела, в которых заключил, что имело место обращение, которое могло быть охарактеризовано только как пытка. Тем не менее, учитывая тот факт, что Конвенция является “живым инструментом, который должен интерпретироваться в свете условий сегодняшнего дня”, Суд считает, что некоторые акты, которые были квалифицированы в прошлом как «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение», противопоставленное «пытке», могли бы быть квалифицированы по-другому в будущем. Он учитывает, что в области защиты человеческих прав и основных свобод востребован все более высокий критерий; соответственно и неизбежно требуется проявлять все большую непреклонность при оценке нарушений основных ценностей демократических обществ.

Elci and Others v Turkey (2003 г.), см. пар. 634

634. Чтобы определить, должна ли определенная форма ненадлежащего обращения квалифицироваться как пытка, Суд должен обратить внимание на различие, содержащееся в Статье 3, между данным понятием и бесчеловечным или унижающим достоинством обращением. Как отмечено в

предыдущих делах, целью Конвенции было посредством разграничения наложить особое клеймо позора на преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень серьезные и тяжелые страдания (см. заключение суда по делу *Selmouni v France*, приведенное выше, пар. 96). Тем не менее, как Суд отметил далее, некоторые акты, которые были квалифицированы в прошлом как «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение», противопоставленное «пытке», могли бы быть квалифицированы по-другому в будущем: в области защиты прав человека и основных свобод востребован все более высокий критерий; соответственно и неизбежно требуется проявлять все большую непреклонность при оценке нарушений основных ценностей демократических обществ (*там же* пар. 101).

Plascu and Others v Moldova and Russia (2004 г.), пар. 426

426. Чтобы определить, должна ли определенная форма ненадлежащего обращения квалифицироваться как пытка, Суд должен обратить внимание на различие, содержащееся в Статье 3, между данным понятием и бесчеловечным или унижающим достоинством обращением. Как ранее было отмечено, что целью Конвенции было посредством разграничения наложить особое клеймо позора на преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень серьезные и тяжелые страдания; то же самое различие приводится в Статье 1 Конвенции ООН (см. приведено выше заключение суда по делу *Selmouni*, пар. 96):

В целях данной Конвенции, термин «пытка» означает любой акт, которым человеку намеренно причиняется сильная боль или страдания, физические или душевные, с целью получения от него или третьего лица информации, либо признания; как наказание за действие, которое совершил он или третье лицо; либо за подозрение в его совершении, либо запугивание или принуждение его или третьего лица; либо акт по каким-либо причинам, основанный на дискриминации любого вида, когда такая боль или страдания причиняются от или при подстрекательстве должностного лица, или с согласия или уступки должностного лица, либо лица, занимающего должностное положение....

Menesheva v Russia (2006 г.), пар. 57 -59

57. Суд считает, что в данном деле существование физической боли или страданий подтверждено медицинским экспертом и показаниями заявительницы о жестоком обращении с ней в заключении. Последовательность событий также показывает, что боль и страдания были причинены ей намеренно, в частности с целью получения от нее информации касательно Л. (см. пар. 53-54 выше).

58. Для оценки степени «боли и страданий», причиненных заявительнице, Суд учел все обстоятельства дела: длительность жестокого обращения, его влияние на физическое и душевное состояние и, как в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. дело *Bati*, приведенное выше, пар. 120). Суд считает, что на тот момент заявительнице было всего лишь 19 лет, она была особенно беззащитной, будучи девушкой, противостоящей нескольким мужчинам-милиционерам. Более того, жестокое обращение длилось несколько часов, в течение которых ее несколько раз избивали и подвергали другим формам насильственного физического и морального воздействия.

59. При данных обстоятельствах Суд заключает, что при рассмотрении в целом и учете цели и жестокости данное ненадлежащее обращение приравнивается к пытке в соответствии со Статьей 3 Конвенции.

Mikheyev v Russia (2006 г.), см. пар. 128 и 135

128. Суд отмечает, что стороны не ставили под сомнение тот факт, что заявитель перенес серьезные травмы при выпрыгивании из окна отделения милиции, и что он сделал это сам. Тем не менее,

сторонами выдвигались различные версии того, что заставило заявителя совершить попытку самоубийства. Власти отстаивают мнение о том, что допрос 19 сентября 1998 года был законным и что личные психологические проблемы привели заявителя к совершению попытки самоубийства. Заявитель возразил данной точке зрения. Он отметил, что до данного инцидента у него не было никаких проявлений психического расстройства, и что он попытался покончить жизнь самоубийством только потому, что не мог выносить пытку и хотел положить конец своим страданиям.

135. При данных обстоятельствах, несмотря на тот факт, что заключение суда 30 Ноября 2005 еще не стало окончательным, Суд готов принять, что, находясь под стражей, заявитель был подвергнут ненадлежащему обращению со стороны представителей государственной власти, с целью получения признания или информации о преступлениях, в которых он подозревался. Примененное жестокое обращение причинило ему такие сильные физические и душевные страдания, что заявитель совершил попытку самоубийства, приведшую к общей и постоянной физической нетрудоспособности. Принимая во внимание прецедентное право Конвенции в этом отношении, а в частности критерии жестокости и цели ненадлежащего обращения (см. среди других источников, дело **Ilhan v Turkey** [gc], № 22277/93, пар. 85, ECHR 2000-vii), Суд заключил, что рассматриваемое ненадлежащее обращение приравнивается к пытке в соответствии со Статьей 3 Конвенции.

5.2.3 Бесчеловечное обращение или наказание

Ireland v United Kingdom (1978 г.), см. пар. 167

167. [...] Чтобы определить должны ли эти пять методов квалифицироваться как пытка, Суд должен учесть различие, содержащееся в Статье 3, между данным понятием и бесчеловечным или унижающим достоинство обращением.

По мнению Суда, данное различие исходит в первую очередь из разницы в интенсивности причиненных страданий.

Labita v Italy (2000 г.), см. пар. 120

Суд напоминает, что ненадлежащее обращение должно содержать минимальный уровень жестокости, чтобы подпадать под действие Статьи 3. Оценка данного минимума относительна: она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физическое и умственное влияние, в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья жертвы. В отношении человека, лишённого свободы, применение физической силы, которая необязательно обоснована его поведением, умаляет человеческое достоинство и в принципе является посягательством на право, изложенное в Статье 3.

Обращение считается Судом «бесчеловечным», так как, кроме все прочего, оно было продумано заранее, было применено в течение часов и привело либо к реальным телесным повреждениям, либо к сильным физическим и душевным страданиям, а также «унижающим достоинство», потому что оно вызывало в потерпевших чувство страха, боли и неполноценности, способных унижить и опозорить их. Для того, чтобы наказание или связанное с ним обращение было «бесчеловечным» или «унижающим достоинство», причиненное страдание или унижение, должно, так или иначе, превышать тот неизбежный элемент страдания или унижения, связанный с установленной формой законного жестокого обращения или наказания. Вопрос о том, было ли целью обращения унижение или позор жертвы, является следующим фактором, принимающимся во внимание, но отсутствие любой такой цели не может окончательно исключить нахождение насилия по Статье 3.

Becciev v Moldova (2005 г.), см. пар. 39

39. Суд счел обращение «бесчеловечным», тогда как, кроме всего прочего, оно было заранее обдуманно, было применено в течение часов и привело либо к реальным телесным повреждениям либо к сильным физическим и душевным страданиям. Он полагает, что обращение было «унижающим достоинство», поскольку вызывало у жертв чувства страха, боли и неполноценности, способных унижить и опозорить их (см., например, дело **Kudla v Poland** [GC], № 30210/96, пар. 92, ECHR 2000-XI). При рассмотрении является ли отдельная форма обращения «унижающей достоинство» в соответствии со Статьей 3, Суд должен учесть являлось ли целью унижить и опозорить рассматриваемого человека и, что касается последствий, повлияло ли неблагоприятно на личность в степени, несовместимой со Статьей 3. Тем не менее, отсутствие любой такой цели, не может окончательно исключить установления факта насилия по Статье 3 (см., например, заключение суда по делу **Raninen v Finland**, от 16 декабря 1997, Доклад о заключении и решении суда, 1997-VIII, стр. 2821-22, пар. 55, и дело **Peers v Greece**, № 28524/95, пар. 74, ECHR 2001 III).

I.I. v Bulgaria (2005 г.), см. пар. 67

67. Обращение считается Судом «бесчеловечным», так как, кроме всего прочего, оно было заранее обдуманно, было применено в течение нескольких часов и привело либо к реальным телесным повреждениям либо к сильным физическим и душевным страданиям. Он полагает, что обращение было «унижающим достоинство», тогда как оно вызывало у жертв чувства страха, боли и неполноценности, способных унижить и опозорить их (см. **Kudla v Poland** [GC], № 30210/96, пар. 92, ECHR 2000 XI). Вопрос о том, было ли целью жестокого обращения унижение или позор жертвы, является следующим фактором, принимающимся во внимание, но отсутствие любой такой цели не может окончательно исключить установления факта насилия по Статье 3. (см. Дело **Peers v Greece**, № 28524/95, пар. 74, echr 2001 III, и дело **Kalashnikov v Russia**, № 47095/99, пар. 101, echr 2002 VI).

5.2.3.1 Душевные страдания

Campbell and Cosans v United Kingdom (1982 г.), см. пар. 26

26. Тем не менее, Суд придерживается мнения, что сама угроза, при условии, что она достаточно реальна и непосредственна, применения мер, запрещенных по Статье 3, может противоречить этому положению. Таким образом, угроза пытки при некоторых обстоятельствах может, как минимум, толковаться как «бесчеловечное обращение».

Çakici v Turkey (1999 г.), см. пар. 98

Суд считает, что в деле Kurt, которое касалось исчезновения сына заявительницы во время неоправданного задержания, суд обнаружил, что заявитель пострадал от действий в нарушение Статьи 3, обращая внимание на отдельные обстоятельства дела. Суд особенно ссылается на тот факт, что она была матерью жертвы серьезного нарушения прав человека, а сама жертвой самоуспокоенности властей перед лицом своей боли и несчастья. Дело Kurt, тем не менее, не устанавливает общего принципа, что член семьи «пропавшего человека» таким образом является жертвой обращения, противоречащего Статье 3.

Является ли член семьи таким потерпевшим, будет зависеть от наличия специальных факторов, что придает страданиям заявителя степень и характер, отличный от эмоционального страдания, которое неизбежно для родственников жертвы в случае серьезных нарушений прав человека. Важные элементы будут включать близость родственных связей – в том контексте, некоторый вес придает связь родитель-ребенок, определенные обстоятельства отношений, в какой мере член семьи был свидетелем происходящих событий, вовлеченность члена семьи в попытки получения информации о пропавшем человеке и то, каким образом власти отвечали на его запросы. Суд далее отметил, что сущность такого нарушения не столько лежит в факте «исчезновения» члена семьи,

но скорее касается реакции властей и их отношения к ситуации, когда к ним обращались с данным вопросом. Особенно в отношении последнего аспекта родственник может напрямую заявлять о том, что является жертвой поведения властей.

5.2.3.2 *Страх и страдания в результате насильственного исчезновения или другого ненадлежащего обращения по отношению к члену семьи*

Bazorkina v Russian Federation (2006 г.), см. пар. 139 -141

139. Суд вновь напоминает, что вопрос о том, является ли член семьи, где “пропал человек” потерпевшим от ненадлежащего обращения в нарушение Статьи 3, будет зависеть от наличия конкретных факторов, которые придают степень и характер страданиям, отличающим их от эмоциональных страданий неизбежных для родственников жертвы в случае серьезных нарушений прав человека. Эти специальные элементы будут включать близость родственных связей – в том контексте, некоторый вес придает связь родитель-ребенок, определенные обстоятельства отношений, в какой мере член семьи был свидетелем происходящих событий, вовлеченность члена семьи в попытки получения информации о пропавшем человеке и то, каким образом власти отвечали на его запросы (см. выше дело **Orhan**, пар. 358, **Çakici**, пар. 98, и **Timurtas**, пар. 95). Суд далее отметил, что сущность такого нарушения не столько лежит в факте «исчезновения» члена семьи, но скорее касается реакции властей и их отношения к ситуации, когда к ним обращались с данным вопросом. Особенно в отношении последнего аспекта родственник может подать прямую жалобу о том, что является жертвой поведения властей.

140. В настоящем деле Суд отмечает, что заявительница приходится матерью пропавшего человека, Хаджи-Мурата Яндиева. Заявительница видела видео пленку, показывающую допрос ее сына, которая заканчивается словами, что его казнят. После этого его уводят солдаты. Более шести лет она ничего не знает о нем. За это время заявительница несколько раз обращалась с запросом о судьбе сына в различные органы власти, как письменно, так и устно при посещении (см. пар. 21-40 выше). Несмотря на все попытки, заявительница никогда не получала какого-либо правдоподобного ответа или информации о том, что случилось с Яндиевым после его ареста 2 февраля 2000 года. Ответы, полученные заявительницей, в основном отрицали ответственность государства за арест сына и его исчезновение или просто информировали о том, что расследование проводится. Выводы Суда согласно процессуальным аспектам Статьи 2 (приведенные выше) здесь также уместны (см. пар. 120-125), особенно факт того, что уголовное расследование по поводу исчезновения человека было начато только спустя полтора года.

141. С учетом вышесказанного, Суд заключает, что заявительница испытала и продолжает испытывать страдания, горе и мучения по поводу пропажи сына и невозможности выяснить, что с ним случилось. Стиль обращения властей с ее жалобами, можно считать бесчеловечным обращением в нарушение Статьи 3.

5.2.4 Унижающее достоинство обращение или наказание

Ireland v United Kingdom (1978 г.), см. пар.167

167. [...] Методы были также унижающими, так как они таковы, что вызывают в своих жертвах чувство страха, страдания и неполноценности, что унижает и обесценивает их, возможно, разрушая их физическое и моральное сопротивление.

East African Asians v United Kingdom (1973 г.), см. пар. 189

189. [...] Термин “унижающее достоинство обращение” в данном контексте показывает, что общая цель положения – предотвратить серьезный вред достоинству человека, особенно жесткого характера. Отсюда следует, что любое действие, которое понижает человека в звании, положении, наносит ущерб его доброму имени или репутации, может быть признано “унижающим достоинство” в свете Статьи 3, при условии, что данное действие достигает определенного уровня жестокости.

Abdulaziz, Cabales and Balkandali v United Kingdom (1985 г.), см. пар. 91

91. Суд отмечает, что различие в обжалованном обращении не означало попытки умалить уважение к персоналии заявителей и не предполагало и не унижало их достоинства, а служило исключительно для достижения заявленной цели ... Поэтому, нельзя трактовать эти различия как “унижающие достоинство”.

Labita v Italy (2000 г.), см. пар. 120

120. Суд напоминает, что жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости для того, чтобы подпадать под действие Статьи 3. Оценка этого минимума относительна: она зависит от обстоятельств дела, например, от продолжительности вмененного жестокого обращения, физических и психологических последствий и, в некоторых случаях, пола, возраста и состояния здоровья жертвы. Что касается человека, лишённого свободы, применение физической силы без острой необходимости в виду его поведения, умаляет достоинство человека и, в принципе, нарушает права, устанавливаемые Статьей 3.

Ненадлежащее обращение было признано Судом “бесчеловечным”, поскольку среди прочего, оно было преднамеренным, применялось часами без перерыва и причиняло либо телесные повреждения, либо сильные физические и психологические страдания. Такое обращение также является “унижающим достоинство”, поскольку в жертвах такое обращение вызывало чувство страха, страданий и неполноценности, что приводило к унижению их достоинства. Для того чтобы наказание или обращение связывалось с понятием “бесчеловечного” или “унижающего достоинство”, страдания или бесчеловечность должны в любом случае превосходить пределы страданий и унижений, которые неизбежно возникают при законном обращении или наказании. Вопрос о том, что целью жестокого обращения было унижение достоинства жертвы, является дополнительным фактором, принимаемым во внимание, но отсутствие какой-либо из данных целей не может заставить полностью отказаться от выявления нарушений Статьи 3.

5.3 Бремя доказывания и критерий доказанности

Ireland v United Kingdom (1978 г.), см. пар. 161

161. [...] Суд соглашается с подходом Комиссии в отношении доказательства, на основе которого принимается решение о нарушении Статьи 3. Для оценки этого доказательства Суд принимает критерий доказанности “выше обоснованного сомнения”, но добавляет, что такое доказательство может вытекать из совместного существования достаточно сильных, четких и сходных заключений или похожих неоспоримых предположений факта. В данном контексте должно учитываться поведение сторон при даче свидетельских показаний.

Ribitsch v Austria (1995 г.), см. пар. 34

34. Нет никакого сомнения, что телесные повреждения г-на Рибитш были получены во время его содержания под стражей в полиции, что в любом случае незаконно, поскольку он находился полностью во власти полицейских. Оправдание судом офицера полиции Маркла в уголовном деле на основании принципа презумпции невиновности не освобождает Австрию от ответственности

в рамках Конвенции. Таким образом, правительство также обязано предоставить правдоподобное объяснение, как заявителю были нанесены телесные повреждения. Но правительство не более чем сослалось на исход рассмотрения уголовного дела внутригосударственным судом, где высокого критерия доказанности для обеспечения осуждения в уголовном порядке получено не было. Также ясно, что в данном контексте значительные усилия были приложены для объяснения того, что повреждения были получены в результате удара о дверь автомобиля при падении. Как и Комиссия, Суд находит данное объяснение неубедительным; он считает, что, даже если г-н Рибитш упал, когда его вели под конвоем, то такое объяснение слишком поверхностное и, следовательно, звучит очень неубедительно в свете рассматриваемых телесных повреждений.

На основании всего материала, представленного Суду, он заключает, что правительством не было представлено удовлетворительных доказательств того, что телесные повреждения заявителя были вызваны чем-либо иным, а ни полностью, преимущественно или частично обращением с ним во время его содержания под стражей.

Aksoy v Turkey (1996 г.), см. пар. 61

61. Суд, решив принять установленные комиссией фактические обстоятельства, считает, что в случае, когда физическое лицо берется под стражу здоровым, но к моменту освобождения у него обнаруживаются телесные повреждения, государство обязано представить правдоподобное объяснение причин телесного повреждения. При отсутствии такого объяснения возникает очевидный вопрос по применению Статьи 3 Конвенции.

Rehbock v Slovenia (2002 г.), см. пар. 72

72. В данном деле заявитель был арестован не в ходе случайной операции, которая могла привести к неожиданному развитию, из-за чего для ответных мер могла быть вызвана полиция, которая заранее не готовилась к этому. В досудебных документах указано, что полиция планировала операцию по аресту заранее, и что у них было достаточно времени для оценки возможных рисков и принятия всех необходимых мер для проведения ареста. В нем принимало участие тринадцать полицейских, и они явно превосходили по численности трех подозреваемых, которых нужно было арестовать. Более того, заявитель не угрожал полицейским, арестовавшим его, например, выставленным напоказ оружием или нападением на них. При этих условиях, учитывая особо серьезный характер телесного повреждения заявителя и видя, что спорные вопросы не являлись предметом определения внутригосударственного суда, бремя доказательства того, что отсутствовало чрезмерное применение силы, лежит на правительстве, причем с использованием убедительных аргументов.

Ireland v United Kingdom (1978 г.), см. пар. 160

160. Для того, чтобы убедиться в существовании или отсутствии в Северной Ирландии действий, противоречащих Статье 3, Суд не будет опираться на концепцию того, что бремя доказывания лежит на одном из двух правительств, имеющих отношение к делу. В таких случаях, Суд изучает весь представленный Комиссией материал, заслушивает стороны или другие источники, и при необходимости получает материал по собственной инициативе.

Popov v Russia (2006 г.), см. пар. 193

193. Суд повторяет, что заявления о ненадлежащем обращении должны подкрепляться соответствующим доказательством. Для оценки этого доказательства, Суд принимает критерий доказанности «при отсутствии разумных оснований для сомнения», но добавляет, что такое доказательство может вытекать из совместного существования достаточно сильных, четких и сходных предположений или похожих неоспоримых презумпций факта (смотри дело **Labita v**

Italy [GC], № 26772/95, пар. 121, ECHR 2000-IV). В том случае, когда индивид берется под стражу здоровым, но к моменту освобождения у него обнаруживаются телесные повреждения, государство обязано представить правдоподобное объяснение причины повреждений, При отсутствии такого объяснения появляется очевидный вопрос по Статье 3 Конвенции (смотри дело **Tomasi v France**, решение суда от 27 августа 1992, Серия А №. 241-а, стр. 40-41, пар. 108-11, и дело **Ribitsch v Austria**, решение суда от 4 декабря 1995, Серия А № 336, стр. 25-26, пар. 34).

Boicenco v Moldova (2006 г.), см. пар. 105-111

105. В настоящем деле не подвергается сомнению тот факт, что между его арестом днем 20 мая 2005 и последующим поступлением в больницу в 11.37 вечера, заявитель находился в тюремном заключении в CFECС. Также неоспоримо, что до ареста у заявителя отсутствовали какие-либо определенные отклонения в состоянии физического здоровья (смотри выше параграф 8), но после полицейского участка он находился без сознания более четырех часов (смотри выше параграфы 12-13).

106. Правительство утверждает, что заявитель потерял сознание в результате стресса, а не жестокого обращения, что подтверждается отсутствием синяков на его теле. Более того, правительство выразило свои сомнения в диагнозе, поставленном врачами тюремной больницы в отношении острой травмы головы и сотрясения мозга.

107. Суд не видит причины не доверять этому диагнозу. В этом отношении он отмечает, что диагноз был поставлен врачами тюремной больницы. Правительством не было представлено противоположного медицинского мнения и, во всяком случае, впоследствии диагноз был подтвержден судебной экспертизой от 28 октября 2005 и отчетами психиатрической экспертизы от 20 сентября и 15 ноября 2005, которые были заказаны внутригосударственным судом (смотри выше параграфы 21-22).

108. Более того, травма головы не является единственным необъясненным телесным повреждением. В соответствии с медицинским архивом тюремной больницы, у него болели почки, и моча была красного цвета (см. выше параграфы 15-16). Правительством не было предоставлено ни одного доказательства, что эти симптомы были результатом чего-то иного, помимо заявленного жестокого обращения 20 мая 2005 года.

109. Тот факт, что у заявителя не было синяков и других видимых признаков жестокого обращения на его теле, по мнению Суда, не является неоспоримым. Суду хорошо известно, что есть методы применения силы, при которых отсутствуют следы на теле пострадавшего.

111. На основании всех материалов, представленных Суду, он заключает, что правительством не было представлено удовлетворительных доказательств того, что повреждения заявителя были вызваны чем-либо иным, а не полностью, преимущественно или частично обращением с ним во время его содержания под стражей в полиции.

5.4 Ответственность государства

5.4.1 Негативные обязательства

5.4.1.1 Под прямым контролем государства

Ireland v United Kingdom (1978 г.), см. пар. 159

159. [...]Трудно предположить, чтобы высшие органы государства не знали или, по меньшей мере, имели право не знать о существовании такой практики. Более того, согласно Конвенции, органы государственной власти обязаны четко руководить своими подчиненными; органы государственной власти обязаны устанавливать свои предписания, и неспособность государства обеспечить выполнение этих предписаний не является отговоркой.

5.4.2 Спорные/оккупированные территории

Plascu and Others v Moldova and Russia (2004 г.), см. пар. 311, 317 и 319

311. Из Статьи 1 следует, что представители государства должны отвечать за любое нарушение защищаемых Конвенцией прав и свобод, направленных против индивидов, находящихся под “юрисдикцией” данного государства.

Осуществление юрисдикции является необходимым условием для страны – участницы Конвенции, чтобы нести ответственность за вменяемые действия или бездействия, которые могут привести к жалобе о нарушении прав и свобод, устанавливаемых Конвенцией.

...

Эти обязательства остаются в силе даже тогда, когда осуществление властных полномочий государства ограничивается частью его территории, и оно обязано предпринять надлежащие меры в рамках своей компетенции.

...

В соответствии с надлежащими принципами международного законодательства, ответственность государства может возникать тогда, когда вследствие военных действий – законно или незаконно – оно фактически осуществляет действенный контроль над зоной, расположенной вне территориальных пределов государства. Обязательства обеспечивать в такой зоне права и свободы, оговоренные Конвенцией, проистекают из факта контроля, будет ли он осуществляться напрямую с помощью вооруженных сил, или через подчиненную местную организацию (там же).

...

316. Когда государство – участник конвенции осуществляет полный контроль над зоной за пределами своей территории, его ответственность не ограничивается действиями солдат или своих официальных представителей, но также распространяется на действия местной администрации, которая существует благодаря военной или иной поддержке (см. дело **Cyprus v Turkey**, приведенное выше, пар. 77).

317. Ответственность государства может также возникать в отношении действий, которые оказывают достаточно прямые последствия на права, гарантированные Конвенцией, даже если такие последствия возникают вне пределов юрисдикции государства. Таким образом, относительно экстрадиции в страну, не участвующую в Конвенции, Суд признал, что государство – участник Конвенции действует в разрез с основополагающими ценностями Конвенцией, “общего наследия традиций в политической сфере, идеалов, свобод и господства закона”, на которые имеется ссылка в преамбуле, если оно сознательно выдает беженца другому государству, где имеются явные признаки того, что для данного человека имеется реальный риск подвергнуться пыткам или бесчеловечному, унижающему достоинство обращению или наказанию (см. дело **Soering v the United Kingdom**, решение суда от 7 июля 1989, Серия А №. 161, стр. 35, пар. 88-91).

...

319. Государство может быть признано ответственным даже тогда, когда его представители действуют сверх наделенных полномочий или в противоречии с инструкциями. Согласно Конвенции,

органы государственной власти обязаны четко руководить своими подчиненными; органы государственной власти обязаны устанавливать свои предписания, и неспособность государства обеспечить выполнение этих предписаний не является отговоркой (см. дело **Ireland v the United Kingdom**, судебное решение от 18 января 1978, Серия А №. 25, стр. 64, пар. 159; смотри также Статью 7 законопроекта Комиссии по Международному праву относительно ответственности государства по противоправным актам относительно международного права (“работа Комиссии по международному праву (ILC)”), стр. 104, и дело **Cairo**, заслушанное Генеральной комиссией по рассмотрению взаимных претензий, (1929), отчеты Международной Арбитражной Палаты 5 (RIAA), стр. 516).

5.4.3 Подвергание обращению в нарушение Статьи 3 при высылке или экстрадиции

Soering v United Kingdom (1989 г.), см. пар. 88

88. [...] Тот факт, что специальное соглашение должно детально разяснять обязательства относительно запрещения применения пыток, не означает, что в принципе такое же обязательство уже традиционно включено в общую часть Статьи 3 Европейской Конвенции. Вряд ли будет согласовываться с основополагающими ценностями Конвенции “общего наследия традиций в политической сфере, идеалов, свобод и господства закона”, на которые в преамбуле даются ссылки, факт преднамеренной выдачи страной – участницей Конвенции, беженца другому государству, где имеются явные признаки наличия опасности для него быть подвергнутым пыткам, не смотря на отвратительное преступление, в котором обвиняется этот человек. В таких обстоятельствах экстрадиция, хотя и не упомянутая в представлениях по делу и общих положениях Статьи 3, будет очевидно противоречить духу и намерениям Статьи, и, по мнению Суда, это традиционное обязательство не экстрадировать также распространяется на случаи, в которых беженец в принимающей стране подвергнется реальному риску встретиться с бесчеловечным, унижающим достоинство обращением или наказанием, запрещенным этой Статьей.

Saadi v Italy (2008 г.), см. пар. 139-141

139. Суд считает, что аргумент, основанный на том, что риск нанесения вреда, если лицо высылается назад, должен сопоставляться с опасностью, которую он или она представляют для сообщества, если высылки не будет, неправильно понимается. В данном контексте концепции “риска” и “опасности” не являются тестом на сопоставимость, поскольку они являются понятиями, которые должны оцениваться отдельно друг от друга. Либо доказательства, представленное Суду, показывают, что существует явный риск, если лицо будет выслано назад, либо не показывают. Перспектива того, что данное лицо может представлять серьезную угрозу для сообщества, если его не выслать, ни в коей мере не снижает степени риска жестокого обращения, которому может подвергаться человек при возвращении. По этой причине было бы неправильно применять более высокий критерий доказанности, как представлено третьей стороной, когда лицо предположительно представляет собой серьезную опасность для сообщества, поскольку оценка степени риска не зависит от этого теста.

140. Относительно второй ветви аргументов правительства Соединенного Королевства о том, что когда заявитель представляет угрозу национальной безопасности, должно быть представлено более серьезное доказательство наличия риска жестокого обращения (см. параграф 122 выше), Суд считает, что такой подход не совместим с безоговорочным характером защиты в соответствии со Статьей 3. Это равносильно заявлению, что в отсутствие доказательств, отвечающих более высокому критерию, защита национальной безопасности с большей готовностью оправдывают приемлемость риска жестокого обращения по отношению к индивиду. Поэтому Суд не видит причины изменять соответствующий критерий доказанности, требуя в подобных данному делах, чтобы было доказано, что жестокое обращение “скорее вероятно, чем нет”, как предлагает третья сторона. Наоборот, Суд вновь напоминает, что чтобы планируемая принудительной высылке нарушала Конвенцию,

необходимо – и достаточно – для явных доказательств показать, что имеется реальный риск, что данное лицо будет подвергнуто в принимающей стране обращению, которое запрещено Статьей 3 (см. параграфы 125 и 132 выше и прецедентное право в этих параграфах).

141. Далее Суд отмечает, что аргументы подобные тем, которые выдвинуты третьей стороной процесса по настоящему делу, уже были отвергнуты в решении Суда по делу *Chahal*, описанному выше. Даже если, как правительства Италии и Соединенного Королевства утверждают, угроза терроризма с тех пор увеличилась, это обстоятельство не поставит под сомнение выводы судебного решения по делу *Chahal* относительно последствий безоговорочного характера Статьи 3.

Said v Netherlands (2005 г.) см. пар. 46, 48-49.

46. В начале Суд повторяет что страны – участницы Конвенции имеют право, исходя из существа четко сформулированного международного права и оговоренных обязательств, включая Конвенцию, контролировать въезд, проживание и высылку подданных другого государства. Однако, высылка иностранца государством – участником Конвенции может привести к применению Статьи 3, и, следовательно, согласно Конвенции накладывает ответственность на это государство, когда явные признаки указывают на то, что данное лицо при его депортации, будет подвергнуто в принимающей стране реальному риску жестокого обращения в нарушение Статьи 3. В этих обстоятельствах Статья 3 накладывает обязательства не депортировать указанное лицо в данную страну (см., среди прочих дело **H.L.R. v France**, решение суда от 29 апреля 1997, Отчеты и Решения по судебным делам 1997-iii, стр. 757, пар. 33-34).

48. Поскольку суть ответственности стран - участниц Конвенции согласно Статье 3 в делах такого типа лежит в акте подвержения индивида риску жестокого обращения, существование риска сперва должно оцениваться в связи с фактами, которые были известны или должны быть известны стране-участнице Конвенции на момент высылки (см. дело **Vilvarajah and Others v the United Kingdom**, 30 октября 1991, Серия А № 215, стр. 36, пар. 107, и дело **H.L.R. v France**, приведенное выше, стр. 758, пар. 37). В данном деле, учитывая, что заявитель еще не выслан, материальной точкой на данный момент является рассмотрение дела Судом. И хотя историческая ситуация может быть интересной, поскольку может пролить свет на текущую ситуацию и показать вероятный процесс эволюции, текущие условия являются решающими и поэтому необходимо принимать во внимание информацию, которая появилась на свет после того, как внутригосударственный суд принял окончательное решение (см. дело **Chahal v the United Kingdom**, решение суда от 15 ноября 1996, стр. 1856 и 1859, пар. 86 и 97, Отчеты 1996-v, и **H.L.R. v France**, приведенные выше).

49. При определении доказанности того, что при высылке в Эритрею для заявителя появляется реальный риск быть подвергнутым жестокому обращению в нарушение Статьи 3, Суд будет оценивать суть вопроса в свете всех представленных ему материалов или, если необходимо, материалов полученных по собственной инициативе. В данном контексте Суд признает, что может быть трудно получить прямые документальные доказательства того, что сам заявитель или заявительница по какой-либо причине востребованы властями страны своего происхождения (см. дело **Bahaddar v the Netherlands**, решение суда от 19 февраля 1998, Отчеты 1998-I, стр. 263, пар. 45). Тем не менее, на лица, которые жалуются, что их высылка равносильна нарушению Статьи 3, ложится обязанность предоставлять, насколько это практически возможно, материалы и информацию, которые бы позволили заинтересованной стране – участнице и Суду оценить риск высылки.

N. v Finland (2005 г.), см. пар. 160

160. Изучение Судом наличия риска жестокого обращения в нарушение Статьи 3 должно проводиться очень тщательно в свете безоговорочного характера этого положения и того факта, что оно защищает одну из фундаментальных ценностей демократического общества, что лежит в основе

Совета Европы. При определении имеются ли достаточные доказательства наличия реального риска жестокого обращения в нарушение Статьи 3, Суд будет оценивать вопрос в свете всех представленных ему материалов и, если необходимо, материалов, добытых самим Судом (там же, стр. 1859, пар. 96-97). Оценка существования риска должна производиться на основе информации относительно условий, преобладающих в момент рассмотрения дела Судом, соответствующих исторических условий, поскольку это может пролить свет на текущую ситуацию, и вероятного эволюционного процесса (там же, стр. 1856, пар. 86).

см. пар. 39-40

39. Далее Суд отмечает, что учитывая тот факт, что Статья 3 защищает одну из фундаментальных ценностей демократического общества и безоговорочно запрещает применение пыток, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения или наказания, необходимо проводить тщательную проверку жалоб индивидов о том, что его или ее депортация в третью страну приведет к тому, что это лицо подвергнется обращению, запрещенному Статьей 3.

40. Суд не убедили в том, что власти государства-ответчика провели какую-либо значимую оценку жалобы заявительницы, включая ее спорность. Похоже, что неспособность заявительницы соблюсти требование о пятидневном сроке для регистрации прошения в соответствии с Положением о предоставлении убежища от 1994 года, лишило ее возможности добиться проведения тщательной проверки фактической основы ее опасения относительно высылки в Иран (см. параграф 16 выше). По мнению Суда, автоматическое и механическое использование такого короткого срока для представления прошения об убежище должно рассматриваться как расхождение с защитой фундаментальной ценности, оговоренной в Статье 3 Конвенции. Местному представительству Верховного Комиссара ООН по делам беженцев пришлось выяснять у заявительницы подоплеку ее прошения об убежище и оценивать риск, которому она может подвергнуться в свете сути правонарушения, в котором ее обвинили. На ее заявление по судебному пересмотру, административный суд Анкары ограничился только вопросом формальной законности депортации заявительницы, а не более очевидным вопросом сути ее опасений, хотя к тому моменту заявительница должна была иметь более чем спорное заявление о возможности быть подвергнутой риску в случае ее высылки на родину.

H.L.R. v France (1997 г.), см пар. 40

40. Благодаря безоговорочному характеру гарантируемого права, Суд не исключает возможности применения Статьи 3 Конвенции в случаях, когда опасность исходит от лиц или группы лиц, которые не являются государственными должностными лицами. Однако требуется доказать, что риск является реальным и власти принимающего государства не в состоянии устранить риск, обеспечив надлежащую защиту.

D. v United Kingdom (1997 г.), см. пар. 49-50

49. Действительно этот принцип до сих пор применялся Судом в контексте, когда риск для индивида подвергнуться любой оговоренной форме жестокого обращения исходит от преднамеренно применяемого действия властей в принимающей стране или от негосударственных субъектов страны, когда власти неспособны обеспечить надлежащую защиту. В отличие от таких ситуаций и учитывая фундаментальную важность Статьи 3 в рамках Конвенции, Суд должен иметь достаточную гибкость, чтобы рассматривать применение данной Статьи в другом контексте, который может появиться. Поэтому Суду ничто не препятствует в проведении тщательной проверки жалобы заявителя по Статье 3, где источник риска оговариваемого обращения в принимающей стране происходит из факторов, которые напрямую или опосредованно не могут возлагать ответственность на властные структуры страны, или взятые обособленно, сами по себе не нарушают принципы Статьи 3.

Ограничение применения Статьи 3 подобным образом подорвало бы безоговорочный характер защиты. Тем не менее, в любом из таких контекстов Суд должен рассмотреть все обстоятельства по делу самым тщательным образом, особенно персональную ситуацию заявителя в высылающей стране.

50. Исходя из обстоятельств дела, Суд будет определять, существует ли реальный риск того, что высылка заявителя будет противоречить принципам Статьи 3 в свете его текущего состояния здоровья. При этом Суд будет оценивать риск в свете имеющихся у Суда материалов на момент рассмотрения дела, включая наиболее свежую информацию о состоянии здоровья заявителя.

Bader and Others v Sweden (2005 г.), см. пар. 46-47

46. Суд считает, что первый заявитель вполне обоснованно боится, что смертный приговор, который ему вынесен, может быть приведен в исполнение, если его вернут на родину. Более того, поскольку приговоры приводятся в исполнение без всякого общественного расследования или контроля, обстоятельства, относящиеся к его приговору, несомненно, вызывают серьезный страх и мучения у первого заявителя, поскольку и он и другие заявители будут испытывать невыносимую неопределенность по поводу того, когда, где и как может произойти казнь.

47. ... из решения суда Сирии становится очевидным, что на заседаниях суда не принимались во внимание устные показания. Рассматривались только показания, которые представил прокурор. Ни подсудимый, ни даже его защитник не присутствовали на слушаниях. Суд считает, что, учитывая общую атмосферу и полное игнорирование прав защиты, судебное разбирательство следует признать вопиющим отрицанием справедливого суда. Естественно, что это значительно повышает неопределенность и страдания заявителей в случае повторного расследования их дел в Сирии.

В свете вышесказанного, Суд считает, что смертный приговор, вынесенный первому заявителю в результате несправедливого судебного разбирательства, несомненно, вызовет дополнительный страх и страдания заявителей по поводу их будущего, если они будут насильно возвращены в Сирию, поскольку там существует реальная возможность того, что приговор будет приведен в исполнение.

Ahmed v Austria (1996 г.), см. пар. 41

41. ... действия данного индивида, несмотря на то, что они нежелательны и опасны, не могут быть предметом рассмотрения. Таким образом, защита, обеспечиваемая Статьей 3 (art. 3) шире, чем та, что обеспечивает Статья 33 Конвенции 1951 года относительно статуса беженцев (см. параграф 24 выше и судебное решение по вышеупомянутому делу **Chahal**, стр. 1855, пар. 80).

Garabayev v Russia (2007 г.), см. пар. 79-80

79. Следующим шагом Суд проверит, получила ли должную оценку эта информация до экстрадиции. В данном деле Суд не усматривает каких-либо оснований для положительного ответа на данный вопрос. Например, не было запрошено никаких гарантий относительно неприменения к заявителю жестокого обращения, противоречащего Статье 3. Не подавались и не регистрировались просьбы о предоставлении медицинских отчетов или посещений независимыми наблюдателями (см. дело **Mamatkulov and Askarov v. Turkey** [GC], указанное выше, пар. 76-77). Ответ от 11 ноября 2002 года из PGO на запрос адвоката касался только уголовного расследования, которое послужило формальным основанием для экстрадиции, а вопросы относительно Статьи 3 в ответе не раскрывались.

80. Более того, стороны не подвергают сомнению тот факт, что заявитель был проинформирован о решении по его экстрадиции в день отправки в Туркменистан. Ему не разрешили оспорить это решение или связаться со своим адвокатом. В решении внутригосударственного суда, который

признал экстрадицию противозаконной после того, как она произошла, также не учитывались доводы по Статье 3, и не приводились какие-либо ссылки на меры для улучшения ситуации заявителя в этой связи. В этих обстоятельствах, Суд смог только заключить, что компетентные органы не дали должной оценки реального риска жестокого обращения. Экстрадиция была проведена без должной оценки угрозы.

5.4.5 Позитивные обязательства

5.4.5.1 Общие обязательства

A. v United Kingdom (1998 г.), пар. 22

22. По-прежнему необходимо установить, должно ли Государство нести ответственность в соответствии со Статьей 3 за избивание заявителя его приемным отцом.

Суд считает, что обязательство Высоких Договаривающихся Сторон согласно Статье 1 Конвенции обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные Конвенцией, в совокупности со Статьей 3, требует от Государства принятия мер, направленных на обеспечение того, чтобы никто в пределах его юрисдикции не подвергался пыткам или бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию, включая такое жестокое обращение частных лиц. В частности, дети и другие уязвимые лица имеют право на защиту Государства в форме эффективного сдерживания от таких серьезных нарушений личной неприкосновенности.

Z. v United Kingdom (2001 г.), пар. 73

73. Суд повторяет, что Статья 3 закрепляет одну из наиболее фундаментальных ценностей демократического общества. Она безоговорочно запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Обязательство Высоких Договаривающихся Сторон согласно Статье 1 Конвенции обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные Конвенцией, в совокупности со Статьей 3, требует от Государства принятия мер, направленных на обеспечение того, чтобы никто в пределах его юрисдикции не подвергался пыткам или бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию, включая такое жестокое обращение частных лиц. Подобные меры должны предоставлять эффективную защиту, в частности, детям и другим уязвимым лицам и включать в себя действия, направленные на предотвращение жестокого обращения, о котором властям было известно или должно было быть известно.

5.4.5.2 Обязательство обеспечить эффективную законодательную базу

M.C. v Bulgaria (2003 г.), пар.149-153, 186-187.

- (а) Существование позитивного обязательства наказывать за изнасилование и расследовать дела об изнасиловании

150. Позитивные обязательства Государства характерны для права на эффективное уважение частной жизни в соответствии со Статьей 8; данные обязательства могут включать в себя принятие мер даже в сфере взаимоотношений лиц. Несмотря на то, что выбор средств для обеспечения соблюдения Статьи 8 в сфере защиты от действий лиц в принципе находится в пределах усмотрения Государства, эффективное сдерживание в отношении таких серьезных действий, как изнасилование, когда под угрозой находятся фундаментальные ценности и ключевые аспекты частной жизни, требует обеспечения эффективного уголовного законодательства. В частности, дети и другие уязвимые лица имеют право на эффективную защиту.

151. В ряде случаев Статья 3 Конвенции приводит к позитивному обязательству провести официальное расследование. Такое позитивное обязательство в принципе не может ограничиваться одними только делами, касающимися жестокого обращения со стороны представителей Государства.

153. На этом основании Суд считает, что Государство несет позитивное обязательство, характерное для Статей 3 и 8 Конвенции, вводить в действие положения уголовного законодательства, эффективно наказывая за изнасилование, и применять их на практике посредством следствия и уголовного преследования.

181. Что касается доводов Государства о том, что внутреннее законодательство предусматривает возможность гражданского иска о возмещении ущерба в отношении исполнителя преступления, Суд отмечает, что данное утверждение не было аргументировано. В любом случае, как указано выше, эффективная защита от изнасилования и половых преступлений требует принятия мер уголовно-правового характера.

187. Таким образом, Суд считает, что в настоящем деле имело место нарушение позитивных обязательств Государства-ответчика в соответствии со Статьями 3 и 8 Конвенции.

5.4.6 Процессуальные обязательства

5.4.6.1 Обязательство проведения эффективного официального расследования

Assenov v Bulgaria (1998 г.), см. пар. 102

102. Суд считает, что в данных обстоятельствах, когда лицо подает доказуемый иск, что оно незаконно и в нарушение Статьи 3 подверглось жестокому обращению со стороны полиции или других подобных представителей Государства, это положение, рассмотренное в сочетании с общей обязанностью Государства в соответствии со Статьей 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные Конвенцией», предполагает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование. Это расследование, как и в случае расследования в соответствии со Статьей 2, должно быть способно привести к установлению и наказанию виновных. В противном случае, общий правовой запрет в отношении пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на свою фундаментальную важность, был бы на практике неэффективен, и в некоторых случаях представители Государства могли бы практически безнаказанно нарушать права лиц, находящихся под их контролем.

Ihan v Turkey (2000 г.), см. пар. 91-92

91. Процессуальные обязательства применяются в соответствии с Конвенцией в различных ситуациях, когда выявляется необходимость обеспечить, чтобы права, гарантируемые Конвенцией, были не теоретическими и иллюзорными, но практическими и эффективными. По этой причине обязательство обеспечить эффективное расследование по делу смерти в результате, в числе прочего, действий сил безопасности Государства подразумевалось в соответствии со Статьей 2, которая гарантирует право на жизнь. Данное положение, однако, включает в себя требование того, что право на жизнь должно «охраняться законом». Оно также касается ситуаций, когда инициатива должна исходить от Государства по причине того, что жертва мертва, а обстоятельства смерти известны главным образом государственным служащим.

92. Однако Статья 3 сформулирована, как материальная норма. Кроме того, хотя жертва утверждаемого нарушения настоящего положения может находиться в уязвимом положении, практическая острота положения зачастую будет отличаться от случаев применения силы со смертельным исходом или смерти при подозрительных обстоятельствах. Суд считает, что требования в соответствии со

Статьей 13 Конвенции, что лицу, подающему доказуемую жалобу на нарушение Статьи 3, должны быть предоставлены эффективные средства правовой защиты, обеспечит как возмещение вреда заявителю, так и процессуальные гарантии в отношении противоправных действий представителей Государства. Прецедентное право Суда устанавливает, что понятие эффективных средств правовой защиты в данном контексте включает в себя обязанность проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и наказанию ответственных за какое-либо жестокое обращение, а также эффективный доступ заявителя к следственному процессу. Таким образом, уместность или необходимость установления процессуального нарушения Статьи 3 будет зависеть от обстоятельств конкретного дела.

Valasinas v Lithuania (2001 г.), пар. 122

122. [...] Статья 3 гарантирует право на адекватное внутригосударственное расследование в отношении «достоверных заявлений, касающихся жестокого обращения» в пределах значения Статьи 3 Конвенции, «способное привести к установлению личности и наказанию ответственных» за подобное обращение.

[...] Суд установил нарушение Статьи 3 на основании того, что власти не провели расследования утверждаемого нарушения Статьи 3.

Khashiyev and Akayeva v Russia (2005 г.), см. пар. 177-180.

177. Процессуальные обязательства применяются в соответствии с Конвенцией в различных ситуациях, когда выявляется необходимость обеспечить, чтобы права, гарантируемые Конвенцией, были не теоретическими и иллюзорными, но практическими и эффективными. В ряде своих решений Суд заключил, что в тех случаях, когда есть достоверные сведения о том, что лицо незаконно и в нарушение Статьи 3 подверглось жестокому обращению со стороны полиции или других подобных представителей Государства, это положение, рассмотренное в сочетании с общей обязанностью Государства в соответствии со Статьей 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные ... Конвенцией», предполагает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование. Это расследование, как и в случае расследования в соответствии со Статьей 2, должно быть способно привести к установлению и наказанию виновных. В противном случае, общий правовой запрет в отношении пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на свою фундаментальную важность, был бы на практике неэффективен, и в некоторых случаях представители Государства могли бы практически безнаказанно нарушать права лиц, находящихся под их контролем.

178. Процессуальный элемент Статьи 3 применяется, в частности, там, где Суд не способен сделать выводы о том, имело ли место запрещенное Статьей 3 Конвенции обращение, которое происходит, хотя бы частично, из отсутствия эффективной реакции властей на такие жалобы в соответствующее время.

179. Суд отметил, что государственные власти провели определенные расследования утверждений заявителей о том, что их родственники подвергались перед смертью пыткам и бесчеловечному обращению. Однако не было выполнено никаких вскрытий и судебно-медицинских экспертиз, что привело к тому, что точный характер и обстоятельства смерти не были установлены. То, что не были выявлены и допрошены другие возможные свидетели событий [...], а также военнослужащие воинских частей, дислоцированных там в то время, также, скорее всего, не дало возможности получить конкретные доказательства бесчеловечного обращения и, соответственно, установить и наказать виновных. Помня о своих выводах по поводу результативности расследования (см. пар. 156-166 выше), Суд не считает, что это расследование было достаточно тщательным и эффективным, чтобы удовлетворить вышеуказанным требованиям Статьи 3.

180. В этих обстоятельствах, принимая во внимание отсутствие тщательного и эффективного расследования в отношении обоснованных предположений, сделанных заявителями, о том, что их родственники стали жертвами обращения, противоречащего Статье 3, Суд отклоняет предварительное возражение Правительства по поводу исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и считает, что имело место нарушение процессуальных требований Статьи 3 Конвенции.

Maslova and Nalbandov v Russia (2008 г.), см. пар. 95-96

95. Изучив обстоятельства дела, Суд считает, что действительно можно признать тот факт, что власти предприняли соответствующие действия для установления и наказания виновных в инциденте, и, если бы не нарушения властями внутригосударственных процессуальных норм в первые пять месяцев после того, как было заведено уголовное дело, в соответствии с которым, по признанию внутригосударственных судов, основные доказательства были признаны неприемлемыми (см. параграфы 49, 51-52 и 58-59), судебное разбирательство, вполне возможно, могло бы соответствовать требованиям процессуальной части Статьи 3. Тем не менее, согласно фактам, компетентные органы власти совершили процессуальные ошибки непоправимого характера, которые, в конечном счете, поставили в тупик уголовный процесс против предположительно замешанных в преступлении должностных лиц.

96. В отсутствие какого-либо другого правдоподобного объяснения данных ошибок Правительства, Суд считает, что основные их причины кроются в явной некомпетентности органов прокуратуры, проводивших расследование в период с 26 ноября по 5 июля 2000г.

Ognyanova and Choban v Bulgaria (2006 г.), см. пар. 105-107

105. Это расследование также должно быть эффективным в том смысле, что оно способно привести к установлению и наказанию виновных. Это обязательство не в отношении результата, но в отношении средств. Власти должны были предпринять возможные разумные действия, направленные на обеспечение сохранности доказательств, имеющих отношение к инциденту, включая, в числе прочего, показания свидетелей, судебные доказательства и, где возможно, результаты вскрытия, которые предоставляют полное и точное описание повреждений, а также объективный анализ клинических данных, включая причину смерти. Вследствие любой недостаточности в расследовании, которая подрывает его способность установить причину смерти или ответственное лицо, появляется риск расхождения с данным стандартом (см. *Angelova*, цит. выше, пар. 136-39, с дальнейшими ссылками).

106. В данном контексте подразумевается требование быстроты и разумных сроков. Нужно признать, что могут встретиться препятствия и трудности, мешающие продвижению расследования в конкретной ситуации. Однако быстрые действия властей в ходе расследования случаев применения силы со смертельным исходом могут считаться ключевыми для поддержания общественного доверия в отношении соблюдения властями правовых норм и предотвращения сговора или допущения противоправных действий (см. *McKerr v the United Kingdom*, no. 28883/95, пар. 114, ECHR 2001-iii, с дальнейшими ссылками).

107. По той же причине должна существовать достаточная возможность контроля следствия или его результатов со стороны общественности для того, чтобы на практике и в теории обеспечить отчетность, а также для поддержания общественного доверия в отношении соблюдения властями правовых норм и предотвращения сговора или терпимости допущения противоправных действий. Необходимая степень общественного контроля может меняться от дела к делу. Тем не менее, во всех случаях ближайший родственник жертвы должен участвовать в процедурах в той мере,

которая необходима для того, чтобы гарантировать его или ее законные интересы (*ibid.*, пар. 115; и **Anguelova**, цит. выше, пар. 140, с дальнейшими ссылками).

5.5 Типичные ситуации, когда происходит нарушение Статьи 3

5.5.1 Содержание под стражей

5.5.1.1 Применение физической силы в отношении лиц, содержащихся под стражей

Labita v Italy (2000 г.), см. пар. 120

120. [...] Применение физической силы в отношении лица, лишённого свободы, без строгой на то необходимости, вызванной его поведением, унижает человеческое достоинство и в принципе является нарушением права, предусмотренного Статьей 3.

5.5.1.2 Общие условия содержания под стражей

Dougoz v Greece (2001 г.), см. пар. 46

46. Суд считает, что условия содержания под стражей иногда могут быть приравнены к бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. В деле **Greek case** Комиссия пришла к такому заключению в отношении переполненности и несоответствующих требованиям средств отопления, санитарно-гигиенического обеспечения, организации спальных мест, питания, отдыха и связей с внешним миром. При оценке условий содержания под стражей необходимо принимать во внимание суммарный эффект данных условий, а также конкретные утверждения заявителя.

Kalashnikov v Russia (2002 г.), см. пар. 95

95. [...] Меры по лишению лица свободы могут часто включать такой элемент. Нельзя говорить, что само по себе содержание под стражей влечет за собой нарушение ст. 3 Конвенции. Также статья не может быть однозначно истолкована как устанавливающая общее обязательство освободить лицо, содержащееся под стражей, из-за плохого состояния здоровья или направить его в больницу за пределами места заключения для обеспечения его специальным медицинским лечением.

Тем не менее, согласно данному положению Государство должно гарантировать, что лицо, находящееся под стражей, содержится в таких условиях, которые сопоставимы с уважением к человеческому достоинству, что мера и способ исполнения наказания не приводят его к страданиям или мукам, чрезмерным по сравнению с неизбежным уровнем страданий, характерным для мест лишения свободы, и что, в соответствии с практическими требованиями тюремного заключения, его здоровье и благополучие надлежащим образом защищены.

При оценке условий содержания под стражей необходимо принимать во внимание суммарный эффект данных условий, а также конкретные утверждения заявителя.

5.5.1.3 Медицинское вмешательство с целью получения доказательств

Jalloh v Germany (2006 г.), см. пар. 82

82. Принимая во внимание все обстоятельства дела, Суд считает, что оспариваемая мера достигает минимального уровня тяжести, достаточного для рассмотрения ее в соответствии со Статьей 3. Власти подвергли заявителя серьезному вмешательству, касающемуся его физической и психической неприкосновенности, против его воли. Они заставили его извергать рвотные массы, не в терапевтических целях, а с тем, чтобы получить доказательства, которые в равной степени могли быть получены способами с меньшей степенью вмешательства. Способ, каким оспариваемая мера была реализована, вполне мог вызвать у заявителя чувство страха, страдания и неполноценности, которые были способны его унижить и оскорбить. Кроме того, процедура была связана с риском для здоровья заявителя, не в последнюю очередь в результате того, что не был заранее собран надлежащий анамнез. Несмотря на то, что это было непреднамеренно, указанная мера была предпринята таким образом, что заявителю были причинены как физическая боль, так и душевные страдания. Таким образом, он подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, противоречащему Статье 3.

5.5.1.4 Отсутствие соответствующей медицинской помощи

Ihan v Turkey (2000 г.), см. пар. 86-87

86. Суд признал выводы Комиссии, касающиеся нанесенных Абдуллатифу Ильхану повреждений, а именно, что он был избит ногами, и что ему по меньшей мере один раз был нанесен удар по голове ружьем G3. В результате этого он получил сильный ушиб и две раны головы, которые вызвали повреждение мозга и долгосрочную утрату функций организма. Несмотря на видимые повреждения головы и очевидную для Абдуллатифа Ильхана трудность ходить и разговаривать, его 36 часов не отправляли в больницу.

87. Принимая во внимание уровень жестокости обращения, которому подвергли Абдуллатифа Ильхана, и сопутствующие ему остальные обстоятельства дела, включая значительный промежуток времени, прошедший перед тем, как он получил соответствующую медицинскую помощь, Суд считает, что заявитель был подвергнут очень серьезному и жестокому страданию, которое может быть охарактеризовано как пытка.

Herczegfalvy v Austria (1992 г.), см. пар. 82

82. Суд считает, что положение неполноценности и бессилия, характерное для пациентов, содержащихся в психиатрических лечебницах, требует повышенного внимания к соблюдению Конвенции. Несмотря на то, что служба здравоохранения, руководствуясь общепризнанными правилами медицины, решает, какие терапевтические методы необходимо применить, если необходимо - силой, для того, чтобы сохранить душевное здоровье пациентов, которые совершенно не способны принять решение самостоятельно и за которых, как следствие, служба здравоохранения несет ответственность, такие пациенты тем не менее находятся под защитой Статьи 3, требования которой не разрешают какого-либо умаления прав.

Установленные принципы терапии принципиально являются решающими в подобных случаях; как правило, мера, являющаяся необходимостью терапевтического характера, не может считаться бесчеловечной или унижающей достоинство. Тем не менее, Суд обязан показать убедительность существования такой медицинской необходимости.

Kudla v Poland (2000 г.), см. пар. 93-94

93. Меры по лишению лица свободы могут часто включать такой элемент. Нельзя говорить, что само по себе содержание под стражей влечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции. Также Статья не может быть однозначно истолкована как устанавливающая общее обязательство освободить лицо,

содержащееся под стражей, из-за плохого состояния здоровья или направить его в больницу за пределами места заключения для обеспечения его конкретным медицинским лечением.

94. Тем не менее, согласно данному положению Государство должно гарантировать, что лицо, находящееся под стражей, содержится в таких условиях, которые сопоставимы с уважением к человеческому достоинству, что мера и способ исполнения наказания не приводят его к страданиям или мукам, чрезмерным по сравнению с неизбежным уровнем страданий, характерным для мест лишения свободы, и что, в соответствии с практическими требованиями тюремного заключения, его здоровье и благополучие надлежащим образом защищены благодаря, в числе прочего, обеспечению его необходимой медицинской помощью.

Khudobin v Russia (2006 г.), см. пар. 95-96

95. ... Суд обращается к своим выводам в отношении того, что заявителю не была предоставлена необходимая медицинская помощь. Даже находясь в тюремном госпитале, заявитель очевидно страдал от физического воздействия своего заболевания. Что касается психического воздействия, он должен был сознавать, что находился под постоянным риском состояния, представляющего опасность для жизни и серьезные последствия для здоровья, и что квалифицированная медицинская помощь была недоступна (см. выше параграфы 29 и далее). Заявителю не только было отказано в надлежащей медицинской помощи внутри центра содержания под стражей, но также было отказано в возможности получить ее из других источников (см. выше параграф 27). Это должно было вызвать сильное беспокойство заявителя.

96. Более того, он был носителем ВИЧ-инфекции и страдал серьезным психическим расстройством. Это увеличило риски, связанные с любым из заболеваний, которыми он страдал во время содержания под стражей, и усугубляло его сильное беспокойство на этот счет. В данных обстоятельствах отсутствие квалифицированной и своевременной медицинской помощи, усугубленное отказом властей в предоставлении возможности пройти независимое медицинское обследование его здоровья, вызвало у заявителя настолько сильное чувство небезопасности, что, в совокупности с физическими страданиями, оно может быть приравнено к унижающему достоинство обращению в соответствии со значением Статьи 3.

5.5.1.5 Приспособления для инвалидов

Bragadireanu v Romania (2007 г.), см. пар. 94 и 97

94. В настоящем деле Суд не может не заметить, что Правительство, которое предоставило весьма подробные сведения от представителей места заключения в отношении медицинского наблюдения за заявителем, не смогло предоставить никаких сведений об условиях, предоставленных заявителю в месте заключения, в том числе по вопросу о наличии личного помощника. Это позволяет Суду сделать вывод о том, что такие условия не были предоставлены заявителю.

Суд напоминает, что заболевание заявителя является серьезным, что его основные санитарно-гигиенические потребности сложно обеспечить, и что он страдает серьезными функциональными дефектами. Несмотря на то, что властям было это известно, заявитель до сих пор находится в обычном месте заключения, в одной камере с другими лицами, не может пользоваться душем или теплой водой и не получает регулярной помощи в отношении своих потребностей. Его плохое состояние привело к общественной изоляции его от остальных заключенных тюрьмы.

97. Вышеизложенные соображения дают Суду возможность сделать вывод о том, что условия содержания в тюрьме, в частности, переполненность и недостаточный доступ к средствам санитарно-гигиенического обеспечения, подходящим заявителю по состоянию его здоровья, причинили

ему страдания, достигающие порога бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, запрещенного Статьей 3.

5.5.1.6 Личный досмотр лиц, содержащихся под стражей

Iwanczuk v Poland (2001 г.), см. пар. 59

59. Кроме того, хотя досмотр с полным раздеванием может быть необходим в случаях, когда требуется обеспечить безопасность тюрьмы или предотвратить беспорядки в тюрьме, он должен проводиться соответствующим образом. В настоящем деле, тюремные надзиратели словесно оскорбляли и издевались над заявителем. Их поведение было направлено на то, чтобы причинить заявителю чувства унижения и неполноценности. Это, по мнению Суда, доказывает отсутствие уважения в человеческому достоинству заявителя. Принимая во внимание, что такому обращению подверглось лицо, которое, как указано выше, хотело воспользоваться своим правом голосования в рамках мероприятия, специально проведенного для лиц, содержащихся в тюрьме города Вроцлав, а также ввиду отсутствия убедительных оснований для такого обращения, Суд считает, что в настоящем деле такое поведение, которое унизило и оскорбило заявителя, может быть приравнено к унижающему достоинство обращению, противоречащему Статье 3.

Valasinas v Lithuania (2001 г.), см. пар. 117

117. Суд считает, что хотя досмотр с полным раздеванием может быть необходим в случаях, когда требуется обеспечить безопасность тюрьмы или предотвратить беспорядки или преступление, он должен проводиться соответствующим образом. Принуждение заявителя раздеваться догола в присутствии женщины и касание его половых органов и продуктов питания голыми руками продемонстрировало отсутствие уважения к заявителю и, как результат, умалило его человеческое достоинство. Это должно было причинить ему чувства страдания и неполноценности, способные унижить его и оскорбить. Таким образом, Суд приходит к заключению, что досмотр, проведенный 7 мая 1998г., может быть приравнен к унижающему достоинство обращению в рамках значения Статьи 3 Конвенции.

Wieser v Austria (2007 г.), см. пар. 40-41

40. В настоящем деле Суд, прежде всего, отмечает, что в данном случае заявителю не просто приказали раздеться, но он, находясь в беспомощном положении, был раздет сотрудниками полиции. Даже несмотря на последующее утверждение заявителя о том, что ему завязали глаза, что не было установлено внутривосударственным судом, Суд считает, что данная процедура достигла такой степени насилия и, возможного, унижения, что ее не следовало применять без неопровержимых на то оснований. Однако Суду не были представлены доказательства того, что данный досмотр с полным раздеванием был необходим и обоснован причинами безопасности. В связи с этим Суд отмечает, что в отношении заявителя, который к этому моменту уже находился в наручниках, был проведен досмотр на предмет оружия, а не наркотиков или иных объектов малого размера, которые можно было бы пропустить при простом личном досмотре без полного раздевания заявителя.

41. Принимая во внимание вышесказанное, Суд считает, что в конкретных обстоятельствах данного дела досмотр заявителя с полным раздеванием в ходе вторжения полиции в его дом является необоснованным обращением с уровнем жестокости, достаточным, чтобы характеризовать его как «унижающее достоинство» в рамках значения Статьи 3 Конвенции.

5.5.2 Дискриминация как форма унижающего достоинство обращения

Cyprus v Turkey (2001 г.), см. пар. 307 – 310

307. Помня о данных соображениях, Суд не может не заметить, что Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций в своем докладе о достигнутых результатах от 10 декабря 1995 года в отношении «Карпасского задания» заявил, что анализ условий жизни киприотов греческого происхождения в Карпасе, проведенный ВСООНК, подтвердил, что они подвергаются жестким ограничениям, которые умаляют основные свободы и способны привести к тому, что по прошествии времени данная община неотвратимо перестанет существовать. Он сослался на тот факт, что власти не разрешают киприотам греческого происхождения в Карпасе завещать недвижимое имущество родственнику, даже ближайшему, если последний также не проживает на территории севера; на территории севера отсутствуют средние школы и дети киприотов греческого происхождения, которые решили посещать средние школы на территории юга, лишены права проживать на территории севера после достижения ими 16-летнего (для мальчиков) и 18-летнего (для девочек) возраста.

308. Суд отмечает, что Гуманитарный Отчет, отраженный в «Карпасском задании», охватывает 1994-95 годов, которые попадают под период рассмотрения в отношении жалоб, содержащихся в настоящем заявлении. Суд напоминает, что вопросы, затронутые Генеральным Секретарем Организации Объединенных Наций в его докладе о достигнутых результатах привели, с точки зрения анализа Суда, к заключению, что имело место нарушение прав, закрепленных в Конвенции, в отношении киприотов греческого происхождения, проживающих на территории анклава. Далее Суд замечает, что ограничение свободы передвижения данной общины тяжело сказывается на их праве частной и семейной жизни и праве исповедовать их религию. Суд признал, что в данном отношении имело место нарушение Статей 8 и 9 Конвенции.

309. Суд делает неизбежное заключение о том, что причиной рассматриваемых препятствий в отношении киприотов греческого происхождения в Карпасе является их принадлежность к данному классу. Обращение, которому они подвергались на протяжении рассматриваемого периода, может объясняться только с точки зрения характерных особенностей, которые отличают их от киприотов турецкого происхождения, а именно их этнического происхождения, расы и религии. Далее Суд отмечает, что политикой Государства-ответчика является проведение дискуссий в рамках переговоров между общинами на основании принципов существования двух зон и двух общин. Приверженность Государства-ответчика данным принципам должна рассматриваться в их отражении в ситуации, когда киприоты греческого происхождения вынуждены жить: изолировано, с ограничением в своем передвижении, под контролем и без перспектив восстановления или развития своей общины. Условия, в которых приходится жить указанной общине, являются унижающими и нарушают само понятие уважения человеческого достоинства ее членов.

310. По мнению Суда и со ссылкой на рассматриваемый период, дискриминационное обращение достигло такого уровня жестокости, когда оно может быть приравнено к унижающему достоинство обращению.

Moldovan and Others v Romania (2005 г.), см. пар. 111

111. Замечания, касающиеся честности и образа жизни заявителя, сделанные некоторыми органами власти в отношении его жалоб (см. выше решения гражданских и уголовных судов и замечания, сделанные мэром г. Четани, параграфы 44, 66 и 71), выглядят, в отсутствие каких-либо доказательств, исключительно как дискриминация. В связи с этим, Суд напоминает, что расовая дискриминация сама по себе может быть приравнена к унижающему достоинство обращению, в рамках значения Статьи 3 Конвенции (см. **East African Asians v the United Kingdom**, Commission Report, 14 декабря 1973, dr 78, стр. 5, на стр. 62).

Таким образом, подобные замечания должны считаться усугубляющим фактором в ходе изучения жалобы заявителя в соответствии со Статьей 3 Конвенции.

Smith and Grady v United Kingdom (1999 г.), см. пар. 121

121. Суд уже изложил выше, почему он считает, что расследование и увольнение, в совокупности с бланкетным характером политики Министерства Обороны, имели особенно серьезный характер. Более того, Суд не исключает, что обращение, основанное на предрасположенности гетеросексуального большинства к дискриминации в отношении гомосексуального меньшинства, имеющее описанный выше характер, может, в принципе, рассматриваться в соответствии со Статьей 3.

5.5.3 Разрушение деревень и домов

Bilgin v Turkey (2000 г.), см. пар. 99 и 102

99. Комиссия признала, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции, касающееся повреждения собственности заявителя и поджога его дома, что являет собой акт насилия и преднамеренного разрушения при полном отсутствии внимания к безопасности и благосостоянию заявителя, который, вместе со своей семьей, остался без крова при обстоятельствах, причинивших ему унижение и страдание. В данном контексте Комиссия напомнила о том, что заявитель произвел на ее Представителей впечатление скромного и простодушного человека, чей материальный ущерб повлиял на него в глубокой степени, лишив его средств к существованию.

102. Комиссия не обнаружила каких-либо скрытых мотивов разрушения дома и имущества заявителя. Тем не менее, даже если предположить, что рассматриваемые действия были совершены без намерения наказать заявителя, а в качестве поучительного примера для других или с целью предотвращения использования дома заявителя террористами, это не являлось бы достаточным основанием для подобного жестокого обращения.

5.5.4 Смертная казнь

Ocalan v Turkey (2003), см. пар. 194-204 и 207 (цитировано в постановлении Большой Палаты)

294. Суд напоминает, что в данном вопросе оценка того, должно ли указанное обращение или наказание считаться бесчеловечным или унижающим достоинство в соответствии со Статьей 3, не может зависеть от изменений и общепринятых стандартов карательной политики Государств-членов Совета Европы. Более того, понятия бесчеловечного и унижающего достоинство обращения значительно развились после принятия Конвенции в 1950г. и, тем более, после постановления Суда по делу **Soering v the United Kingdom** в 1989г.

195. В равной мере, Суд считает, что юридическая ситуация в отношении смертной казни претерпела значительное изменение со времени решения по делу **Soering v the United Kingdom**. Фактическая отмена смертной казни, указанная в этом деле, в отношении двадцати двух Договаривающихся Государств в 1989г. превратилась в юридическую отмену в сорока трех Договаривающихся Государствах из сорока четырех - последним было Государство-ответчик - и мораторий в оставшемся Государстве, а именно России, которая пока еще не отменила смертную казнь. Эта почти полная отмена смертной казни в мирное время отражена в том факте, что все Договаривающиеся Государства подписали Протокол №6 и сорок одно Государство его ратифицировало, т.е. все, кроме Турции, Армении и России. Также отмена смертной казни отражена в политике Совета Европы, который требует, чтобы каждое новое Государство в качестве условия его приема в данную организацию отменило смертную казнь. В результате данного развития территории, окруженные Государствами-членами Совета Европы, стали зоной, свободной от смертной казни.

196. В настоящее время указанное развитие могло бы послужить сигналом к тому, что Договаривающимся Государствам необходимо составить соглашение, отменяющее или, по

меньшей мере, изменяющее второе предложение Статьи 2 (1), касающееся, в частности, того, что все Договаривающиеся Государства к настоящему моменту подписали Протокол №6 и что он был ратифицирован сорок одним Государством. Может возникнуть вопрос, следует ли ждать ратификации Протокола №6 оставшимися тремя Государствами перед тем, как сделать заключение о том, что исключение, касающееся смертной казни в соответствии со Статьей 2, претерпело существенные изменения. Несмотря на наличие соответствующей основы, можно сказать, что смертная казнь в мирное время стала считаться неприемлемой, если не бесчеловечной, формой наказания, которая более недопустима в соответствии со Статьей 2.

197. Выражая данную точку зрения, Суд осознает, что Протокол №13, который указывает на то, что Договаривающиеся Государства выбрали традиционный метод изменения текста Конвенции в целях политики отмены, открыт для подписания. Тем не менее, этот Протокол предполагает распространение данного запрета путем установления запрета смертной казни при любых обстоятельствах, т.е. как в мирное, так и в военное время. Этот последний шаг к полной отмене смертной казни может рассматриваться в качестве подтверждения тенденции отмены, установленной практикой Договаривающихся Сторон. Это не обязательно противоречит мнению о том, что Статья 2 была изменена, в том, что касается разрешения применения смертной казни в мирное время.

198. По мнению Суда, в свете развития, произошедшего в данной области, нельзя исключать тот факт, что Государства посредством своей практики согласились изменить второе предложение Статьи 2 (1), в том, что касается разрешения применения смертной казни в мирное время. Вопреки данному основанию, можно поспорить, что применение смертной казни может рассматриваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, противоречащее Статье 3. Однако у Суда нет задачи прийти к какому-либо твердому заключению по данному вопросу, т.к. в силу следующих причин приведение в исполнения смертного приговора в результате несправедливого судебного разбирательства противоречило бы Конвенции даже в случае толкования Статьи 2 как все еще разрешающей смертную казнь.

(б) несправедливое судебное разбирательство и смертная казнь

199. По мнению Суда, при изучении соответствия любого смертного приговора Статьям 2 и 3, необходимо принимать во внимание сегодняшнее отношение Договаривающихся Государств к отмене смертной казни, отраженное в приведенном выше анализе. Как отмечено выше, Суд полагает, что при определенных обстоятельствах смертная казнь может быть разрешена.

200. Как уже было подчеркнуто Судом в контексте Статьи 3, способ, посредством которого смертный приговор назначается и приводится в исполнение, личные обстоятельства приговоренного лица и несоответствие серьезности совершенного преступления, а также условия содержания под стражей во время ожидания исполнения приговора, являются примерами факторов, способных запретить обращение или наказание, полученное приговоренным лицом, в соответствии со Статьей 3.

201. Поскольку право на жизнь, указанное в Статье 2 Конвенции, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции - одним из тех прав, которые не могут умаляться в мирное время в соответствии со Статьей 15, - и закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ, из которых состоит Совет Европы, ее положения, тем более, второе предложение Статьи 2, должны иметь строгое толкование.

202. Даже если бы Статья 2 по-прежнему разрешала смертную казнь, Суд считает, что произвольное лишение жизни в соответствии со смертным приговором запрещено. Это вытекает из требования того, что «Право на жизнь должно охраняться законом». Произвольное действие не может являться законным согласно Конвенции.

203. Из требования Статьи 2 (1) о том, что лишение жизни возможно только «во исполнение смертного приговора, вынесенного Судом», также следует, что «Суд», выносящий данный приговор, должен быть независимым и беспристрастным судом в соответствии с толкованием прецедентного права Суда и что при проведении судебного разбирательства, как в первой инстанции, так и при апелляции, соблюдаются самые строгие стандарты справедливости. Так как приведение смертного приговора в исполнение является необратимым, только благодаря применению указанных стандартов можно избежать произвольного и незаконного лишения жизни. Наконец, требование Статьи 2 (1), что наказание должно быть «предусмотрено» законом, означает не только то, что во внутригосударственном законодательстве должно существовать основание для такого наказания, но что должно полностью соблюдаться требование, предъявляемое к законодательству, а именно, что правовое основание должно быть «доступным» и «предсказуемым», в соответствии с толкованиями этих терминов в прецедентном праве Суда.

204. Из указанного выше толкования Статьи 2 следует, что применение смертной казни в отношении лица, в отношении которого не было проведено справедливое судебное разбирательство, запрещено.

207. По мнению Суда, вынесение лицу смертного приговора после проведения несправедливого судебного разбирательства означает, что лицо будет ошибочно подвержено страху перед исполнением приговора. Страх и неопределенность в отношении своего будущего, причиняемые смертным приговором, в обстоятельствах, когда существует реальная возможность того, что приговор будет приведен в исполнение, должны причинять лицу серьезные страдания. Такие страдания не могут быть отделены от несправедливости судебного разбирательства, лежащего в основе приговора, который, при условии того, что под угрозой находится жизнь человека, становится незаконным в соответствии с Конвенцией. Принимая во внимание отказ Договаривающихся Сторон от смертного приговора, который более не имеет законного места в демократическом обществе, вынесение смертного приговора в подобных обстоятельствах само по себе должно считаться формой бесчеловечного обращения.

5.5.5 Изнасилование (и/или угроза изнасилования)

Aydin v Turkey (1997 г.), см. пар. 83

83. Находясь под стражей, заявительница была изнасилована лицом, личность которого еще предстоит установить. Изнасилование лица, содержащегося под стражей, представителем Государства должно рассматриваться как особенно серьезная и отвратительная форма жестокого обращения, учитывая легкость, с которой преступник может использовать уязвимость и слабость сопротивления своей жертвы. Более того, изнасилование оставляет у жертвы глубокие психологические травмы, которые гораздо медленнее проходят с течением времени, по сравнению с другими формами физического и психологического насилия. Заявительница также испытала острую физическую боль в результате насильственного проникновения, что должно было ее унижить и причинить как физическую, так и психологическую травму.

Menesheva v Russia (2006 г.), см. пар. 61

61. Для оценки серьезности «боли и страдания», причиненных заявителю, Суд принимает во внимание все обстоятельства дела, такие как длительность подобного обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. *Bati and Others*, цит. выше, пар. 120). Суд указывает на то, что в существенный момент времени заявительнице было всего 19 лет, и, будучи женщиной, противостоящей нескольким полицейским мужского пола, она находилась в особенно уязвимом положении. Более того, указанное жестокое

обращение продолжалось несколько часов, в течение которых заявительница была дважды избита и подвергнута другим формам жестокого физического и психологического насилия.

Maslova and Nalbandov v Russia (2008 г.), см. пар. 107-108

107. Суд отмечает, что, в соответствии с его установленным прецедентным правом, изнасилование содержащегося под стражей лица представителем властей государства должно рассматриваться как особо жестокая и отвратительная форма обращения, учитывая легкость, с которой преступник может воспользоваться уязвимостью и ослабевшим сопротивлением его жертвы. Более того, изнасилование оставляет глубокие психологические шрамы у жертв, которые не проходят с течением времени дольше, чем от других форм физического или психологического насилия. Жертва также испытывает острую физическую боль от насильственного проникновения, которая заставляет ее чувствовать себя униженной и оскверненной как физически, так и эмоционально (см. дело **Aydin**, цитированное выше, пар. 83).

108. В свете вышесказанного Суд убежден в том, что совокупность актов физического насилия, примененного к первой заявительнице (см. параграфы 13, 14, 17, 21 и 31-32), и особо жестоких актов неоднократного изнасилования, которым она была подвергнута (см. параграфы 14 и 31-32), составляет пытку, в нарушение Статьи 3 Конвенции.

УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ

97 Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and 4 Others v Georgia (2007) (Appl. No. 71156/01, 3 May 2007)	68
Abdulaziz, Cabales and Balkandali v United Kingdom (1985) (Appl. Nos. 15/1983/71/107-109, 24 April 1985).....	40, 42, 80
Abdulsamet Yaman v Turkey (2004) (Appl. No. 32446/96, 2 November 2004).....	11, 46
Aerts v Belgium (1998) (Appl. No. 25357/94, 30 July 1998).....	20, 26
Afanasyev v Ukraine (2005) (Appl. No. 38722/02, 5 April 2005).....	46
Ahmed v Austria (1996) (Appl. No. 25964/94, 17 December 1996).....	57, 87
Akdeniz v Turkey (2001) (Appl. No. 25165/94, 31 May 2001).....	25
Akkum and Others v Turkey (2005) (Appl. No. 21894/93, 24/03/2005).....	39
Akpinar and Altun v Turkey (2007) (Appl. No. 56760/00, 27 February 2007).....	39
Aksoy v Turkey (1996) (Appl. No. 21987/93, 18 December 1996).....	2, 9, 10, 25, 71, 73, 75, 81
Aleksanyan v Russia (2008) (Appl. No. 46468/06, 22 December 2008).....	33
Alver v Estonia (2005) (Appl. No. 64812/01, 8 November 2005).....	28
Amegnigan v Netherlands (2004) (Appl. No 25629/04, 25 November 2004).....	60
Arcila Henao v Netherlands (2003) (Appl. No. 13669/03, 24 June 2003).....	60
Assenov v Bulgaria (1998) (Appl. No. 24760/94, 28 October 1998).....	65, 70, 72, 89
Avci and Others v Turkey (2006) (Appl. No. 70417/01, 27 June 2006).....	31
A. v United Kingdom (1998) (Appl. No. 100/1977/884/1096, 3 September 1998).....	1, 63, 88
Aydin v Turkey (1997) (Appl. No. 23178/94, 25 September 1997).....	4, 8, 14, 45, 65, 71, 99
Bader and Others v Sweden (2005) (Appl. No. 13284/04, 8 November 2005).....	44, 54, 87
Balogh v Hungary (2004) (Appl. No. 47940/99, 20 July 2004).....	16
Barbu Anghelescu v Romania (2004) (Appl. No.46430/99, 5 October 2004).....	16
Bati and Others v Turkey (2004) (Appl. No. 33097/96, 57834/00, 3 June 2004).....	11
Bazorkina v Russian Federation (2006) (Appl. No. 69481/01, 27/07/2006).....	21, 79
Becciev v Moldova (2005) (Appl. No. 9190/03, 4 October 2005).....	6, 15, 30, 77
Bekos and Koutropoulos v Greece (2005) (Appl. No. 15250/02, 13 December 2005).....	24
Bensaid v United Kingdom (2001) (Appl. No. 44599/98, 6 February 2001).....	60
Berktay v Turkey (2001) (Appl. No. 22493/93, 1 March 2001).....	22, 45
Berlinski v Poland (2002) (Appl. No. 27715/95, 329/96, 20 June 2002).....	5, 47
Bilgin v Turkey (2000) (Appl. No. 23819/94, 16 November 2000).....	23, 97
Boicenco v Moldova (2006) (Appl. No. 41088/05, 11/07/2006).....	82
Bragadireanu v Romania (2007) (Appl. No. 22088/04, 6 December 2007).....	38, 94
Bursuc v Romania (2004) (Appl. No. 42066/98, 12 October 2004).....	12
Çakici v Turkey (1999) (Appl. No. 23657/94, 8 July 1999).....	10, 21, 78
Campbell and Cosans v United Kingdom (1982) (Appl. No. 7511/76, 25 February 1982).....	20, 78
Cenbauer v Croatia (2006) (Appl. No. 73786/01, 09 March 2006).....	49
Chahal v United Kingdom (1996) (Appl. No. 22414/93, 15 November 1996).....	2, 57, 59
Chember v Russia (2008) (Appl. No. 7188/03, 3 July 2008).....	15
Corsacov v Moldova (2006) (Appl. No. 18944/02, 04 April 2006).....	12
Costello-Roberts v United Kingdom (1993) (Appl. No. 13134/87, 25 March 1993).....	1, 4, 73
Cruz Varas and Others v Sweden (1991) (Appl. No. 15576/89, 20 March 1991).....	52
Cyprus v Turkey (1976) (Commission Report, 10 July 1976).....	51
Cyprus v Turkey (2001) (Appl. No. 25781/94, 10 May 2001).....	41, 95
D. and Others v Turkey (2006) (Appl. No. 24245/03, 22 June 2006).....	54
Dedovskiy and Others v Russia (2008) (Appl. No. 178/03, 15 May 2008).....	12, 68
Dikme v Turkey (2000) (Appl. No. 20869/92, 22 July 2000).....	70
Dougoz v Greece (2001) (Appl. No. 4907/98, 6 March 2001).....	26, 29, 92
Dragan and Others v Germany (2004) (Appl. No. 33743/03, 7 October 2004).....	61
Dulas v Turkey (2001) (App. No. 25801/94, 30 January 2001).....	23

D. v United Kingdom (1997) (Appl. No. 3024/96, 2 February 1997).....	2, 23, 60, 73, 86
East African Asians v United Kingdom (1973) (Commission Report, 14 December 1973).....	40, 42, 52, 79
Elci and Others v Turkey (2003) (Appl. No. 23145/93, 13 November 2003).....	8, 11, 75
Farbtuhs v Latvia (2004) (Appl. No. 4672/02, 02 December 2004).....	32
Fashkami v United Kingdom (2004) (Appl. No. 17341/03, 22 June 2004).....	55
Fedotov v Russia (2005) (Appl. No. 5140/02, 25 October 2005).....	46
Gafgen v Germany (2008) (Appl. No. 22978/05, 30 June 2008).....	17
Garabayev v Russia (2007) (Appl. No. 38411/02, 7 June 2007).....	54, 87
G.B. v Bulgaria (2004) (Appl. No. 42346/98, 11 March 2004).....	43
Gelfmann v France (2004) (Appl. No. 25875/03, 14 December 2004).....	6, 33
Georgescu v Romania (2008) (Appl. No. 25230/03, 13 May 2008).....	63
Georgiev v Bulgaria (2005) (Appl. No. 47823/99, 15/12/2005).....	6
Gorodnichev v Russia (2007) (Appl. No. 52058/99, 24 May 2007).....	18
Greek case (1969) (Commission Report, 5 November 1969).....	3, 9
Hasan Ilhan v Turkey (2004) (Appl. No. 22494/93, 9 November 2004).....	23
Henaf v France (2003) (Appl. No. 65436/01, 27 November 2003).....	30
Herczegfalvy v Austria (1992) (Appl. No. 10533/83, 24 September 1992).....	35, 93
Hilal v United Kingdom (2001) (Appl. No. 45276/99, 06 March 2001).....	50
H.L.R. v France (1997) (Appl. No. 24573/94, 29 April 1997).....	59, 86
Hulki Gunes v Turkey (2003) (Appl. No. 28490/95, 19 June 2003).....	16
Huseyin Yildirim v Turkey (2007) (Appl. No.2778/02, 3 May 2007).....	37
Hutardo v Switzerland (1994) (Commission Report, 26 January 1994).....	32
I.I. v Bulgaria (2005) (Appl. No. 44082/98, 9 June 2005).....	15, 78
Ilascu and Others v Moldova and Russia (2004) (Appl. No. 48787/99, 8 July 2004).....	13, 51, 76, 83
Ilhan v Turkey (2000) (Appl. No. 22277/93, 27 June 2000).....	11, 70, 89, 93
Indelicato v Italy (2001) (Appl. No. 31143/96, 18 October 2001).....	48, 65
Iorgov v Bulgaria (2004) (Appl. No. 40653/98, 11 March 2004).....	43
Ipek v Turkey (2004) (Appl. No. 25760/94, 17 February 2004).....	21
Ireland v United Kingdom (1978) (Appl. No. 5310/71, 18 January 1978).....	3, 8, 15, 16, 20, 23, 25, 47, 51, 73, 74, 77, 79, 80, 81, 82
Istratii and Others v Moldova (2007) (Appl. Nos. 8721/05, 8705/05 and 8742/05, 27 March 2007).....	18
Ivan Vasilev v Bulgaria (2007) (Appl. No. 48130/99, 12 April 2007).....	72
Iwanczuk v Poland (2001) (Appl. No. 25196/94, 15 November 2001).....	38, 95
Jabari v Turkey (2000) (Appl. No. 40035/98, 11 July 2000).....	58
Jalloh v Germany (2006) (Appl. No. 54810/00, 11/07/2006).....	19, 92
Kalashnikov v Russia (2002) (Appl. No. 47095/99, 15 July 2002).....	10, 26, 28, 92
Karalevicius v Lithuania (2005) (Appl. No. 53254/99, 7 April 2005).....	30
Kaya v Turkey (1998) (Appl. No. 22729/93, 19 February 1998).....	70
Khashiyev and Akayeva v Russia (2005) (Appl. Nos. 57942/00, 57945/00, 24 February 2005).....	48, 67, 90
Khokhlich v Ukraine (2003) (Appl. No. 41707/98, 29 April 2003).....	27
Khudobin v Russia (2006) (Appl. No. 59696/00, 26/10/2006).....	32, 94
Khudoyorov v Russia (2005) (Appl. No. 6847/02, 8 November 2005).....	27, 30, 44
Kmetty v Hungary (2003) (Appl. No. 57967/00, 16 December 2003).....	66
Koku v Turkey (2005) (Appl. No. 27305/95, 31 May 2005).....	21
Krastanov v Bulgaria (2004) (Appl. No.50222/99, 30 September 2004).....	16
Kucheruk v Ukraine (2007) (Appl. No. 2570/04, 6 September 2007).....	16, 31, 36
Kudla v Poland (2000) (Appl. No. 30210/96, 26 October 2000).....	5, 26, 35, 93
Kurt v Turkey (1998) (Appl. No. 24276/94, 25 May 1998).....	3, 21, 42
Kuznetsov v Ukraine (2003) (39042/97, 29 April 2003).....	27
Labita v Italy (2000) (Appl. No. 26772/95, 6 April 2000).....	2, 25, 42, 47, 65, 70, 77, 80, 92
Labzov v Russia (2005) (Appl. No. 62208/00, 16 June 2005).....	10, 30
Lopez Ostra v Spain (1994) (Appl. No. 16798/90, 9 December 1994).....	5, 7

Lorsé and Others v Netherlands (2003) (Appl. No. 52750/99, 4 February 2003)	49
L. v Lithuania (2007) (Appl. No. 27527/03, 11 September 2007).....	8
Maaouia v France (2000) (Appl. No. 39652/98, 05 October 2000).....	58
Mamatkulov and Askarov v Turkey (2005) (Appl. No. 46827/99, 46951/99, 4 February 2005)	62
Martinez Sala and Others v Spain (2004) (Appl. No. 58438/00, 2 November 2004)	66
Maslova and Nalbandov v Russia (2008) (Appl. No. 839/02, 24 January 2008).....	14, 67, 91, 100
Matencio v France (2004) (Appl. No. 58749/00, 15 January 2004)	6, 34
Mathew v Netherlands (2005) (Appl. No. 24919/03, 29 September 2005)	7, 34, 44, 47
Mayzit v Russia (2005) (Appl. No. 63378/00, 20 January 2005)	27
McGlinchey v United Kingdom (2003) (Appl. No. 50390/99, 29 April 2003)	17
M.C. v Bulgaria (2003) (Appl. No. 39272/98, 4 December 2003)	62, 88
Mechenkov v Russia (2008) (Appl. No. 35421/05, 7 February 2008).....	18
Menesheva v Russia (2006) (Appl. No. 59261/00, 09/03/2006)	14, 76, 99
Mentese and Others v Turkey (2005) (Appl. No. 36217/97, 18 January 2005)	23
Messina v Italy (2000) (Appl. No. 25498/94, 28 September 2000)	31
Mikheyev v Russia (2006) (Appl. No. 77617/01, 26 January 2006)	10, 76
Modarca v Moldova (2007) (Appl. No.14437/05, 10 May 2007)	29
Moldovan and Others v Romania (2005) (Appl. No. 41138/98, 64320/01, 12 July 2005)	41, 96
Mouisel v France (2002) (Appl. No. 67263/01, 14 November 2002).....	17
Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v Belgium (2006) (Appl. No. 13178/03, 12 October 2006).....	8, 19, 22
Musayev and Others v Russia (2007) (Appl. Nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, 26 July 2007).....	22
Muslim v Turkey (2005) (Appl. No. 53566/99, 26 April 2005)	55
Narcisio v Netherlands (2005) (Appl. No. 47810/99, 27 January 2005)	6
Ndangoya v Sweden (2004) (Appl. No. 17868/03, 22 June 2004).....	60
Nevmerzhitsky v Ukraine (2005) (Appl. No. 54825/00, 5 April 2005)	8, 13
Novoselov v Russia (2005) (Appl. No. 66460/01, 2 June 2005).....	27
Ntumba Kabongo v Belgium (2005) (Appl. No. 52467/99, 2 June 2005).....	6
N. v Finland (2005) (Appl. No. 38885/02, 26 July 2005)	2, 56, 59, 85
Ocalan v Turkey (2003) (Appl. No. 46221/99, 12 March 2003).....	97
Ocalan v Turkey (2005) (Appl. No. 46221/99, 12 May 2005).....	30, 32, 43
Ognyanova and Choban v Bulgaria (2006) (Appl. No. 46317/99, 23/02/2006)	68, 91
Ostrovar v Moldova (2005) (Appl. No. 35207/03, 13 September 2005)	28
Pantea v Romania (2003) (Appl. No. 33343/96, 3 June 2003).....	63
P. M. v Hungary (1998) (Commission Report, 09 September 1998)	37
Poltoratskiy v Ukraine (2003) (Appl. No. 38812/97, 29 April 2003).....	27, 66
Popov v Moldova (2005) (Appl. No. 74153/01, 18 January 2005).....	4
Popov v Russia (2006) (Appl. No. 26853/04, 13/07/2006).....	32, 81
Price v United Kingdom (2001) (Appl. No. 33394/96, 10 July 2001).....	37
Ramirez Sanchez v France (2005) (Appl. No. 59450/00, 27 January 2005).....	2, 7, 74
Raninen v Finland (1997) (Appl. No. 20972/92, 16 December 1997).....	30
Reggiani Martinelli v Italy (2005) (Appl. No. 22682/02, 16 June 2005).....	7
Rehbock v Slovenia (2002) (Appl. No. 29462/95, 28 November 2002)	46, 81
Riad and Idiab v Belgium (2008) (Appl. Nos. 29787/03 and 29810/03, 24 January 2008)	29
Ribitsch v Austria (1995) (Appl. No. 18896/91, 04/12/1995).....	45, 80
Rivas v France (2004) (Appl. No. 59584/00, 1 April 2004)	5, 16, 26
Rivière v France (2006) (Appl. No. 33834/03, 11/07/2006)	6, 36
R.L. and M.-J.D. v France (2004) (Appl. No. 44568/98, 19 May 2004).....	16
Rodic and 3 Others v Bosnia and Herzegovina (2008) (Appl. No. 22893/05, 27 May 2008)	64
Rohde v Denmark (2005) (Appl. No. 69332/01, 21 July 2005)	31
Romanov v Russia (2005) (Appl. No. 63993/00, 20 October 2005).....	30
Saadi v Italy (2008) (Appl. No. 37201/06, 28 February 2008).....	2, 55, 56, 74, 84

Said v Netherlands (2005) (Appl. No. 2345/02, 5 June 2005).....	53, 85
Sakkopoulos v Greece (2004) (Appl. No. 61828/00, 15 January 2004)	34
Salman v Turkey (2000) (Appl. No. 21986/93, 27 June 2000).....	9, 25, 32, 44, 75
Secic v Croatia (2007) (Appl. No. 40116/02, 31 May 2007).....	69
Selmouni v France (1999) (Appl. No. 25803/94, 28 July 1999).....	8, 11, 25, 75
Smith and Grady v United Kingdom (1999) (Appl. Nos. 33985/96, 33986/96, 27 September 1999)	5, 7, 42, 97
Soering v United Kingdom (1989) (Appl. No. 14038/88, 7 July 1989)	4, 53, 84
Soldatenko v Ukraine (2008) (Appl. No. 2440/07, 23 October 2008)	50
Stefan Iliev v Bulgaria (2007) (Appl. No. 53121/99, 10/05/2007)	7
Sultan Oner and Others v Turkey (2006) (Appl. No. 73792/01, 17 October 2006)	22
Sunal v Turkey (2005) (Appl. No. 43918/98, 25 January 2005)	46
Tahsin Acar v Turkey (2004) (App. No. 26307/95, 08 April 2004)	21
Tanis v Turkey (2005) (Appl. No. 65899/01, 2 August 2005).....	21
Tanli v Turkey (2001) (Appl. No. 26129/95, 10 April 2001).....	21, 48
Tastan v Turkey (2008) (Appl. No. 63748/00, 04 March 2008)	39
Tekin v Turkey (1998) (Appl. No. 22496/93, 09 June 1998).....	18
Thampibillai v Netherlands (2004) (Appl. No. 61350/00, 17 February 2004).....	50, 55
Tomasi v France (1992) (Appl. No. 12850/87, 27 August 1992).....	16, 45
Tomic v United Kingdom (2003) (Appl. No. 17837/03, 14 October 2003)	61
Toteva v Bulgaria (2004) (Appl. No. 42027/98, 19 May 2004)	4
Tyrer v United Kingdom (1978) (Appl. No. 5856/72, 25 April 1978).....	3, 14, 24
Valasinas v Lithuania (2001) (Appl. No. 44558/98, 24 July 2001)	28, 38, 90, 95
Van der Ven v Netherlands (2003) (Appl. No. 50901/99, 4 February 2003)	39, 49
Venkadajalasarma v Netherlands (2004) (Appl. No. 58510/00, 17 February 2004).....	50, 55
Veznedaroglu v Turkey (2000) (Appl. No. 32357/96, 11 April 2000).....	65
Vilvarajah v United Kingdom (1991) (Appl. Nos. 13163/87, 13164/87, 13165/88 et. al, 30 October 1991).....	55
Vincent v France (2006) (Appl. No. 6253/03, 24/10/2006).....	37
Wainwright v United Kingdom (2006) (Appl. No. 12350/04, 26 September 2006).....	7
Weeks v United Kingdom (1987) (Appl. No. 9787/82, 2 March 1987)	4
Wieser v Austria (2007) (Appl. No. 2293/03, 22 February 2007)	24, 95
X. v Netherlands (1978) (Commission Decision, 5 December 1978)	19
Yesil and Sevim v Turkey (2007) (Appl. No. 34738/04, 5 June 2007)	72
Yurtas v Turkey (2004) (Appl. Nos. 25143/94, 27098/95, 27 May 2004)	6
Zeynep Özcan v Turkey (2007) (Appl. No. 45906/99, 20 February 2007)	67
Z. v United Kingdom (2001) (Appl. No. 29392/95, 10 May 2001)	1, 63, 88